ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВНУКОВЪ,

Наталіи Гротъ.

Изданіе семьи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900

Наталья Грот

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

«Только проживъ долгую жизнь и собравъ жатву воспоминаній, которыя въ послѣдніе дни жизни такъ отчетливо роятся въ памяти, оцѣнишь ихъ значеніе. Поэтому собираніе семейныхъ преданій и матеріаловъ, живыхъ и письменныхъ, документальныхъ—вмѣсто накопленія земныхъ богатствъ—для дѣтей и внуковъ гораздо полезнѣе и настолько же выше, насколько духовное выше матеріальнаго... Въ этомъ обнаруживается широко-сознательное отношеніе человѣка къ жизни. Благо тому, кто понялъ это...»

Эти строки набросаны Натальей Петровной Гротъ на листкѣ, найденномъ при рукописи настоящихъ ея воспоминаній, предназначенныхъ ею главнымъ образомъ для дѣтей и внуковъ, а также вообще для близкихъ и друзей. Издавая ихъ нынѣ съ

такимъ назначеніемъ, мы исполняемъ ея послѣднюю волю, ея давнюю завѣтную мечту, которую она не успѣла осуществить при жизни.

Знавшимъ покойную хорошо извѣстно, какъ она, по смерти мужа, Я. К. Грота, всецѣло отдалась дѣлу подготовленія изданія его трудовъ и переписки и собиранія матеріаловъ для его жизнеописанія. Рядомъ съ этимъ она въ послѣдніе годы была занята отдѣлкою для печати теперь издаваемыхъ своихъ личныхъ воспоминаній (начиная съ ранняго дѣтства), предпринятыхъ ею еще въ концѣ 1880-хъ годовъ и доведенныхъ до поселенія въ 1853 г. въ Петербургѣ (послѣ замужества въ 1850 г. и трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Финляндіи).

Воспоминанія эти обрываются на этомъ моментѣ потому, что съ переходомъ Якова Карловича въ Петербургъ и съ началомъ его педагогическихъ занятій при Великихъ Князьяхъ, Наталья Петровна, вполнѣ посвятивъ себя интересамъ новой дѣятельности и службы своего мужа, приняла са-

мое живое участіе въ веденіи изо дня въ день его собственныхъ записокъ, представляющихъ несомнѣнно цѣнный и автобіографическій и историческій матеріалъ. На основаніи этихъ записокъ Н. П. въ послѣднее время успѣла составить довольно подробную хронику и этой эпохи ихъ жизни, до начала 60-хъ годовъ,—хронику, которая можетъ послужить существеннымъ матеріаломъ для біографіи Я. К. Грота, а можетъ также быть впослѣдствіи обнародована и въ томъ видѣ, какъ она написана.

К. Гротъ.

28 ноября 1899 г.

Оглавленіе.

	стр.
Отъ издателя	I
I. Дѣтство	1
II. Потеря отца и перемѣна жизни	29
III. Институтская жизнь	44
IV. Жизнь послѣ выпуска изъ института . .	79
V. Петербургъ и рѣшеніе судьбы	125
VI. Жизнь въ Гельсингфорсѣ	139
VII. Переселеніе изъ Финляндіи въ Петербургъ	174

ВОСПОМИНАНІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВНУКОВЪ.

«Культъ предковъ и основанное на немъ семейное воспитаніе побѣждаетъ безнравственную рознь и возстановляетъ нравственную солидарность людей въ порядкѣ времени или послѣдовательности бытія».

Владиміръ Соловьевъ. „Нравственныя организація человѣчества". Вопросы философіи и психологіи. Книга 34, 1896 г. стр. 597.

I.

Дѣтство.

Родилась я 2-го ноября 1825 года *) въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, въ имѣніи родителей моихъ—сельцѣ Рязанкѣ, прихода села Урусова. Имѣніе это принадлежитъ теперь старшему брату моему, сенатору Николаю Петровичу Семенову. Отецъ мой былъ отставной гвардіи капитанъ Петръ Николаевичъ Семеновъ. Онъ получилъ воспитаніе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ при почтенномъ директорѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ и, по окончаніи въ немъ курса, 16 лѣтъ былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ въ 1807 году.

Въ запискѣ, сохранившейся въ нашихъ семейныхъ бумагахъ, переданныхъ мужу моему братомъ отца

*) Годъ моего рожденія выходитъ спорнымъ, такъ какъ старенькая деревянная церковь въ Урусовѣ сгорѣла и въ бумагахъ, выправленныхъ изъ Рязанской консисторіи, значится 1824 годъ, а въ метрикѣ, выправленной позже для герольдіи,—1825 годъ.

моего Василіемъ Николаевичемъ Семеновымъ, изложена его краткая біографія, и я заимствую изъ нея нѣкоторыя мѣста. Она написана неизвѣстно кѣмъ уже послѣ смерти моего отца. Авторъ говоритъ:

„Оставленный безъ всякаго покровительства на произволъ судьбы, Петръ Николаевичъ поступилъ въ роту капитана Мартынова. Веселымъ и кроткимъ нравомъ и скромнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ службѣ онъ скоро пріобрѣлъ отъ начальства вниманіе, а отъ товарищей любовь и уваженіе. Бывъ еще прапорщикомъ, черезъ тетку свою, писательницу Анну Петровну Бунину, сдѣлался извѣстенъ Гаврилѣ Романовичу Державину, Николаю Семеновичу Мордвинову и Александру Семеновичу Шишкову; въ домахъ сихъ вельможъ былъ принятъ весьма милостиво и часто приглашался участвовать въ домашнихъ спектакляхъ и чтеніяхъ. Передъ походомъ 1812-го года произведенъ былъ въ прапорщики. Здѣсь на военномъ поприщѣ сей юный офицеръ показалъ себя достойнымъ принадлежать гвардейскому корпусу. При Бородинскомъ сраженіи онъ съ охотниками былъ въ застрѣльщикахъ и за отличіе (не имѣя еще никакихъ знаковъ отличія) былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью: за храбрость. Сію награду рѣдкіе въ прапорщичьемъ чинѣ получали". По разсказамъ бабушки, сертукъ и киверъ его были въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлены. Въ собственноручномъ, переданномъ мнѣ и сохранившемся у меня письмѣ отца изъ Бородина къ дядѣ его Ивану Петровичу Бунину, онъ извѣщаетъ, что братъ его Александръ „вторично раненъ (первый разъ подъ Смоленскомъ) *), а мнѣ только въ четырехъ мѣстахъ прострѣлили сертукъ, а еще въ одномъ киверъ". Бабушка моя впослѣдствіи

*) Этотъ братъ и умеръ въ молодости вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ.

мнѣ разсказывала, какъ отца моего спасъ отъ вражеской пули, ударившей его въ грудь, образъ—ея благословеніе, складень (изъ трехъ образовъ: Спасителя, Божьей Матери и Николая Чудотворца), на которомъ сохранился и знакъ отъ пули. Этотъ складень хранится, какъ семейная святыня, у старшаго брата моего, сенатора Николая Петровича Семенова. Въ продолженіе кампаніи за границей онъ послѣ Кульмскаго дѣла посланъ былъ, какъ разсказано въ означенной запискѣ, „одинъ, безъ всякаго отряда, для отысканія отставшаго обоза съ провіантомъ. Онъ выполнилъ въ точности порученіе: обозъ отыскалъ, но бывъ отрѣзанъ непріятелемъ, не могъ присоединиться къ своему корпусу, а дабы не сдѣлаться добычею непріятеля, присоединился къ корпусу союзныхъ войскъ, часть провіанта сдалъ корпусу, а чего отъ него не приняли—истребилъ и при семъ корпусѣ остался волонтеромъ безъ всякой команды; но въ случившемся затѣмъ сраженіи былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ и съ прочими плѣнными отправленъ въ Суассонъ. Здѣсь веселымъ нравомъ и отличнымъ поведеніемъ скоро пріобрѣлъ отъ всего тамошняго начальства, равно и отъ жителей любовь и уваженіе, и посредствомъ Семенова начальство и граждане всѣмъ русскимъ оказывали преимущественно передъ прочими плѣнниками вниманіе. О семъ мнѣ лично сказывалъ Слободско-Украинской губерніи въ городѣ Старобѣльскѣ внутренней стражи начальникъ штабъ-офицеръ Лукинъ, бывшій тогда оберъ-офицеромъ и находившійся въ одно время съ Семеновымъ въ Суассонѣ въ плѣну". Въ семьѣ нашей дополняли этотъ эпизодъ разсказомъ, что при взятіи въ плѣнъ отецъ и еще два-три офицера отбили у французовъ пушку, и непріятель, въ уваженіе къ нхъ храброй защитѣ, возвратилъ этимъ офицерамъ шпаги. Чтобъ во время плѣна поднять упадшій духъ товарищей, отецъ, по

обычной своей веселости, сочинялъ экспромптомъ маленькія французскіе сцены и фарсы, раздавалъ роли товарищамъ офицерамъ, и всѣ они разыгрывали ихъ на воздухѣ, при чемъ дамы выходили на балконы, и послѣ часто зазывали къ себѣ и угощали „интересныхъ русскихъ плѣнныхъ“. У бабушки моей, а его матери, хранилось шесть тонкихъ голландскихъ рубашекъ, которыя онъ получилъ въ подарокъ отъ французскихъ дамъ, узнавшихъ, что плѣнные болѣе всего нуждались въ бѣльѣ. Съ этими рубашками были положены и всѣ письма моего отца изъ плѣна къ родителямъ, и бабушка, по выпускѣ моемъ изъ института, показывала мнѣ все это, говоря: „это—твое, Наташенька, приданое“. Но увы, она занемогла и скончалась безъ меня, когда я была въ Москвѣ у другой моей бабушки по матери, которая тоже была при смерти и скончалась на рукахъ моихъ! Когда же я вернулась въ имѣніе, эта драгоцѣнная переписка и бѣлье пропали безслѣдно, несмотря на то, что одинъ изъ сыновей бабушки, Михаилъ Николаевичъ, былъ при ней.

Мать моя, Александра Петровна, была урожденная Бланкъ, родная внучка архитектора Бланка, построившаго въ Москвѣ Воспитательный домъ и окончившаго храмъ Новаго Іерусалима близъ Москвы.

Въ эпоху моего рожденія отецъ мой, вышедшій въ отставку въ 1821 г., жилъ постоянно въ деревнѣ Родители его еще при жизни своей раздѣлили свои имѣнія между оставшимися у нихъ четырьмя сыновьями, изъ которыхъ двое старшихъ, порученные отцу моему *), служили съ нимъ въ Измайловскомъ полку,

*) По свидѣтельству вышеупомянутой біографической записки, Петръ Николаевичъ «оправдалъ довѣріе родителя; бывъ еще и самъ юный по лѣтамъ, но старый по уму и по вѣдѣнію, образовалъ братьевъ и поставилъ ихъ быть достойными офицерами корпуса гвардіи».

а младшій воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, откуда вышелъ также въ гвардіи Егерскій полкъ, но скоро перешелъ въ штатскую службу.

Отецъ мой, когда уже былъ капитаномъ и командовалъ ротою, въ лагерѣ отъ простуды заболѣлъ жестокимъ ревматизмомъ и былъ отправленъ докторами на кавказскія воды. Здѣсь, какъ сказано въ сохранившейся рукописи, „онъ сошелся съ лѣчившимся отъ ранъ генераломъ-отъ-инфантеріи Петромъ Степановичемъ Котляревскимъ, который такъ полюбилъ его, что уговорилъ отца переѣхать на свою квартиру и былъ съ нимъ неразлученъ". Позже онъ переписывался съ нимъ и скорбѣлъ о его кончинѣ, какъ о самомъ близкомъ родственникѣ.

Получивъ на Кавказѣ полное исцѣленіе, отецъ возвратился въ домъ родителей и, желая успокоить ихъ въ старости, оставилъ службу и, женившись, поселился съ ними въ деревнѣ.

Дѣдъ мой, Николай Петровичъ Семеновъ, секундъ-майоръ въ отставкѣ, участникъ Суворовскихъ кампаній, былъ умный, дѣльный и энергическій человѣкъ. Его хозяйственная дѣятельность, прямота и честность доставили ему большое уваженіе въ уѣздѣ. Онъ былъ роста атлетическаго. Нельзя было себѣ представить большей противоположности, какая была между нимъ и бабушкой. Послѣдняя была самаго маленькаго роста и кругленькая „какъ мячикъ", по ея собственному выраженію. Тѣмъ трогательнѣе было видѣть, какъ послѣ апоплексическаго удара этотъ прежде богатырскаго здоровья старикъ читалъ вслухъ передъ образомъ Богоматери Казанской со слезами молитву: *Заступница усердная*. Жена его, Марья Петровна, рожденная Бунина, была дочь владѣльца села Урусова Петра Максимовича Бунина и родная сестра писательницы Анны Петровны Буниной, кото-

рая сначала жила у дѣдушки и бабушки и отъ нихъ поѣхала учиться и довершать свое образованіе въ Петербургѣ. Дѣдъ мой самъ отвезъ ее туда и, устроивъ тамъ, никогда не переставалъ о ней заботиться. Умерла Анна Петровна отъ рака въ груди, въ деревнѣ Денисовкѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Урусова, гдѣ жила у племянника своего Д. М. Бунина. Отецъ мой заботливо за ней ухаживалъ и она скончалась на рукахъ его. Помню, какъ онъ разъ, вернувшись отъ нея, позвалъ насъ всѣхъ троихъ, поставилъ передъ кіотомъ на колѣни и велѣлъ помолиться за упокой рабы Божіей Анны. Имѣніе это Денисовка передано было одною изъ наслѣдницъ Бунина Раненбургскому мужскому монастырю.

Бабушка, Марья Петровна, была женщина съ горячимъ сердцемъ, живымъ, сообщительнымъ умомъ, неутомимой дѣятельностью и хлопотливостью. Она играла большую роль въ нашемъ воспитаніи и всей послѣдующей жизни. Своей пламенной религіозностью, соединенной съ просвѣщенными, можно сказать передовыми для того времени, взглядами на значеніе христіанства для жизни, она направила моего отца на путь самой высокой, самоотверженной любви къ людямъ и благотворительности. Можно сказать, что десятилѣтнее съ небольшимъ пребываніе отца моего въ имѣніи своемъ отъ женитьбы до смерти (1821—1832 годъ) было наполнено дѣлами христіанской любви и милосердія. Онъ заботился не только объ участи подвластныхъ ему людей, но и всего ближайшаго сельскаго люда. Онъ входилъ въ нужды крестьянъ, и однодворцевъ *), разбиралъ ихъ тяжбы, давалъ имъ совѣты, ѣздилъ въ городъ хлопотать за нихъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, защищалъ ихъ

*) Такъ назывались въ нашей мѣстности государственные крестьяне.

отъ взяточничества и притѣсненій мелкихъ чиновниковъ. Если днемъ или ночью случались въ окрестныхъ мѣстностяхъ пожары, онъ выѣзжалъ на нихъ и энергически спасалъ жизнь и имущество бѣдняковъ. Всякій разъ, какъ по какимъ-либо дѣламъ или совѣщаніямъ требовался въ губернскій городъ депутатъ отъ дворянъ того округа, выборъ всегда падалъ на отца моего, и онъ никогда не отказывался и оправдывалъ сдѣланное ему довѣріе. Это доставило ему въ двухъ губерніяхъ, Рязанской и Тамбовской (гдѣ онъ имѣлъ имѣнія), отъ всѣхъ знавшихъ его большое уваженіе.

Мать его, моя бабушка, отличалась особенной добротой и милосердіемъ. Она постоянно принимала больныхъ и страждущихъ, составляла для нихъ лѣкарства, сама перевязывала раны и никого не отпускала безъ помощи, совѣта и утѣшенія.

Исходивъ пѣшкомъ лучшія страны Европы, мой отецъ хорошо узналъ бытъ и благосостояніе народа въ болѣе счастливыхъ уголкахъ ея. Примкнувъ къ образовавшимся тогда между нашими военными филантропическимъ кружкамъ, онъ взялъ своимъ девизомъ: „по мѣрѣ силъ способствовать улучшенію народнаго быта, торжеству добра и правды, бороться съ невѣжествомъ, лихоимствомъ и крючкотворствомъ". Этому девизу оставался онъ вѣренъ до конца своей жизни. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ принадлежалъ къ такъ называемому *союзу благоденствія*, а по переѣздѣ своемъ въ деревню отсталъ отъ него, прежде чѣмъ тотъ измѣнилъ свой характеръ и сдѣлался опаснымъ политическимъ обществомъ. Доброта и благотворительность отца распространялись равно и на всѣхъ нуждавшихся въ его помощи сосѣдей помѣщиковъ. Домъ нашъ былъ истинно прибѣжищемъ вдовъ и сиротъ, огорченныхъ и страждущихъ. Помню,

какъ многіе изъ сосѣдей нашихъ, жены, лишившіяся мужей, дѣти—отца и матери, переѣзжали къ намъ и жили у насъ недѣли и мѣсяцы, пока отецъ мой хлопоталъ, распутывая и приводя въ порядокъ ихъ дѣла и устраивая ихъ будущность. Такъ перебывали въ нашемъ домѣ осиротѣвшія по смерти матери своей дѣвицы Ильины *), вдова Бунина, рожденная Титлова, съ сестрами, племянница помѣщика Свиридова, теперь Елютина, молодая вдова Звѣринская съ тремя дѣтьми и проч. Наконецъ, принята была совсѣмъ на житье къ намъ одна изъ малолѣтнихъ дочерей овдовѣвшей двоюродной сестры моего отца Корсаковой, рожденной Милоновой, Ольга Васильевна Корсакова (въ замужествѣ Жонинъ), которая воспитывалась съ нами, какъ родная сестра.

Когда семейство отца увеличилось и старый домикъ его родителей оказался тѣсенъ, то онъ приступилъ къ постройкѣ новаго большого дома по собственному плану, такъ какъ онъ хорошо чертилъ и имѣлъ къ архитектурѣ большія способности. Прекрасный этотъ домъ, позже перестроенный и уменьшенный матерью моею, существуетъ и теперь въ имѣніи старшаго брата **). Нижній этажъ, каменный, назначенъ былъ для службъ, а средній и мезонинъ были деревянные. Отцомъ руководила гуманная цѣль —избавить домашнюю прислугу отъ зимней бѣготни черезъ дворъ: въ этомъ каменномъ этажѣ подъ сводами устроены были: кухня, баня, кладовая, столярная, коверная (гдѣ ткали ковры), также помѣща-

*) Бывшія владѣлицы позже (1864 г.) купленнаго нами съ мужемъ уже изъ вторыхъ рукъ имѣнья, Красной Слободки (въ 5 верстахъ отъ Урусова) въ которомъ мы съ тѣхъ поръ проводили каждое лѣто и гдѣ выросли всѣ наши дѣти.

**) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ это писано, этотъ домъ сгорѣлъ весною 1892 г. въ отсутствіи хозяевъ, и обнаружилось, что причиной пожара былъ поджогъ. Теперь онъ отстроенъ совершенно въ прежнемъ видѣ.

лись жилыя комнаты для ближайшей семейной прислуги и оранжерея съ бокового фасада. Это придавало дому видъ большого замка. Нижній этажъ со своими лѣстницами и коридорами производилъ на насъ, дѣтей, впечатлѣніе какого-то сказочнаго міра, а отцу доставлялъ постоянную заботу поддерживать тамъ чистоту и порядокъ. Въ этомъ домѣ была огромная зала, особенная половина для старичковъ, дѣдушки и бабушки, также помѣщеніе для бабушки со стороны матери, а въ мезонинѣ комнаты для пріѣзжихъ: братьевъ отца и гостей. Маменька, оставшись одна по смерти отца и послѣ помѣщенія дѣтей въ учебныя заведенія, уничтожила этотъ нижній этажъ и уменьшила домъ въ длину. Вокругъ всего дома, въ уровень съ бель-этажемъ, была широкая терраса, по которой мы могли бѣгать въ сырую и дождливую погоду, и гдѣ лѣтомъ можно было найти тѣнь во всѣ часы дня. Съ нея на главныхъ фасадахъ сходили двѣ широкія лѣстницы, обсаженныя сиренью, одна въ садъ, другая со стороны двора. Мѣсто, на которомъ выстроенъ былъ новый домъ, было чистымъ полемъ. Девять десятинъ, вмѣстѣ со старымъ садомъ и усадьбой, было взято подъ садъ. Первыя группы деревьевъ посажены были самимъ отцомъ, но окончательно былъ онъ разбитъ по плану, дѣланному въ Петербургѣ въ англійскомъ вкусѣ, трудами маменьки, которая была большая садоводка. Она своими руками сажала, обрѣзывала и ухаживала за посаженнымъ. Я, бѣгая за нею, помогала ей въ чемъ могла. Садъ этотъ, разросшійся теперь роскошно, разбитъ съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, древесныя группы расположены такъ живописно, все это на счастливо выбранномъ грунтѣ такъ процвѣтаетъ, что знатоки и художники съ восторгомъ любуются этимъ прелестнымъ уголкомъ.

На самомъ селѣ Урусовѣ была барская усадьба и имѣніе Буниныхъ, близъ церкви. Она принадлежала отцу моей бабушки, а потомъ старшему брату ея Василію Невровичу Бунину и продана была послѣднимъ князю Кропоткину. При продажѣ имѣнія онъ выговорилъ, чтобы покупщикъ, внеся ему только часть капитала, остальную употребилъ на постройку каменной церкви, вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Отецъ взялся быть строителемъ, участвуя во вкладѣ, и по собственному плану выполнилъ всю постройку этой прекрасной церкви на горѣ, такъ что она видиѣется за десятокъ верстъ, блестя своими пятью главами*). Всю усадьбу свою отецъ мало-по-малу обстроилъ заново и тогда принялся изъ своего лѣса строить крестьянамъ своимъ новыя избы съ трубами и красивыми фасадиками съ рѣзьбою. Но привычка жить „по черному“ была тогда еще такъ велика, что по смерти отца трубы начали понемногу исчезать. Я живо сохранила воспоминанія о литературномъ настроеніи нашего дома. Отецъ мой любилъ домашніе спектакли и самъ имѣлъ замѣчательный сценическій талантъ, о которомъ говоритъ старикъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, когда ему разъ случилось играть въ кружкѣ любителей съ молодымъ прапорщикомъ С*. Коротко знакомый въ Петербургѣ, черезъ тетку свою, писательницу Анну Петровну Бунину, въ лучшихъ домахъ Петербурга, онъ былъ также близокъ къ кружкамъ петербургскихъ актеровъ: Сосницкаго, Сандуновой. Самъ онъ написалъ пьесу: „Жидовская корчма“, которая нѣсколько десятковъ лѣтъ не сходила съ петербургской сцены.

*) Нынѣ вблизи ея проходитъ полотно вновь сооруженнаго Павелецко-Богоявленскаго участка Рязанско-Уральской желѣзной дороги, отрѣзавшее церковь и село Урусово отъ усадьбы Семеновыхъ.

Также пріобрѣли извѣстность нѣкоторыя остроумныя его пародіи: на оду „Богъ“, на трагедію Озерова „Дмитрій Донской,“*), на „Демьянову уху“. Первую изъ нихъ, сочиненную имъ въ самой ранней молодости, когда онъ былъ еще подпрапорщикомъ, знали наизусть всѣ измайловцы, не выключая самого начальника его Мартынова, на котораго она была написана и который, не смотря на то, относился къ отцу благодушно. Зналъ ее наизусть и самъ императоръ Николай Павловичъ, бывшій шефомъ полка, часто потѣшавшійся остроумными импровизаціями молодого офицера.

Въ деревнѣ отецъ мой продолжалъ слѣдить за литературой, выписывалъ газеты и журналы, и какъ только появлялось что-нибудь новое, замѣчательное, оно сейчасъ читалось вслухъ въ комнатахъ дѣдушки и бабушки, гдѣ собиралась вся семья въ долгіе зимніе вечера—дамы со своими работами, а мы со своими дѣтскими играми. Я рано стала прислушиваться къ этимъ чтеніямъ и разговорамъ и не разъ дѣлала моему отцу сюрпризы, выучивъ ему наизусть потихоньку отъ всѣхъ какое-нибудь стихотвореніе, которое ему особенно нравилось. Такъ, замѣтивъ, что онъ съ особеннымъ одушевленіемъ читалъ только-что появившееся тогда стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“, я на другой же день принялась его учить и хотя почти ничего не понимала, но сказала ему твердо все стихотвореніе отъ слова до слова. Это было въ послѣдній годъ жизни отца, и мнѣ тогда не было еще семи лѣтъ.

Въ объясненіе такого ранняго умственнаго пробужденія, я должна сказать, что бабушка, пользуясь моей охотой къ занятіямъ, предприняла со мной

*) См. статью Я. К. Грота «Объ авторѣ Митюхи Валдайскаго». Библ. Зап. 1861, № 15. *Ред.*

настоящій фокусъ. Въ 1828 году родители уѣхали на свадьбу въ Москву къ двоюродному брату моей матери, Замятину, на довольно продолжительное время и взяли съ собой старшаго брата. Бабушка приготовила имъ сюрпризъ, выучивъ меня, трехлѣтнюю, азбукѣ по выточеннымъ изъ слоновой кости буквамъ, и скоро я уже могла складывать легкія слова и произносить ихъ стало быть по нынѣшнему звуковому способу. Когда родители вернулись, они не мало были утѣшены моими успѣхами. Въ пять лѣтъ я читала такъ бойко, что дѣдушка заставлялъ меня иногда читать себѣ газеты и только повторялъ: „не спѣши, Наташа“.

Меня чрезвычайно тѣшило это чтеніе, хотя я, конечно, ничего не понимала, но механизмъ его мнѣ нравился. Въ шесть лѣтъ я уже читала на двухъ языкахъ, а въ годъ кончины отца намъ взяли бонну-нѣмку, и мы начали учиться и говорить по-нѣмецки. Дѣтей насъ было только трое: два брата, Николай и Петръ Петровичи, одинъ старше, другой моложе меня. Они оба теперь сенаторы, а младшій сверхъ того вице-предсѣдатель Географическаго общества и членъ Государственнаго совѣта. Когда мнѣ было года три-четыре, отецъ взялъ въ нашу семью малолѣтнюю внучатную сестру Ольгу Корсакову, о которой я уже говорила. Мать ея, урожденная Милонова, была родная племянница дѣдушки (дочь сестры его) и родная сестра поэта Милонова. Появленіе у насъ маленькой хорошенькой сестрицы было для насъ большой радостью и хотя она была годами тремя старше меня и оставалась у насъ только до 15-ти лѣтняго возраста, но мы очень сдружились и дружба эта осталась крѣпкою навсегда.

Въ послѣдній же годъ жизни отца нашъ дядя Николай Николаевичъ прислалъ намъ изъ Рязани

учителя, молодого гимназиста, только-что кончившаго курсъ первымъ, главное для старшаго брата, которому было уже 9 лѣтъ. Это былъ Иванъ Матвѣевичъ Муромцевъ, позже смотритель училищъ въ Ряжскѣ и Ранненбургѣ. Онъ началъ преподавать намъ первыя основанія грамматики и ариѳметики. Я помню, какъ я тогда уже, зная наизусть всю оду „Богъ“, вздумала написать собственное сочиненіе на эту тему, и папенька, подсмотрѣвъ его у меня, овладѣлъ имъ, съ восторгомъ всѣмъ показывалъ и носилъ его въ боковомъ карманѣ у самаго сердца. Еще помню я, какъ около того же времени научилась я спрягать всѣ французскіе глаголы, правильные и неправильные, называя всѣ времена подъ-рядъ. Случалось, что меня ставили на столъ и заставляли при гостяхъ спрягать ихъ, между прочимъ при нашей сосѣдкѣ княгинѣ Крапоткиной и, какъ разсказывала мнѣ бабушка, она, затыкая уши, восклицала: „Ахъ, мать моя, страшно, страшно!“

Способъ воспитанія нашего былъ самый разумный: мы въ первомъ дѣтствѣ всему учились играя, а между тѣмъ незамѣтно пріобрѣтали много познаній. Лучшія тогда появлявшіяся книжки и игры, какъ я уже говорила, присылалъ намъ изъ Петербурга дядя нашъ Василій Николаевичъ Семеновъ, и старшіе всегда заботились, чтобы мы были сколько можно полезно заняты и никогда не оставались съ прислугой. Такъ, мы рано выучились географическимъ названіямъ по прекрасно составленному лото, въ которомъ обдуманно были выбраны только самыя главныя и существенныя имена земель, рѣкъ, городовъ и пр. Было и ариѳметическое лото, по которому мы научались считать и запоминать твердо таблицу умноженія. Въ эти игры взрослые всегда сами играли съ нами, такъ что всякая игра была вполнѣ осмысленна и

полезна. Отечественную исторію мы рано узнали по изображеніямъ царей, которыя можно было разставлять. И вотъ мы твердо научились разставлять ихъ по порядку царствованій и могли назвать подрядъ всѣхъ князей и царей отъ Рюрика до Николая Павловича. При этихъ изображеніяхъ, весьма порядочно сдѣланныхъ, были и маленькія книжки съ самымъ краткимъ описаніемъ ихъ царствованій и означеніемъ года рожденія и смерти. Тогда не считалось ошибкой пользоваться свѣжестью дѣтской памяти, чтобы запечатлѣть въ ней то, что потомъ запоминается труднѣе и скорѣе забывается. Кто изъ насъ не испыталъ, что онъ помнитъ гораздо тверже тѣ стихи, которые выучилъ въ раннемъ дѣтствѣ, чѣмъ позже, въ возрастѣ сознательномъ. Нынче же все вниманіе устремлено на такъ называемое развитіе ребенка, то-есть на разсудочный анализъ, на резонерство. Зато какъ часто развитіе это является болѣзненнымъ, старческимъ, а необходимыя познанія нетвердыми. Кромѣ игръ у насъ были стѣнныя карты, рѣка временъ, по которымъ мы любили путешествовать, запоминая географическія и историческія имена и событія. Родители показывали большое участіе ко всякому вновь пріобрѣтаемому нами знанію, и всѣ эти занятія и игры пробуждали въ насъ любознательность и самодѣятельность и приготовляли насъ къ будущему правильному ученью. Намъ не запрещали изрѣдка въ долгіе зимніе вечера и поиграть въ карты со старшими или между собою въ дурачки, мельники, свои козыри, короли и пр., только не позволяли дѣлать эту забаву постоянной. Сильно запечатлѣлся въ моей памяти одинъ эпизодъ по поводу карточной игры. Разъ, когда мы во время игры сильно заспорили, маменька, чтобъ отучить насъ отъ споровъ и нѣсколько охладить къ карточной игрѣ, объявила

намъ, что мы на другой день будемъ все свободное отъ уроковъ время играть въ карты весь день. И вотъ мы, наконецъ, наскучивъ игрою, и сознавая, что она является наказаніемъ, плакали и, обмѣниваясь замѣчаніями сквозь слезы, должны были продолжать играть, пока насъ не простили.

Еще памятенъ мнѣ одинъ случай по поводу игрушекъ. Дядя разъ прислалъ мнѣ между умными играми и книжками (какъ повѣсти Зонтагъ, журналъ и разсказы Ишимовой) великолѣпно разодѣтую куклу въ бальномъ нарядѣ съ розовыми цвѣтами. Маменька эту куклу спрятала въ отдаленный ящикъ своего комода и она буквально потонула для меня и я только украдкой видѣла ее, когда, не замѣчая моего присутствія, открывали завѣтный ящикъ, гдѣ она была запрятана.

Семейная жизнь наша въ деревнѣ была патріархальная, исполненная любви, мира и благочестія, а для насъ дѣтей—живой подвижности и веселости. Родители, какъ дѣдушка и бабушка, всѣ о насъ горячо заботились. Дѣдушка любилъ и побаловать насъ, и заступиться за виновнаго, заслужившаго выговоръ или наказаніе. Особенно баловалъ онъ старшаго брата и подчасъ даже исполнялъ его прихоти. Напримѣръ, когда брату подарено было дядей отца, Петромъ Петровичемъ Бунинымъ, маленькое кадило съ раскрашенными угольками собственной его работы, онъ, надѣвая въ видѣ ризы большой платокъ и связывая его концами вверху, изображалъ священника. При этомъ онъ ходилъ съ кадиломъ по всему дому и требовалъ, чтобы ему всѣ кланялись. Когда дѣдушка ложился отдохнуть, мнимый священникъ входилъ въ его комнату, будилъ его и непремѣнно заставлялъ его вставать и кланяться, снявъ съ головы его бѣлый вязанный колпачекъ.

Маменькѣ эта игра не нравилась, и она мало-помалу устранила ее.

Бабушка Марья Петровна нѣжно насъ любила и ласкала. Она сама выучила всѣхъ насъ писать и ухаживала за нами въ болѣзняхъ съ полнымъ забвеніемъ себя. У насъ жила еще другая бабушка, мать моей матери, Наталья Яковлевна Бланкъ, кроткая и любящая старушка, очень слабаго здоровья. Она, какъ и родители моего отца, имѣла свою особую половину, свою прислугу и при такой многочисленности обитателей нашего дома никогда миръ не нарушался въ немъ, всѣ были довольны, не было ни ссоръ, ни дрязгъ и сплетенъ. Отецъ мой все согласилъ своей любовью, маменька—рѣдкимъ благоразуміемъ, спокойствіемъ и высокимъ благородствомъ чувствъ и правилъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, какъ членовъ семьи между собою, такъ и господъ съ прислугой, царствовалъ какой-то духъ искренности и взаимнаго довѣрія, а во всемъ строѣ жизни чувствовалась заботливость, порядокъ и благоустройство. Разговоры, которые мы слышали по вечерамъ въ комнатѣ старичковъ, никогда не были направлены на злословіе, клевету или сплетни, а проникнуты были чувствомъ добра, справедливости и любви къ родинѣ. Всѣ эти вліянія насъ воспитывали, и какъ велико было милосердіе Божіе, давшее такую закладку раннему развитію нашихъ способностей, когда насъ впереди ожидало сиротство и нравственное одиночество.

Отецъ мой былъ человѣкъ въ высшей степени общительный, остроумный и любезный. Куда бы онъ ни явился, тотчасъ дѣлался душою общества, и вся молодежь бѣгала за нимъ и не давала ему покоя, если его усаживали за карточный столъ. Онъ любилъ подчасъ посмѣшить и побуфонить, но шутки

его ни для кого не были обидны, въ нихъ не было ни цинизма, ни пошлости, а съ молодыми дѣвушками онъ обращался съ какимъ-то рыцарскимъ уваженіемъ. Много разъ разсказывала мнѣ позже бабушка, что онъ часто повторялъ: „Кто позволяетъ себѣ при дѣвушкахъ нескромныя и двусмысленныя рѣчи, тотъ человѣкъ низкой души". Къ намъ, дѣтямъ, отецъ былъ исполненъ самой горячей нѣжности и во время нашихъ дѣтскихъ болѣзней, въ опасныхъ случаяхъ былъ внѣ себя отъ безпокойства и душевнаго страданія. Особенную нѣжность, по словамъ бабушки, питалъ онъ ко мнѣ, какъ единственной дочери. Такъ она не могла безъ слезъ вспомнить его отчаяніе, когда я во время скарлатины была въ опасности. Какъ-будто предчувствуя, какъ рано онъ насъ покинетъ, особенно близокъ былъ отецъ нашъ къ намъ—дѣтямъ. Зимою, если только онъ былъ дома, аккуратно каждое послѣобѣда и потомъ вечеромъ послѣ чая, онъ самъ бѣгалъ и рѣзвился съ нами въ нашей огромной залѣ. Мы играли въ жмурки, коршуны, въ кошки и мышки, горѣлки и пр., и отецъ все это оживлялъ своей веселостью. На святкахъ онъ наряжался съ нами, игралъ въ муку (съ кольцомъ), лилъ воскъ, устраивалъ нѣніе подблюдныхъ пѣсенъ, на маслянницѣ катался съ нами съ горы, которую устраивалъ на лѣстницѣ террасы въ садѣ, или съ натуральной горы на рѣку. Еще сохранилось въ моей памяти, какъ отецъ, занимаясь въ кабинетѣ, бралъ меня на колѣни, и обнявъ рукою, самъ чертилъ планы, весело болтая и шутя со мною. Однимъ словомъ, мы въ первомъ дѣтствѣ были самыя счастливыя дѣти!

Маменька, сходясь съ отцомъ моимъ въ нравственномъ строѣ и взглядахъ, была однакожъ совершенно противоположнаго характера. Умъ ея былъ

выдающійся, замѣчательный для женщины, чувства глубокія и сосредоточенныя. Всегда сдержанная, она была молчалива и рѣдко высказывалась. Образъ мыслей ея былъ утонченно благородный и возвышенный, а привязанность къ отцу моему и семьѣ была неизмѣнна. Заботливая, дѣятельная хозяйка, съ большимъ практическимъ смысломъ, она сдерживала пылкость отца, и, видя его часто нерасчетливую щедрость и способность увлекаться, умѣряла расходы и помогала ему поддерживать хозяйственныя дѣла въ порядкѣ. Любя садоводство, она занималась имъ неустанно. Даже зимою ходили мы съ ней по лабиринту нижняго этажа въ оранжерею, гдѣ она внимательно слѣдила за тонкой въ цвѣточномъ и фруктовомъ отдѣленіяхъ. Она выписывала рѣдкія растенія и луковицы, завела теплицу съ ананасницей. Получивъ для своего времени очень хорошее образованіе и, зная языки французскій, нѣмецкій и англійскій, она переводила съ иностранныхъ языковъ садовыя книги и вообще любила чтеніе и письменныя занятія. Памятна была мнѣ также ея привязанность къ царскому семейству, и она часто повторяла намъ: „Любите Государя и семейство Его и всегда будьте имъ вѣрны". Позже я поняла, что она опасалась духа тѣхъ печальныхъ смутъ, которыя произошли при восшествіи на престолъ Николая I-го.

Лѣтомъ часто съѣзжались къ старичкамъ въ нашъ домъ и другіе ихъ дѣти и гостили у насъ. Дяди пріѣзжали къ намъ съ молодыми женами. Старшій послѣ отца Николай Николаевичъ, послуживши въ измайловскомъ полку, вышелъ въ отставку, женился на Любови Андреевнѣ Минхъ, сдѣланъ былъ директоромъ гимназіи въ Рязани, а позже Вятскимъ губернаторомъ. Второй, Михаилъ Николаевичъ, тоже измайловецъ, по выходѣ въ отставку женился

на Аннѣ Александровнѣ, рожденной княжнѣ Волконской, и поселился совсѣмъ въ деревнѣ. У него-то суждено мнѣ было жить по выпускѣ изъ института. Это былъ помѣщикъ по вкусу и призванію. Третій сынъ, Василій Николаевичъ, былъ лицеистъ (Царскосел. лицея) второго выпуска, короткое время былъ военнымъ (гвардіи Егерскаго полка) и женившись на Александрѣ Ивановнѣ, рожденной Уваровой, двоюродной сестрѣ Якова Ивановича Ростовцева, сначала занимался литературой (перевелъ „Земную ночь“ Раупаха, издавалъ библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи, редакторствовалъ съ Очкинымъ), былъ цензоромъ, потомъ вице-губернаторомъ въ Орлѣ, позже членомъ совѣта на Кавказѣ у князя Воронцова и, наконецъ, попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Послѣдніе годы жизни онъ былъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній. Веселый и въ высшей степени общительный и любезный, онъ былъ особенно близокъ отцу моему и своимъ пріѣздомъ вносилъ въ нашъ домъ большое оживленіе.

Трогательно было видѣть, какой любовью, вниманіемъ и уваженіемъ эти взрослые сыновья окружали своихъ престарѣлыхъ родителей и какая дружба соединяла братьевъ между собою! Душою же всего этого былъ глубоко-любящій и всѣми любимый отецъ мой. Часто пріѣзжали къ намъ гостить и другіе родные: Бунины, Замятины, Павловы, Бланки изъ Тамбовской губерніи, а въ именинные дни, особливо въ дни празднествъ по случаю пріѣзжихъ молодыхъ, съѣзжались сосѣди, затѣвались танцы въ огромной залѣ нашего дома. Многіе, какъ водилось, оставались гостить у насъ на нѣсколько дней. Изъ семействъ сосѣдей, жившихъ постоянно въ деревнѣ и съ которыми родители водили хлѣбъ-соль,

назову многія весьма почтенныя имена: таковы Озно-бишины, Загряжскіе, Бунины, Ракитины, Крапоткины, Хрущевы, Кикины, Толстые, Шишковы, Лазаревы и многіе другіе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ было и литературное образованіе, получались газеты и журналы, и сосѣди иногда съѣзжались для умственныхъ удовольствій, домашнихъ тсатровъ, чтеній, на которыхъ блисталъ рѣдкій даръ къ чтенію моего отца. Смутно помню одинъ домашній спектакль въ домѣ Крапоткиныхъ, гдѣ отецъ игралъ „Скупого“ Мольера, а дядя Михаилъ Николаевичъ въ какомъ-то водевилѣ явился старушкой-нянней, вязавшей чулокъ. Помню, что, когда въ роли своей, предполагая пропажу денегъ, отецъ схватилъ себя за волосы, я расплакалась и меня должны были унести.

Лѣтомъ пользовались мы большой свободой. По окончаніи уроковъ намъ позволяли бѣгать во всѣхъ концахъ огромнаго сада, лишь бы мы говорили куда идемъ, и это раздолье среди природы развивало не только наши физическія силы, но и самостоятельность. Даже учебныя занятія наши лѣтомъ происходили на воздухѣ, на нашей великолѣпной террасѣ; тутъ же варилось обыкновенно варенье, маменька иногда составляла краски для шерстей домотканныхъ ковровъ, и какъ дѣятельная хозяйка сама за всѣмъ присматривала. Особенно любила я съ этой высокой террасы наблюдать, когда солнце садилось, и подкарауливать минуту его заката. Садъ тогда еще не разросся, деревня, спускавшаяся къ рѣкѣ, видна была какъ на ладони *) и какъ только скрывалось солнышко, бѣлой пеленой поднималась отъ рѣки роса, постепенно заволакивая отъ глазъ всю даль. Я долго, долго до самой темноты слѣдила,

*) По освобожденіи крестьянъ послѣдніе спускавшіеся къ рѣкѣ дворы были перенесены выше.

какъ роса спускалась на землю и стада возвращались съ поля, какъ потухала заря и затѣмъ мало-по-малу утихалъ шумъ жизни, и, наконецъ, выступалъ обликъ мѣсяца и зажигались звѣзды. Склонивъ голову на перила террасы, я забывала все на свѣтѣ и не замѣчала, что меня ищутъ и зовутъ къ ужину. Все это научало меня рано цѣнить наслажденія, почерпнутыя изъ природы, и ставить ихъ выше всего искусственнаго, всѣхъ свѣтскихъ удовольствій, которыхъ я впослѣдствіи и лишена была обстоятельствами въ годы молодости. Прекрасныя объясненія маменьки всѣхъ явленій природы въ связи съ благоговѣніемъ къ величію и благости Творца, а вмѣстѣ съ этимъ всегда живое и нѣжное воспоминаніе объ отцѣ рано направили мысли мои къ небу и породнили съ невидимымъ міромъ. Живыми неизгладимыми чертами врѣзывался въ душѣ моей образъ Спасителя, когда бабушка наканунѣ двунадесятыхъ праздниковъ въ простыхъ и теплыхъ словахъ объясняла намъ ихъ Евангельское значеніе, когда по поводу милостыни, помощи бѣднымъ, утѣшенія печальныхъ, прибавляла: „Такъ велѣлъ намъ поступать Христосъ“. Если мы между собою ссорились, или на кого-нибудь сердились, она замѣчала: „Ахъ, дѣти, Спаситель нашъ любитъ миръ, а вы родные братья ссоритесь.“ Горячая и вѣрующая душа ея чувствовала, что не сухими и отвлеченными наставленіями и теоріями надо удерживать ребенка отъ зла и привязать его къ добру, а надо привести его къ убѣжденію, что есть Кто-то живой и всевидящій, Которому извѣстны всѣ дѣла наши и даже помышленія. Въ обращеніи съ прислугой насъ пріучали быть учтивыми и ласковыми и не позволять себѣ повелительнаго тона.

Праздники встрѣчались у насъ всегда всенощной на дому, и никому изъ желавшихъ, не только прислугѣ, но и дворовымъ не возбранялось притти помолиться въ домъ, такъ что не только столовая, но и просторная прихожая и маленькая буфетная, въ которыя широко растворялись двери, наполнялись молящимися. Сельское духовенство принималось у насъ самымъ радушнымъ образомъ, и родители и старички вникали въ ихъ нужны, помогали, чѣмъ могли, съ сердечнымъ участіемъ и радушно угощали ихъ за своимъ столомъ послѣ домашнихъ и церковныхъ службъ. Такъ съ первыхъ лѣтъ жизни утверждалась вѣра наша, и я рано узнала сладость молитвы, которая оказалась мнѣ такъ необходимой среди ударовъ судьбы, сиротства и душевнаго страданія моей послѣдующей жизни. Если я распространилась о счастливыхъ годахъ своего дѣтства, то именно потому, что воспоминаніе о нихъ питало мою душу во все время невзгодъ и печалей и не позволяло заглохнуть сердцу. Если я много упоминала объ окружавшихъ мое раннее дѣтство, то потому, что чувствую къ нимъ безпредѣльную признательность и благоговѣніе. Я сознаю, что имъ я обязана всѣмъ хорошимъ въ своей послѣдующей жизни.

Я распространилась объ этомъ еще и потому, что озлобленныя нападки литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ на прежнее общество укоренили въ наше время понятіе о какой-то дикости и свирѣпости нашего крѣпостного помѣщичьяго быта. Родившись и проведя годы перваго дѣтства въ деревнѣ и опять воротившись въ этотъ помѣщичій бытъ въ молодости, я вынесла изъ него много такихъ впечатлѣній, которыя доказываютъ, что и въ этомъ быту встрѣчалось не одно дурное. Если и были отступленія въ

темную сторону, то во всякомъ случаѣ въ формѣ гораздо болѣе мягкой и человѣчной, чѣмъ принято изображать ихъ, такъ какъ нравы, особливо послѣ періода отечественной войны, значительно измѣнились къ лучшему. Зато не могу вспомнить безъ чувства глубокаго умиленія тѣ патріархальныя и истинно христіанскія семейныя начала, которыми отличались нравы нашего дома.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что такое явленіе могло быть исключительнымъ; я же убѣждена, что въ Россіи не мало нашлось бы такихъ семействъ, которыхъ дѣти могли вынести изъ своихъ первыхъ лѣтъ не менѣе отрадныя воспоминанія.

То время, о которомъ я говорю, было хорошимъ временемъ въ русской жизни. Успокоившаяся гроза отечественной войны наэлектризовала общество сознаніемъ своихъ силъ и вмѣстѣ оживотворила его на всякую дѣятельность къ улучшенію своей жизни: въ немъ тогда зародилось все то хорошее, что осуществилось нынѣ. Съ благотворнымъ настроеніемъ молодежи, которой большинство вернулось изъ походовъ въ свои помѣстья, далеко не всѣ принесли съ собою ядъ революціонныхъ мечтаній. Весьма многіе были искренно воодушевлены высокимъ и вѣрнымъ патріотическимъ чувствомъ. Съ европейскимъ складомъ мысли, въ хорошемъ значеніи этого слова, эти идеально-настроенныя люди соединяли и живое чувство признательности къ Провидѣнію, спасшему и возвеличившему Россію. Такимъ-то религіознымъ чувствомъ дышала и наша домашняя обстановка. Приготовитъ ли настоящее время такое искреннее стремленіе видѣть народъ свой счастливымъ и благоустроеннымъ, какое приготовила эта почтенная старина, столь осмѣянная и оклеветанная, покажетъ будущее.

Въ то время дворянинъ-помѣщикъ, отслуживши свои 10—15 лѣтъ преимущественно въ военной, а иногда и въ гражданской службѣ, считалъ долгомъ возвратиться въ свою отчину и поселиться въ ней, создавъ себѣ добрую семейную жизнь. При этомъ весьма многіе, заботясь о своихъ личныхъ дѣлахъ, начинали понимать необходимость заботиться и о дѣлахъ своей мѣстности, о крестьянахъ, которыхъ положеніе уже и тогда многимъ казалось ненормальнымъ. Помню, какъ еще бабушка моя часто твердила намъ, дѣтямъ, что со слугами надо обращаться учтиво и ласково, потому что они равные намъ, братья во Христѣ, и по настоящему даже грѣхъ человѣку владѣть человѣкомъ.

Но увы! такому пробудившемуся гражданскому чувству не дано было окрѣпнуть. Образованной Россіи не дано было пожить провинціальной жизнью, разливая вокругъ себя свѣтъ просвѣщенія и торжество правды, какъ мечтали о томъ люди идеально настроенные. Воспитывать дѣтей на мѣстахъ было негдѣ. Искусственная же приманка въ столицу тѣми привиллегированными учебными заведеніями, изъ которыхъ, весьма плохо учившись, можно было быстро сдѣлать служебную карьеру, исключительно дававшую права и голосъ въ странѣ, понемногу перетягивала лучшую дворянскую молодежь въ столичныя канцеляріи и министерства, и въ нихъ мало-помалу сосредоточилась вся жизнь Россіи. Родители же бросали свои помѣстья, чтобы слѣдовать за дѣтьми и, живя въ столицѣ выше своихъ средствъ, предавали свои имѣнія въ руки алчныхъ и невѣжественныхъ управляющихъ, закладывая и перезакладывая ихъ въ новоизобрѣтенныхъ земельныхъ банкахъ, пока окончательно не разстраивали свои состоянія. Такимъ образомъ административная машина

чудовищно разросталась и все болѣе отчуждалась отъ народной жизни, а земскія силы ослабѣвали и готовились къ тому ничтожеству, въ которомъ застали ихъ новые порядки. Вотъ что мало-по-малу разсѣяло какъ дымъ наши помѣщичьи гнѣзда и отвлекло образованную молодежь отъ жизни и дѣятельности въ деревнѣ.

Поэтому мнѣ въ эпоху нашего яраго отрицательнаго періода всегда было больно слышать безусловное порицаніе, съ которымъ относились къ прошлому многіе изъ тогдашнихъ дѣятелей, ничего о Россіи не знавшихъ за предѣлами Петербурга. Когда я вспоминаю, съ какимъ озлобленіемъ вся наша беллетристика трактовала о привычкѣ помѣщиковъ имѣть въ домѣ приживалокъ, мнѣ всегда досадно это непониманіе дѣла. Вѣдь эти приживалки, чаще всего обѣднѣвшія мелкопомѣстныя дворянки, были въ сущности настоящими сестрами милосердія въ тѣхъ домахъ, гдѣ имъ покровительствовали. Я помню, сосѣдка наша въ полуверстѣ отъ насъ была преданнѣйшимъ другомъ нашего дома. Старички наши, взявъ ея сына учиться съ сыновьями своими, позже содержали Зѣринскаго на свой счетъ въ Измайловскомъ полку наравнѣ съ дядями моими. Это былъ отецъ того самаго Зѣринскаго, который былъ сотрудникомъ брата моего Петра Петровича по Географическому обществу. Преувеличивать злоупотребленія помѣщичьей власти, чтобы сломить ее, вообще было совершенно безполезно. Власть эта отжила свой вѣкъ и падала сама собою. Но гораздо важнѣе было, упраздняя ее, создать такое положеніе, которое дѣлало бы возможною жизнь помѣщиковъ на мѣстахъ и даже привлекло бы въ деревню городскихъ абсентеистовъ. Тогда не разорвалась бы окончательно связь образованныхъ классовъ съ тем-

ными массами народа, не потерялась бы преемственность жизни и преданій, и просвѣщеніе массъ шло бы впередъ постепенно само собою.

Большой ошибкой было стремленіе отстранить эту историческую силу отъ мѣстной жизни. А этимъ-то главнымъ образомъ и задавались новые порядки. Деревенская неурядица новыхъ отношеній, наставшая послѣ освобожденія крестьянъ и поддерживаемая „хожденіемъ въ народъ“ для пропаганды всякаго рода, пожары и поджоги, лѣность и несостоятельность рабочей силы, разнузданное пьянство— вотъ что болѣе всего выживало помѣщиковъ изъ ихъ имѣній. Многіе продавали наслѣдственныя вотчины, чтобы переселиться заграницу или въ столицы, гдѣ прожиты были послѣдніе остатки прежняго благосостоянія, и помѣщичья власть стала замѣняться силой кулачества и всякаго наглаго эксплуататорства, налагавшаго тяжелую руку на беззащитный народъ. Онъ быстро бѣднѣлъ и разорялся, особливо отъ пьянства и семейныхъ раздѣловъ. Сторона наша быстро опустѣла и на мѣстахъ остались самыя несостоятельныя силы.

Пора же намъ, наконецъ, посмотрѣть въ глаза правдѣ и сознаться, что стремленіе къ обновленію нашего общественнаго порядка было потребностью самой жизни. Оно истекало изъ глубокихъ народныхъ источниковъ и болѣе всего изъ самого животворящаго источника народной жизни, изъ присущаго лучшимъ русскимъ людямъ глубокаго христіанскаго сознанія, а вовсе не изъ либеральныхъ кружковъ петербургскаго чиновничества и газетнаго писательства. Это христіанское сознаніе— общественное и народное — вотъ что мало-по-малу смягчало отношенія крѣпостного права и подготовило его упраздненіе безъ всякихъ внутреннихъ по-

трясеній. Но эту религію наши отцы умѣли хранить она еще не была затронута пагубнымъ вольнодумствомъ. За то она поддерживала семейныя связи и отцовскія преданія, она не допускала дѣтей даже въ зрѣломъ возрастѣ, не только съ ранняго дѣтства, являться ярыми критиками своего семейнаго быта и всего существующаго порядка. Когда же молодежь начала со школьной скамьи научаться критиковать и презирать все свое прошлое и всѣхъ и все, кромѣ самихъ себя, можно ли было ожидать отъ нея сознанія своихъ обязанностей и стремленія къ самоусовершенствованію? Литература, публицистика и педагогія 60-хъ и 70-хъ годовъ понесутъ передъ безпристрастной исторіей страшную отвѣтственность за растлѣніе русскаго юношества, за ослабленіе въ обществѣ вѣры, семейныхъ узъ и семейныхъ привязанностей. Сколько такое направленіе воспитанія разбило юныхъ существованій, разрушило семейнаго счастья и согласія, удаливъ близкихъ другъ отъ друга, сколько погасило оно вѣры и любви, сколько посѣяло холодности и жесткости въ понятіяхъ молодыхъ поколѣній! Никому не позволено было возвысить голоса противъ яраго разрушительнаго потока! Такъ все идеальное мало-по-малу исчезало, а холодный расчетъ и выгода, эгоизмъ и неутомимая жажда личной пользы и наслажденій замѣнили всякое благородное чувство.

Каково же было тѣмъ родителямъ, которые понимали все это и которымъ приходилось воспитывать дѣтей при такихъ гибельныхъ вліяніяхъ и бороться съ ними. Впрочемъ, многіе ли и сознавали необходимость борьбы? Не шло ли большинство за современно настроенными дѣтьми своими, безсознательно губя ихъ, ради того, чтобы поклониться золотому тельцу выгоднаго тогда моднаго либерализма

и прослыть передовыми, а себя освободить отъ всякаго стѣсненія и отвѣтственности? Пусть простятъ мнѣ это отступленіе—въ виду того, что эти воспоминанія посвящаются мною дѣтямъ и внукамъ. Пусть они всегда сохранятъ связь любви и уваженія съ роднымъ прошлымъ и тогда они будутъ счастливы!

Но возвратимся къ дальнѣйшимъ событіямъ моей жизни. Я могу вполнѣ отчетливо собрать воедино эти свѣжія дѣтскія воспоминанія, такъ какъ они были обновлены и укрѣплены въ моей памяти ежедневными разсказами моей бабушки Марьи Петровны Семеновой, съ которой судьба опять свела меня послѣ выпуска изъ института. Она, какъ всѣ старушки, любила жить въ прошломъ и передавать его другимъ со всѣми подробностями. Множество анекдотовъ, мелкихъ случаевъ вседневной жизни, характеристикъ, перемѣшанныхъ съ ея собственными разсужденіями и выводами, воскресили въ моемъ сознаніи всю эту интересную эпоху перваго дѣтства нашего.

Но еслибъ молодость понимала цѣну такихъ разсказовъ и относилась къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, то конечно мои воспоминанія были бы еще жизненнѣе и полнѣе. Теперь же я вношу въ нихъ только такіе факты, которые для меня неоспоримы и освѣжены разсказами бабушки.

II.

Потеря отца и перемѣна жизни.

Въ 1830-мъ году посѣтила Россію страшная холера. Отецъ мой, который никогда не соглашался на избраніе себя въ предводители, говоря, что онъ не довольно богатъ, чтобы по тогдашнему обычаю давать пиры на весь уѣздъ, всегда безпрекословно принималъ должность кандидата въ предводители на случай важныхъ общественныхъ требованій.

Тогдашній предводитель дворянства Палибинъ, сильно побаиваясь холеры, при самомъ началѣ ея сказался больнымъ. Отецъ мой никогда не задумывался жертвовать собою въ такія минуты. Онъ принялъ на себя исправленіе должности предводителя. Въ этотъ годъ семейство почти не видало его. Онъ безпрерывно объѣзжалъ *карантины* и всѣ деревни, гдѣ болѣзнь была сильна, самъ входилъ въ крестьянскія избы, отпиралъ больныхъ, утѣшалъ и успокаивалъ ихъ семьи, наблюдалъ за исполненіемъ предупредительныхъ мѣръ и проч. Однимъ словомъ, въ этой дѣятельности, сопряженной съ опасностью жизни, онъ совершенно забывалъ себя и семью свою. И зараза, которой всѣ такъ боялись, не коснулась его.

На слѣдующій годъ послѣ холеры ходили повальныя горячки. Отецъ мой поѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1832 года въ тамбовское имѣніе матери за 130 верстъ — въ Липецкомъ уѣздѣ. Въ дорогѣ онъ положилъ въ свой закрытый экипажъ слугу своего, заболѣвшаго сильной головной болью, не подозрѣвая, что самъ сдѣлается жертвой своей гуманности и отдастъ душу свою за ближняго своего.

Слуга выздоровѣлъ, а господинъ его, пріѣхавъ на мѣсто, почувствовалъ себя нездоровымъ и послалъ къ маменькѣ нарочнаго съ длиннымъ письмомъ, въ которомъ измѣнялъ нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія, предупреждая ее, что можетъ быть опоздаетъ возвращеніемъ по легкому нездоровью. Посланный, конечно, пробылъ въ дорогѣ болѣе двухъ сутокъ, и маменька, безотчетно испуганная этимъ извѣстіемъ и длиннымъ письмомъ, въ ту же ночь ѣдетъ въ Раненбургъ и оттуда на почтовыхъ спѣшитъ къ отцу и... уже не застаетъ его въ живыхъ! Онъ скончался на пятый день болѣзни въ домѣ родственниковъ Бланковъ, жившихъ въ 7-ми верстахъ отъ нашего имѣнія, и прежде чѣмъ могли отыскать доктора, за которымъ было послано по уѣзду, гдѣ было много больныхъ. Перевезли его къ роднымъ, когда болѣзнь приняла уже опасный оборотъ. Маменька, не заставшая его у себя въ имѣніи, неожиданно и тихо подъѣхала къ дому Бланковъ, не подозрѣвая страшнаго удара, ее ожидавшаго. Но увидѣвъ смущенныя, заплаканныя лица родственниковъ, все поняла и тутъ же упала въ обморокъ. Изъ этого состоянія выходила она только на нѣсколько минутъ и опять впадала въ безпамятство, длившееся болѣе двухъ сутокъ. Доктора все еще не отыскали. Въ день отпѣванія она собрала всѣ силы свои, чтобы проститься съ усопшимъ; но тутъ же опять упала, и въ этомъ продолжительномъ обморокѣ привезли ее домой въ каретѣ, лежащею въ неподвижномъ, безсознательномъ состояніи.

Никогда не забуду я той страшной минуты, когда къ подъѣзду нашего дома подкатили двѣ почтовыя тройки съ запыленными путешественниками: дядей Михаиломъ Николаевичемъ Семеновымъ и нѣкоторыми тамбовскими родными и друзьями отца, и съ

какими рыданіями встрѣчены они были бѣдными стариками, которымъ привезли страшное извѣстіе о смерти любимаго сына и нашемъ сиротствѣ. Вслѣдъ за ними въѣхала во дворъ карета, изъ которой вынесли маменьку на рукахъ въ безжизненномъ состояніи; болѣе сутокъ не могли привести ее въ себя, такъ что прислуга вокругъ нея говорила о ней, какъ о покойницѣ, и она все это слышала, но не могла подать ни малѣйшаго признака жизни. Это отѣпенѣніе произошло у нея отъ сильнаго изліянія крови въ мозгъ и отсутствія, въ первыя минуты ужаснаго потрясенія всего организма, какой-либо врачебной помощи, такъ какъ липецкій докторъ отыскался только на третій день послѣ смерти отца. Тѣло покойнаго было перевезено вскорѣ въ рязанское имѣніе и погребено въ склепѣ подъ алтаремъ выстроенной имъ церкви села Урусова.

Какъ изобразить горе несчастныхъ родителей, пережившихъ такого сына и встрѣтившихъ невѣстку въ такомъ ужасномъ состояніи! Все счастье нашего дома какъ-будто рушилось, и наши дѣтскія сердца, болѣзненно сжавшіяся, все это чувствовали. Въ эти страшныя минуты объ насъ какъ-будто забыли. Испуганно прижимаясь другъ къ другу, сидѣли мы въ уголкѣ маменькиной спальни, не смѣя пошевелиться, пока жгли въ комнатѣ перья и употребляли сильнѣйшіе эфиры, чтобы возвратить ее къ жизни. Младшій 4-хлѣтній братъ, въ своемъ еще ребяческомъ оптимизмѣ, видя меня въ слезахъ, все повторялъ намъ, что онъ непремѣнно воскреситъ отца, а тогда и маменька будетъ опять здорова...

Изъ обморока послѣдняя перешла въ сильнѣйшую нервную горячку, никого не узнавала и долго боролась между жизнью и смертью. Лѣчилъ ее нашъ домашній докторъ Мессершмитъ изъ Данковскаго уѣзда, быв-

ший давно другомъ нашего дома, и когда она, наконецъ, начала оправляться, то онъ, сомнительно качая головой, повторялъ, что здоровье ея такъ глубоко потрясено, что врядъ ли она когда-нибудь вполнѣ оправится. Онъ не хотѣлъ только прямо высказывать убитымъ горемъ старикамъ, чего онъ опасается. И дѣйствительно, маменька прожила послѣ отца 15 лѣтъ, но прожила ихъ непрерывно страдалицей. Первое время она крѣпилась, боролась со своимъ недугомъ, энергически занималась хозяйствомъ, чтобы привести въ порядокъ дѣла. Ее очень заботило выплатить долгъ, сдѣланный отцомъ при покупкѣ у тетки нашей — маменькиной сестры Елизаветы Петровны (въ замужествѣ Бушиной) — ея части тамбовскаго имѣнія, даннаго бабушкой обѣимъ сестрамъ пополамъ. Во всемъ этомъ она показывала необыкновенный разумъ, дѣловитость и распорядительность.

Чтобы меня обезпечить въ будущемъ, она написала на мое имя вексель въ 30 тысячъ ассигнаціями, во вниманіе къ чему впослѣдствіи, при раздѣлѣ нашемъ (въ 1847 г.), братьями была мнѣ выдѣлена изъ общаго имѣнія не 14-я, а пятая часть, именно 60 душъ крестьянъ и 600 десятинъ земли. Въ этомъ она исполнила завѣтъ отца, который говорилъ, что по уплатѣ долга изъ первыхъ свободныхъ денегъ положитъ на мое имя 30 тысячъ. Долговъ маменька боялась, какъ огня, и во всемъ готова была отказать себѣ, лишь бы не занимать. Она часто при насъ говорила, что занимать, не будучи увѣрену, что можешь скоро отдать, почти то же, что завѣдомо брать чужое, что людей, которые мотаютъ и потомъ занимаютъ безъ отдачи, общество не должно уважать и принимать наравнѣ съ людьми честными.

Но главное утѣшеніе свое искала она въ заботахъ о нашемъ воспитаніи. Перемогаясь, давала она сама намъ уроки, любила имѣть насъ вокругъ себя; но часто среди занятій вдругъ впадала въ такую задумчивость, что не слышала и не чувствовала, что вокругъ нея происходитъ. Ея состояніе ухудшалось тѣмъ, что она не могла плакать, а позже, когда слезы стали являться иногда въ облегченіе ей, она старалась скрыть свое горе отъ безутѣшныхъ родителей. Тогда она запиралась на цѣлые часы въ своей комнатѣ, молилась, а иногда сидѣла часами въ оцѣпенѣніи, такъ что не слыхала, какъ бабушка, въ безпокойствѣ тихонько подойдя къ дверямъ, звала ее самыми ласковыми именами. Когда же она приходила въ себя, то тотчасъ исполняла желаніе бабушки и выходила къ ней.

Вскорѣ послѣ смерти отца дѣдушку поразилъ параличъ и сокрушилъ его богатырское здоровье. Отнялась вся правая сторона, и старикъ почти впалъ въ дѣтство. Бабушка сдѣлалась настоящей сестрой милосердія и съ самоотверженіемъ ухаживала за нимъ, не покидая его ни днемъ, ни ночью до самой смерти его въ 1837 году. Это было новымъ ударомъ для маменьки: она горячо любила свекра, который особенно цѣнилъ ее, ставя выше всѣхъ другихъ невѣстокъ по уму, образованности и высокимъ качествамъ душевнымъ. Все въ нашемъ домѣ измѣнилось и надолго покрылось трауромъ. Мы, дѣти, между больными и огорченными, должны были ходить на цыпочкахъ и подавлять свою рѣзвость и дѣтскую веселость. Бабушкѣ положеніе наше казалось до того печальнымъ, что она стала склонять маменьку переѣхать въ Москву, надѣясь, что развлеченіе большого города и близость медицинской помощи будутъ для нея благодѣтельны. Но одно только

могло подвигнуть маменьку предпринять что-нибудь: это была польза дѣтей, и потому ей представили, что наше воспитаніе, особливо же приготовленіе брата въ Лицей, требуетъ систематическаго ученья.

Уже тотчасъ послѣ смерти отца дядя мой Василій Николаевичъ началъ хлопотать черезъ товарища папеньки по Измайловскому полку генерала Кавелина о помѣщеніи братьевъ въ Пажескій корпусъ, хотя по только-что передъ тѣмъ вышедшему новому постановленію туда зачисляли исключительно сыновей генераловъ. Но императоръ Николай Павловичъ, какъ бывшій шефъ Измайловскаго полка, лично знавшій и любившій отца, услышавъ о его смерти, показалъ искреннее соболѣзнованіе и сдѣлалъ для него исключеніе за хорошо ему извѣстную храбрость его въ продолженіе отечественной войны. Когда же старшій братъ не попалъ въ комплектъ, такъ какъ по желанію маменьки объ этомъ особенно не хлопотали, то онъ былъ перечисленъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Царскосельскій лицей. Младшій же братъ, долго остававшійся съ матерью также ушелъ годами отъ Пажескаго корпуса и попалъ вмѣсто того въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Опредѣленіе братьевъ въ Пажескій корпусъ состоялось еще когда маменька послѣ нервной горячки едва оправлялась. Дядя тотчасъ заказалъ пажескіе мундирчики, треуголки и крошечныя шпаги на 9-ти и 5-ти лѣтній возрастъ, и вотъ двухъ пажей наряжали и торжественно привели въ комнату больной, желая хоть чѣмъ-нибудь развеселить ее. Но она только заплакала, говоря, что не желаетъ видѣть сыновей военными.

Итакъ, наши старички переселились въ Рязань ко второму сыну своему, директору гимназіи Николаю Николаевичу, у котораго былъ большой, помѣсти-

тельный казенный домъ; имъ отвели тоже особую половину, и дѣдушка могъ гораздо легче пользоваться медицинской помощью. Разстались мы съ сердечной и попечительной о насъ бабушкой Марьей Петровной, перенесшей всю свою нѣжность къ любимому сыну на насъ сиротъ — дѣтей его. Еще одна крѣпкая привязанность оторвалась отъ моего дѣтскаго привязчиваго сердца. Это было осенью 1834-го года.

Въ Москвѣ для насъ началась совсѣмъ новая жизнь. Устроились мы въ Москвѣ въ одномъ домѣ и на половинномъ хозяйствѣ съ дядей нашимъ, двоюроднымъ братомъ матери, Алексѣемъ Михайловичемъ Замятинымъ, рано осиротѣвшимъ и воспитавшимся въ ея домѣ и послѣ служившемъ въ Петербургѣ въ кавалергардахъ. Большой англоманъ, богатый и бездѣтный человѣкъ, онъ былъ женатъ на Левшиной, красивой, кроткой и добрѣйшей женщинѣ. Онъ былъ сынъ Софьи Карловны Бланкъ, въ замужествѣ Замятиной, единственной сестры маменькинаго отца Петра Карловича, у котораго былъ еще одинъ младшій братъ Борисъ Карловичъ. Отъ него пошелъ весь настоящій родъ Бланковъ. Бабушка, Наталья Яковлевна Бланкъ, очень любившая дядю и жену его, поселилась съ нами.

Мы жили въ Кудринѣ, подъ Новинскимъ, близъ такъ называемыхъ Прѣсненскихъ прудовъ (нынѣ Зоологическаго сада). Къ братьямъ поступилъ гувернеръ-нѣмецъ, Иванъ Ивановичъ Кестнеръ, добродушный и веселый человѣкъ и большой хохотунъ. Намъ взяли прекрасныхъ учителей, маменька не жалѣла никакихъ средствъ на наше образованіе. Дядя и тетка помогали больной матери слѣдить за нашими уроками. Учителями французскаго языка были у насъ M-r Lacome, а потомъ M-r Allard, русскаго

языка — Масловъ, нѣмецкаго — Эбергардъ, ариѳметики — Сергѣевъ, закона Божія — священникъ коммерческаго училища — Михаилъ Соловьевъ, отецъ знаменитаго историка.

Два года прожили мы по зимамъ въ Москвѣ, уѣзжая на лѣто въ деревню. Родныхъ у насъ со стороны матери было много. Самымъ близкимъ для насъ домомъ былъ домъ сестры бабушки Натальи Яковлевны Бланкъ — Елены Яковлевны, въ замужествѣ сначала за Карцовымъ, отъ котораго у нея былъ единственный сынъ, Василій Васильевичъ, камергеръ, служившій въ московскомъ дворцовомъ правленіи. Отъ второго брака съ Сунгуровымъ у нея дѣтей не было. Она была очень богата: у нея былъ большой, барскій домъ на Арбатѣ, близъ Николы Явленнаго, въ Старо-конюшенномъ переулкѣ. Домъ этотъ и до сихъ поръ существуетъ, но уже давно проданъ ея наслѣдниками. В. В. Карцовъ женатъ былъ на Еропкиной. Ихъ дѣти были намъ ровесниками и мы каждое воскресенье проводили тамъ весь день и брали уроки танцевъ вмѣстѣ. Изъ двухъ дочерей одна, Наталія, вышла замужъ за Григорія Борисовича Бланка, другая, Надежда, за Николая Александровича Поливанова. Сынъ былъ нѣсколько идіотиченъ и умеръ въ молодости. Дружеская и родственная связь съ ними сохранилась у насъ на всю жизнь.

Еще былъ близокъ намъ домъ тетки нашей — Анны Петровны Павловой, родной сестры маменьки отъ другой матери. Анна Петровна была въ первомъ замужествѣ за Вакселемъ, отъ котораго имѣла нѣсколькихъ дочерей-красавицъ, бывшихъ уже замужемъ. Во второмъ бракѣ была она за Павловымъ, и вторыя ея дѣти были намъ сверстниками и насъ часто туда приглашали на обѣды и танцы. Съ дочерью ея Н. Павловой и внучкой Татищевой я

очень подружилась. Тамъ же встрѣчалась я съ тремя дѣтьми графами Толстыми — Дмитріемъ (будущимъ министромъ), Всеволодомъ, утонувшимъ въ молодости, и сестрою ихъ Елизаветою (впослѣдствіи Петровской, а во второмъ бракѣ Замятиной). Дѣти эти были сироты, мать ихъ, племянница Павлова, вторично вышла замужъ за какого-то нѣмца Венгитерна и казалось они были не очень счастливы. Это меня очень сдружило съ Лизой Толстой, и хотя послѣ жизнь надолго насъ разъединила, но мы сходились всегда радостно и два раза судьба насъ опять приблизила другъ къ другу когда я жила въ Рязанской губерніи у дяди, послѣ выпуска изъ института, и потомъ, когда она, уже будучи Замятиной, переѣхала въ Петербургъ, отыскала меня и не разъ проводила у насъ вечера до своей окончательной болѣзни. Мы много вспоминали съ ней и дѣтство и молодость и какъ особенная симпатія сблизила насъ у тетки моей. Она была какъ-будто въ загонѣ у родителей, мы же, проведя дѣтство въ деревнѣ посреди природы, направленные болѣе на развитіе ума и сердца, нежели свѣтскихъ манеръ, уступали другимъ дѣтямъ въ городской развязности и въ изяществѣ туалетовъ. Такъ же скромна по наружности, но сердечна и ласкова была Лиза Толстая, и мы понимали другъ друга. Отношенія наши съ дѣтьми Карцовыми были также всегда искренни и сердечны. У нихъ жилъ въ гувернерахъ при сынѣ швейцарецъ m-r Haldy, а сестра его m-elle Haldy была намъ рекомендована въ гувернантки, жила у насъ два года и ѣздила съ нами въ деревню.

Наконецъ, осенью 1836-го года переѣхали мы въ Петербургъ для опредѣленія старшаго брата въ лицей. Дядя Василій Николаевичъ сдалъ намъ свою прекрасно меблированную квартиру въ домѣ Сазонова (бывшемъ Кусова) на Васильевскомъ острову

въ 1-й линіи, противъ церкви Великомученицы Екатерины, а самъ переѣхалъ жить къ тестю Уварову.

Не удивительно ли, что впослѣдствіи, когда мужъ мой, съ начала 1853-го года призванный къ воспитанію вел. князей Николая и Александра Александровичей искалъ осенью того года квартиру на Васильевскомъ островѣ, онъ нашелъ ее именно въ этомъ самомъ домѣ Сазонова? Такъ привела меня сюда рука Господня и въ самые несчастные и въ самые счастливые годы моей жизни! И вотъ, когда я пишу это, мы живемъ здѣсь уже 36 лѣтъ *) и дѣти наши провели большую часть своей жизни въ этомъ домѣ. И могу ли я на минуту усомниться, что Промыслъ Божественный охраняетъ сиротъ, что у всѣхъ насъ есть Отецъ на небесахъ, который преклоняется къ молитвамъ, нуждамъ и благимъ желаніямъ нашимъ!

Итакъ я сказала, что въ этомъ домѣ Сазоновыхъ провела я въ дѣтствѣ самое тяжелое и безотрадное время нашей жизни вмѣстѣ съ младшимъ братомъ моимъ. Старшій же съ осени былъ уже въ лицеѣ. Никогда до тѣхъ поръ здоровье маменьки не находилось въ такомъ ужасномъ состояніи! Мы были почти безъ всякихъ уроковъ, занятій и всегда одни. Только одинъ англійскій учитель г-нъ Веберъ ходилъ къ намъ два раза въ недѣлю. Цѣлые дни сидѣли мы неподвижно и въ глубокомъ молчаніи съ братомъ вдвоемъ возлѣ комнаты больной, буквально почти не смѣя пошевелиться. Еслибъ не богатая библіотека дяди, оставшаяся на верху, гдѣ впрочемъ не топили и куда мы украдкой бѣгали брать книжки, когда маменька дремала, то я не знаю, что сталось бы съ нами. Да еще великимъ утѣшеніемъ мнѣ былъ ангелъ съ крестомъ на куполѣ церкви Св. Екатерины, къ

*) Писано слѣдовательно въ 1889 году, а съ 1890 Я. К. Гротъ съ семьей переѣхалъ жить въ казенную академическую квартиру. *Ред.*

которому я часто обращала взоры съ молитвой. Прислуга, пользуясь болѣзненнымъ состояніемъ маменьки, уходила безпрестанно со двора, а крѣпостной поваръ нашъ Максимъ Ѳедоровичъ, получивъ съ вечера деньги, по большей части пропивалъ ихъ, и ничего намъ не готовилъ. Мы должны были тогда довольствоваться чаемъ съ хлѣбомъ или калачемъ, за которымъ бѣгалъ въ лавочку братъ мой самъ, а самоваръ намъ ставилъ мальчикъ-слуга, сынъ этого повара. А между тѣмъ у насъ былъ цѣлый штатъ слугъ: поваръ и лакей, кучеръ и форрейторъ при четверкѣ лошадей. Служанка была наемная, петербуржская, и ее почти никогда не было дома. Я спала съ маменькой. Страдая постоянно безсонницей, она была на ногахъ цѣлыя ночи и со свѣчей ходила по всѣмъ комнатамъ въ страшномъ нервномъ возбужденіи! Братъ же спалъ въ угловой комнатѣ за прихожей и запиралъ свою комнату изнутри!.. Но Провидѣніе бодрствовало надъ нами, и мнѣ часто въ дѣтскомъ снѣ или въ видѣніи возбужденнаго воображенія казалось, что свѣтлый ангелъ виталъ надо мной, и тогда я молила его, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ.

Многимъ покажется страннымъ, что близкіе родные не вступались въ наше положеніе. Но въ Петербургѣ у насъ никого не было ближе дяди Василія Николаевича Семенова, который не имѣлъ вѣрнаго понятія о болѣзни маменьки. Онъ навѣщалъ ее не очень часто и она была такъ умна, разговоръ ея былъ всегда такъ интересенъ, что со стороны нельзя было ничего замѣтить. Дѣдушка Иванъ Петровичъ Бунинъ, братъ нашей милой бабушки Марьи Петровны, тоже изрѣдка навѣщалъ насъ; но онъ жилъ у Таврическаго сада. Такъ прожили мы въ Петербургѣ двѣ зимы 1836 и 1837 года, вторую уже на другой квартирѣ, противъ Большого театра въ

домѣ Анненкова. Въ первую зиму мы часто бывали у дяди или, лучше сказать, у тестя и тещи его Уваровыхъ. Эти посѣщенія насъ всегда радовали, такъ какъ дядя и добрая семья Уваровыхъ очень ласкали насъ. Но всего памятнѣе для меня былъ обѣдъ, данный дядей Пушкину, какъ лицейскому товарищу своему, и нѣкоторымъ знакомымъ литераторамъ, и на который онъ позвалъ и насъ. Это былъ единственный разъ въ жизни, что я видѣла Пушкина. Его курчавые волосы, живая рѣчь и веселый смѣхъ очень сильно запечатлѣлись въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ того всѣ оплакивали его безвременную кончину. Маменька ѣздила поклониться его праху, но насъ за тѣснотою не взяла.

Лѣто мы продолжали проводить въ деревнѣ. Я сказала, что во время московскаго пребыванія маменька взяла ко мнѣ швейцарку m-elle Haldy: она оказалась особой вѣтреной и легкомысленной, занималась только собой и весьма мало обращала на меня вниманія внѣ уроковъ. Маменька отпустила ее еще въ Москвѣ, а изъ Петербурга взяла рекомендованную дѣдушкой Буниным англичанку m-elle Розе, дочь адмирала, недавно умершаго, дѣвушку скромную, нравственную, но болѣзненную, которая почти постоянно страдала зубными болями и флюсомъ. Я продолжала съ ней англійскіе уроки, начатые въ Петербургѣ и пріобрѣла нѣкоторую практику. Будучи все лѣто предоставлена самой себѣ, а наше лѣто было долгое—отъ мая до декабря, я брала книги изъ существовавшей тогда въ деревнѣ небольшой нашей библіотеки, гдѣ по крайней мѣрѣ были всѣ первоклассные писатели: Державинъ, Пушкинъ, Богдановичъ, Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Карамзинъ Загоскинъ, разные дѣтскіе сборники и хрестоматіи. Какъ я наслаждалась всѣмъ этимъ, какъ будило во

мнѣ все это умственную жизнь и эстетическое чувство, какъ отвлекло меня отъ грустной дѣйствительности! Сколько заучивала я прекрасныхъ стихотвореній, читая и перечитывая ихъ по многу разъ. Въ какія-нибудь 10—11 лѣтъ я знала всю „Полтаву“ отъ начала до конца, такъ какъ она особенно поразила мое воображеніе, помнила множество строфъ изъ „Бахчисарайскаго фонтана“, „Кавказскаго плѣнника, изъ „Чернеца“ Козлова, изъ „Свѣтланы“ Жуковскаго, изъ его „Шильонскаго узника“. Я знала наизусть все стихотвореніе „На развалинахъ замка въ Швеціи“ и „Сельское кладбище“, изъ Батюшкова „Умирающаго Тасса“, „Я берегъ покидалъ туманный Альбіона“ и „Русскаго плѣнника“. Вообще все грустное, меланхолическое находило въ моей душѣ особенный откликъ и лучше другого ложилось въ моей памяти. Съ неменьшимъ интересомъ я прочла въ эти два послѣднія лѣта моего пребыванія въ деревнѣ „Капитанскую дочку“, „Повѣсти Бѣлкина“, „Бѣдную Лизу“, „Марѳу Посадницу“, романы: Загоскина „Юрій Милославскій“ и „Дмитрій Самозванецъ“ не помню какого автора*). Все это развивало во мнѣ не одно чувство изящнаго, но и любовь ко всему русскому, родному, все это составляло для меня прекрасный запасъ знаній для будущаго.

Очень рано пріучены мы были къ самостоятельному чтенію дѣтскихъ книгъ, а въ годы сиротства и одиночества чтеніе составляло лучшее утѣшеніе и развлеченіе. Я помню, какія слезы я проливала еще ребенкомъ надъ повѣстями Зонтагъ: „Сочельникъ“, „Канарейка и Марія или корзина съ цвѣтами“, и всѣ примѣры добра, правды и любви запечатлѣвались въ душѣ моей глубоко и неизгладимо. И нерѣдко возму-

*) Вѣроятно, истор. романъ гр. Л. Потоцкаго: «Димитрій Самозванецъ вторый или Тушинскій», 3 ч., М. 1833. *Ред.*

щала меня позже новѣйшая теорія, что ребенку надо показывать и темныя стороны жизни, и порокъ, и преступленіе и грубый матерьялизмъ, чтобы познакомить его съ дѣйствительностью.

При переѣздахъ нашихъ изъ Москвы и Петербурга въ деревню мы въ Рязани всегда останавливались для свиданія съ дѣдушкой и бабушкой въ привѣтливомъ директорскомъ домѣ дяди Николая Николаевича. Это былъ чудный оазисъ въ сердечной пустынѣ нашей жизни. Дядя этотъ былъ мой крестный отецъ. Жена его была особенно добра и ласкова къ намъ, а про бабушку и дѣдушку и говорить нечего. Съ пламенной нѣжностью заключали они насъ въ свои объятія, и я чувствовала, какого участливаго друга и вторую мать имѣла я въ бабушкѣ. Дѣти дяди были тогда маленькія и я очень любила играть съ ними и забавлять ихъ. Кузина же наша Ольга Корсакова, по переѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, возвратилась къ своей матери.

На вторую зиму конца 1837 и начала 1838 года маменька, по настоятельнымъ совѣтамъ родныхъ, рѣшила отдать меня своекоштной въ петербургскій Екатерининскій институтъ, когда мнѣ (въ ноябрѣ 1837 года) минуло 12 лѣтъ; поступила же я въ мартѣ 1838 г. Въ 4-мъ отдѣленіи учрежденій Императрицы Маріи служилъ тогда двоюродный братъ моей матери Григорій Борисовичъ Бланкъ. Онъ уговаривалъ маменьку отдать меня на казенный счетъ или пансіонеркой кого-нибудь изъ царской фамиліи, говоря, что ему не трудно это сдѣлать, но она не хотѣла и слышать о томъ, находя, что есть много дѣтей бѣднѣе меня, и ей достаточно, что братья мои уже воспитываются милостью Государя на казенный счетъ. Итакъ, въ мартѣ 1838 года я поступила въ Екатерининскій институтъ своекоштной. Несмотря на то, что по-

слѣдніе два года прошли безъ всякихъ учителей и уроковъ, что можетъ быть для насъ было счастіемъ при нашемъ раннемъ развитіи, прежняя заботливость нашихъ родителей не пропала даромъ, и я съ самой первой минуты признана была первой ученицей своего класса и сохранила это мѣсто до самаго выпуска. Особенно поразило моихъ экзаминаторовъ мое умѣнье писать и выражаться на всѣхъ трехъ языкахъ и знаніе множества стихотвореній, а также нѣкоторыя отчетливыя, хотя и не систематическія познанія изъ географіи и исторіи.

Помѣстивъ меня въ институтъ, маменька прожила весну въ Царскомъ Селѣ, около брата и лицея, гдѣ очень сблизилась съ старой рязанской знакомой нашей семьи Авд. Степ. Головниной, матерью Александра Васильевича (будущаго министра). Но лѣтомъ она уѣхала въ деревню съ младшимъ братомъ, который послѣ меня еще четыре года оставался при ней въ полномъ и тяжкомъ одиночествѣ, вслѣдствіе все усиливавшейся ея болѣзни. Только разъ маменька, по настоянію дяди, взяла для него въ Москвѣ гувернера-нѣмца, Данилу Ивановича Крейме. Этотъ умный, прекрасной души человѣкъ и ученый ботаникъ, пробывъ всего 4 мѣсяца при братѣ, оцѣнилъ его способности и очень помогъ развитію его склонностей къ естественнымъ наукамъ. Я уже была въ большомъ классѣ, когда младшій братъ явился въ 1842 г. въ Петербургъ, поступилъ въ юнкерскую школу и сталъ изрѣдка навѣщать меня. Онъ такъ выросъ, возмужалъ и загорѣлъ, что я едва узнала его. Ботаническія его экскурсіи укрѣпили его физически и развили въ немъ предпріимчивость, а одиночество и тяжкія обстоятельства его дѣтства выработали въ немъ большую самостоятельность.

III.

Институтская жизнь.

Несмотря на тяжелыя впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ, жизнь моя въ институтѣ въ разлукѣ съ матерью, вдали отъ родныхъ и друзей, показалась мнѣ очень тягостна, особливо въ началѣ. Долго не могла я сжиться съ полнымъ отсутствіемъ семейственности, съ чужими, равнодушными лицами и казеннымъ, офиціальнымъ тономъ, царствовавшимъ въ институтѣ. Долго не прививалась ко мнѣ искусственная чопорность институтскихъ манеръ. Мало-по-малу, однако, приходилось привыкать къ новой обстановкѣ, хотя сердце мое не покидало дорогихъ и незабвенныхъ воспоминаній. Безпрестанно звучалъ для слуха моего голосъ дорогой матери, въ хорошія минуты понимавшей свое положеніе и тѣмъ болѣе озабоченной моей будущностью. „Милая Наташенька“, говорила она мнѣ часто, „ты, можно сказать, круглая сирота, не одарена красотою, стало быть только однимъ можешь сдѣлаться пріятной людямъ: образованнымъ умомъ и добротою“. Эти слова я носила въ сердцѣ всѣ шесть лѣтъ моего пребыванія въ институтѣ, и они мнѣ помогали бодро трудиться надъ своимъ образованіемъ и по мѣрѣ силъ моихъ стараться быть полезной болѣе слабымъ подругамъ и помогать имъ. Ученье, а также рисованье сильно увлекали меня и хорошо наполняли мое время. Никто не покровительствовалъ мнѣ въ институтѣ, никто почти не посѣщалъ меня, кромѣ двоюродныхъ братьевъ матери, Бланковъ, изъ которыхъ старшій, Григорій, служилъ въ 4-мъ отдѣленіи, Иванъ былъ преображенскій офицеръ, а млад-

ніе—близнецы Василій и Петръ—студенты. Изъ юныхъ братьевъ монхъ старшаго въ Петербургѣ отпускали изъ лицея только когда онъ ѣхалъ на каникулы, а младшій, какъ я уже сказала, началъ навѣщать меня только въ 1842 году. Оба они прекрасно занимались въ своихъ заведеніяхъ, а младшій также былъ въ школѣ первымъ ученикомъ. Дядя мой Василій Николаевичъ уѣхалъ вице-губернаторомъ въ Орелъ, а потомъ на Кавказъ; жена его была женщина флегматичная и неподвижная, и во все время моего пребыванія въ институтѣ была у меня всего одинъ разъ. Дѣдушка (братъ моей бабушки и писательницы Анны Петровны Буниной) Иванъ Петровичъ Буниѣ, бывшій морякъ, служившій сначала по колоніямъ, а позже по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не могъ часто посѣщать меня, такъ какъ жилъ около Таврическаго сада, близъ Смольнаго монастыря, гдѣ воспитывались его три дочери, и въ дни пріема родныхъ онъ всегда посѣщалъ ихъ въ Смольномъ.

Когда я по воскресеньямъ и четвергамъ ходила по залѣ съ подругами и видѣла ихъ радость при свиданіи съ родными, сердце мое сжималось невольною тоскою.

Бабушка Марья Петровна Семенова и издали не переставала обо мнѣ заботиться. Я часто получала отъ нея письма, которыя дышали любовью, но и безутѣшной скорбью о смерти отца и тяжеломъ состояніи матери, заставлявшихъ ее задумываться о нашей горькой будущности. Они были полны самыхъ задушевныхъ совѣтовъ и утѣшеній, и читая ихъ, я потихоньку плакала, не имѣя съ кѣмъ раздѣлить своей печали. Безпечныя подруги мои были или слишкомъ ребячливы, или слишкомъ счастливы и заняты собою, чтобъ понять такое великое горе. Да впро-

чемъ, я и тщательно скрывала его отъ нихъ и не повѣряла даже тѣмъ, съ которыми была дружна. По официальнымъ же отношеніямъ съ классными дамами, что было обычно въ институтахъ, у меня не было другой повѣренной, кромѣ скромно поставленной рукодѣльной дамы А. М. Лалаевой, которой, по рекомендаціи дѣдушки Бунина, маменька поручила меня, уѣзжая. Ей же платила маменька условную плату за мой утренній и вечерній чай и къ ней посылала деньги на мелкіе расходы.

Эта личность заслуживаетъ съ моей стороны самаго благодарнаго воспоминанія. Старая дѣвица, неимовѣрно худая и живая армянка, съ черными, какъ смоль, волосами и проницающимъ взглядомъ, горѣвшимъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ, она казалась живымъ протестомъ среди казенной размѣренности и рутины институтской жизни. Всѣ часы внѣ службы, если только она не уходила со двора къ роднымъ, она проводила на антресоляхъ своей крошечной комнатки, чаще всего въ горизонтальномъ положеніи, съ книгой въ рукахъ. Начитана она была замѣчательно. Какъ только я отворяла дверь къ ней, приходя утромъ и вечеромъ пить чай, а иногда и въ часъ рекреаціи, если она была дома, она окликала меня и тотчасъ слѣзала со своихъ полатей, и у насъ начинался оживленный разговоръ. Она разспрашивала меня объ учителяхъ и урокахъ, о подругахъ и классныхъ дамахъ, часто разсказывала мнѣ случаи изъ своей жизни, шутила со мной и проч. Говорила она не только краснорѣчиво, но и съ большимъ жаромъ. Официальнаго въ нашихъ отношеніяхъ ничего не было. Это были истинно человѣчныя, искреннія отношенія близкаго, какъ-будто родного человѣка. Кромѣ меня ходила къ ней пить чай ея племянница Соня Лалаева, дочь брата ея Степана Матвѣевича.

Чай этотъ былъ поистинѣ ужасенъ. Буквально его почти нельзя было пить. Завѣдывала этимъ хозяйствомъ ея горничная чухонка, и Анна Матвѣевна вовсе въ него не входила. Но мы совѣстились жаловаться добрѣйшей, но вовсе не хозяйственной и горячо нами любимой особѣ. Отношенія наши къ ней были для этого слишкомъ сердечны, такъ что мы предпочитали по большей части оставлять нашъ чай со старыми сухарями, пропитанными запахомъ цикорія, въ пользу несимпатичной чухонки.

Позже, когда я была уже въ большомъ классѣ, Лалаева бесѣдовала со мной, какъ съ взрослой, о литературѣ, о театрѣ, а подчасъ и о политикѣ. Сужденія ея были очень свободны, но всегда патріотичны. Особенно недолюбливала она вліянія остзейскихъ нѣмцевъ въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, говоря, что это вліяніе рано или поздно будетъ пагубно для Россіи. Она съ жаромъ восхваляла геній Екатерины, которая умѣла выдвинуть столько замѣчательныхъ чисто русскихъ людей на всѣ поприща государственной дѣятельности и самихъ иностранцевъ переродить въ русскихъ патріотовъ, радѣвшихъ о славѣ и величіи Россіи. Анна Матвѣевна была въ высшей степени прямодушна, и въ рѣчахъ ея всегда выражалась ея пламенная южная природа. Выше же всего въ ней было ея нѣжное горячее сердце. Она любила меня, какъ родную, и была очень озабочена моей будущей судьбой, о которой говорила часто и съ братьями, посѣщавшими меня въ ея комнатѣ. Много горевали мы о бѣдной маменькѣ, которая послѣ разлуки съ младшимъ братомъ и борясь съ страшнымъ недугомъ, вела одинокую и печальную жизнь въ деревнѣ, гдѣ уже не могла по прежнему дѣятельно заниматься хозяйствомъ. Управляющіе обкрадывали ее и сильно разстраивали дѣла въ обоихъ

имѣніяхъ. Я сказала уже, что была помѣщена въ институтъ своекоштною, но часто случалось, что по болѣзни матери за меня не посылали платы въ срокъ. И вотъ начальница г-жа Кремпина, бывшая при мнѣ всего года два, разъ призвала меня и просила написать матери, что если за меня не вышлютъ тотчасъ денегъ, то меня исключатъ изъ института. Можно представить себѣ впечатлѣніе подобнаго заявленія на меня—беззащитную дѣвочку, не взирая даже на то, что я была первая ученица. И это было тѣмъ болѣе жестоко, что начальницѣ были хорошо извѣстны мои тяжелыя домашнія обстоятельства. Послѣдующая начальница, г-жа Родзянко, при поступленіи своемъ одинъ разъ только сдѣлала мнѣ подобное же внушеніе, но безъ всякихъ угрозъ и потомъ, узнавъ меня ближе, никогда болѣе не огорчала меня подобными напоминаніями. Требованія и напоминанія посылались изъ канцеляріи прямо къ самой маменькѣ.

Много мыслей, чувствъ и впечатлѣній слишкомъ глубокихъ и преждевременныхъ прошло черезъ душу мою въ эти тяжелые годы одиночества и сиротства. Глубокая внутренняя жизнь души стала рано мнѣ знакома; умъ мой и характеръ приняли складъ серьезный, несмотря на мою природную почти неугомонную живость и веселость первыхъ лѣтъ, о которой позже много мнѣ разсказывала бабушка. Я привыкла во всякомъ явленіи жизни искать и понимать его невидимую, духовную сторону, и все суетное, свѣтское и тщеславное въ тогдашнемъ институтскомъ воспитаніи оставалось мнѣ чуждо. Такъ и въ выборѣ друзей между подругами руководило мною не соображеніе знатности, богатства и связей, а сочувствіе къ искренности сердца, прямотѣ и неподкупности характера и теплотѣ чувства. Простота и правда

стали завѣтными идеалами моей души, а безъискусственная патріархальность русской жизни въ моемъ дѣтствѣ навсегда осталась живою въ моихъ воспоминаніяхъ. Но изо всѣхъ чувствъ самое глубокое въ моей душѣ была любовь къ Богу и упованіе на Него, какъ на единственную защиту и успокоеніе для моей наболѣвшей души. Я могу сказать, что въ эти годы мысленное общеніе мое съ Богомъ и Спасителемъ нашимъ было непрестанно, а частое посѣщеніе церкви, церковное пѣніе, разучиваніе службъ передъ великими праздниками—все это было для меня истинной отрадой. Когда намъ вскорѣ послѣ поступленія розцали Новый Завѣтъ, я жадно читала Евангеліе и Посланія апостольскія, особливо въ дни говѣнья, и это сообщило мнѣ такое твердое знаніе Священнаго Писанія, что мужъ мой позже часто прибѣгалъ къ моей помощи для отысканія нужнаго ему текста. За англійскій языкъ маменька платила особо, и я брала частные уроки у старушки m-elle Smith.

Въ мое время въ институтѣ было только два класса съ трехлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ и каждый состоялъ изъ 3 отдѣленій. При младшемъ классѣ было еще маленькое приготовительное отдѣленіе, 4-ое, куда поступали малолѣтнія дѣвочки, такія, которыя по возрасту и познаніямъ не годились даже въ третье отдѣленіе маленькаго класса. При раздѣленіи каждаго класса на отдѣленія принимались въ соображеніе бойкость и развитіе способностей и степень познаній. Самыя лучшія воспитанницы поступали въ 1-ое отдѣленіе, посредственныя во второе, плохія въ третье и только изрѣдка особенно отличившуюся успѣхами переводили изъ одного отдѣленія въ другое. Сообразно съ этимъ и курсъ ученія во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ былъ различный.

Во второмъ отдѣленіи на иностранныхъ языкахъ литературу проходили очень сокращенно, физикѣ и естественной исторіи также не учили. Преподаватели были большею частью гимназическіе, а въ третьемъ отдѣленіи курсъ былъ еще болѣе сжатъ, и между преподавателями были даже учителя низшихъ учебныхъ заведеній. Конечно, въ такомъ распредѣленіи была кажущаяся несправедливость. Многіе родители обижались, если дѣти ихъ попадали въ одно изъ низшихъ отдѣленій, но имѣли ли они право на это, если не приготовили и не развили достаточно дѣтей своихъ, или не одарили ихъ хорошими способностями и лучше ли тотъ порядокъ, по которому слабые останавливаютъ успѣхи сильныхъ, и лѣнивые—прилежныхъ, и, не смотря на то, равныя ли знанія выносятъ теперь институтки и гимназистки одного класса? Недостатокъ прежняго раздѣленія заключался вовсе не въ различіи объема курса, смотря по способностямъ и знаніямъ, а въ томъ нѣсколько традиціонномъ пренебреженіи, которое существовало въ институтѣ по отношенію особенно къ третьему отдѣленію, на которое не обращали почти никакого вниманія, что отъ начальства переходило и къ дѣвицамъ. Но раздѣленіе на два класса имѣло нѣкоторыя преимущества передъ семиклассникъ курсомъ. Ученье было тогда ровнѣе и основательнѣе. Трехлѣтній курсъ у однихъ и тѣхъ же преподавателей, которые хорошо знали своихъ ученицъ, слѣдили за ихъ развитіемъ и успѣхами, и начиная каждогодно новую программу, могли твердо знать, гдѣ и на чемъ они остановились и чего не успѣли додѣлать, давалъ имъ въ руки гораздо болѣе средствъ вести дѣло постепенно и ровно, безъ скачковъ и случайностей. Кромѣ того, не нужны были безпрестанныя перемѣщенія изъ одной классной комнаты въ другую, что уноситъ

безполезно много времени, развлекаетъ вниманіе и пріучаетъ къ неустойчивости. Не нужно было также безпрестанно привыкать къ новымъ преподавателямъ, новымъ методамъ и требованіямъ, освоиться съ которыми учащимся не всегда легко.

При выпускѣ въ 1-мъ отдѣленіи, въ которомъ было отъ 40 до 50 ученицъ, раздавалась 21 награда: семь шифровъ, семь золотыхъ медалей и семь серебряныхъ. Во второмъ отдѣленіи раздавалось только семь наградъ — книги, а въ 3-мъ всего три—тоже книги.

День нашъ былъ распредѣленъ самымъ правильнымъ образомъ. Звонокъ къ вставанью будилъ насъ въ 6 часовъ, въ 7 уже всѣ стояли на молитвѣ, а въ половинѣ 8-го шли къ утреннему чаю. Давалась каждой воспитанницѣ кружка кипяченаго молока съ булкой, а съ поступленія къ намъ въ попечители принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, стали давать по вторникамъ и субботамъ кофе (ржаной или ячменный). Всѣ же платившія за свой чай расходились по класснымъ дамамъ или инспектрисамъ, которымъ были поручены. Въ 8 часовъ всѣ собирались въ классѣ, и тѣ, у кого были готовы уроки, имѣли рекреацію. Въ 9 приходили учителя и было только двѣ перемѣны: одинъ урокъ съ 9 до 10½, а другой до 12. Такимъ образомъ каждый урокъ продолжался полтора часа, и времени доставало и на объясненіе, и на спрашиванье уроковъ, и на практическія упражненія въ диктовкѣ, въ устныхъ переводахъ и проч., что было важно при многочисленности классовъ. При такомъ порядкѣ многое, что теперь задается внѣ класса, дѣлалось въ классѣ, а при разнообразіи классныхъ упражненій не слишкомъ утомлялось вниманіе, занятіе же однимъ предметомъ было сосредоточеннѣе и продолжительнѣе. И мы вовсе не замѣ-

чали, какъ пролетали эти полтора часа урока, тѣмъ болѣе, что они сокращались еще минутъ на 10—15 перемѣной учителей, во время которой ученицамъ позволяли встать и пробѣгаться, и потомъ приготовленіемъ тетрадей и проч.

Въ 12 часовъ шли къ столу. Обѣдъ изъ трехъ блюдъ былъ не очень вкусенъ, какъ всегда бываетъ въ казенной кухнѣ, когда ею не завѣдываетъ человѣкъ особенно честный, безкорыстный и любящій свое дѣло.

Отъ часа до двухъ была рекреація — въ теплое время въ саду, а зимою по классамъ съ короткой прогулкой по мосткамъ сада въ хорошую и не слишкомъ холодную погоду.

Въ 2 часа опять начинались уроки: первый до $3^1/_2$ час., а второй до 5 часовъ, такъ что во весь день было только четыре предмета, и потому вниманіе было гораздо менѣе раздроблено, да и задавали работъ внѣ урока гораздо менѣе. Правда, что учителямъ при этомъ порядкѣ было болѣе труда за уроками, но ученицамъ было положительно легче.

Въ 5 часовъ приносили корзину съ чернымъ хлѣбомъ и бутыль квасу для тѣхъ, кто не платилъ за чай, а платящія опять пили пить чай по своимъ класснымъ дамамъ. Время отъ 6 до 8 считалось временемъ приготовленія уроковъ, но по большей части было занято пѣніемъ и танцами. Именно, понедѣльникъ и четвергъ — танцы, по средамъ и пятницамъ — церковное пѣніе. По субботамъ, а также подъ двунадесятые праздники была всенощная. Въ 8 час. былъ ужинъ изъ двухъ блюдъ, въ 9 молитва и затѣмъ ложились спать. Это ровное, правильное распредѣленіе времени, конечно, хорошо бы подѣйствовало на здоровье, еслибъ оно соединено было съ нѣкоторыми другими гигіеническими условіями, напр.,

съ бо́льшимъ движеніемъ и пребываніемъ на воздухѣ и болѣе питательной пищей. Но къ постоянному сидѣнью въ комнатѣ всю зиму присоединялось еще то, что родственники дѣвицъ по четвергамъ и воскресеньямъ присылали имъ цѣлыя корзины лакомствъ, которыя на голодный желудокъ съѣдались мгновенно и въ такомъ количествѣ, что это не могло не отзываться и на желудкахъ и на зубахъ дѣтей. По праздникамъ по большей части играли въ дортуарахъ. Въ институтѣ въ наше время никто не заботился о доставленіи намъ какого бы то ни было чтенія. Наша дѣтская литература тогда была еще очень бѣдна, а иностранныхъ книгъ въ нашей библіотекѣ не было. Даже учебниковъ намъ никакихъ не давали, а во время нѣкоторыхъ уроковъ, напр. устныхъ переводовъ, раздавались какія-нибудь хрестоматіи по одной книжкѣ на двухъ, а иногда и на трехъ воспитанницъ, по окончаніи же урока тщательно отбирались отъ насъ. Вся премудрость заключалась для насъ въ нашихъ тетрадяхъ. Оттого присутствіе мое, особливо въ большомъ классѣ, было необходимо, такъ какъ я одна составляла записки по всѣмъ предметамъ преподаванія, а прочія съ меня списывали. За то, если мнѣ случалось попасть въ лазаретъ, то и подруги мои и даже классныя дамы приходили навѣдываться, скоро ли меня выпустятъ въ классы. Впрочемъ, я была тамъ всего раза два-три во всѣ шесть лѣтъ и очень недолго, такъ какъ дѣтство, проведенное въ деревнѣ, положило очень хорошую закладку моему здоровью. Когда же я въ большомъ классѣ была въ свою очередь цѣлую недѣлю въ рукодѣльной, то классныя дамы безпрестанно приходили выпрашивать меня оттуда на тотъ или другой важный урокъ, что очень сердило бѣдную Лалаеву, которой я тоже была необходима, такъ какъ она пользовалась моимъ умѣньемъ рисовать для составленія узоровъ.

Надо сказать не къ похвалѣ родителей, навѣщавшихъ дѣтей въ назначенные дни, что привозя имъ цѣлыя горы лакомствъ, они почти никогда не думали привезти имъ какое-нибудь полезное чтеніе или умную игру, въ родѣ тѣхъ, которыя съ такимъ прекраснымъ выборомъ присылалъ намъ въ дѣтствѣ дядя изъ Петербурга. Единственныя въ нашемъ классѣ, у которыхъ водились книжки, иногда подхватываемыя мною на лету, были: Маша Воейкова (въ замужествѣ графиня Бревернъ-де-Лагарди — племянница поэта Жуковскаго) и Н. Гасфортъ (въ замужествѣ Коніаръ, которой отецъ былъ позже генералъ-губернаторомъ Сибири). Изъ подругъ моихъ, кромѣ этихъ двухъ, назову еще нѣкоторыхъ изъ лучшихъ. Второй шифръ получила Заварицкая, 3-й Рачъ, извѣстная красавица, 4-й Гасфортъ, 5-й Сивицкая, 6-й Казаринова. Медемъ и Аникіева получили золотой браслетъ вмѣсто шифра, первая — потому что поступила только въ старшій классъ, а вторая — оттого, что перешла къ намъ изъ старшаго класса.

Изъ получившихъ медали также назову нѣкоторыхъ: Машу Воейкову, о которой уже упоминала, Книперъ — большую музыкантшу, Клодтъ—племянницу начальницы, и, наконецъ, Воеводскую, съ которой я была особенно дружна и которая такъ же, какъ и Сивицкая, поступила послѣ выпуска классной дамой института, и по переселеніи моемъ въ Петербургъ, онѣ объ постоянно меня посѣщали. Когда мы еще были въ институтѣ, мнѣ часто удавалось защищать Сивицкую отъ несправедливости учителей, не цѣнившихъ ея основательности въ занятіяхъ и прилежанія и всегда ставившихъ ей баллы ниже ея достоинства, потому что она была робка и тихо говорила. Теперь ихъ обѣихъ уже нѣтъ въ живыхъ, и меня иногда посѣщаетъ милая и почтенная, выслу-

жившая также свои годы, классная дама нашего же выпуска Лизавета Николаевна Кондратьева. Нельзя не вспомнить также веселую и талантливую нашу пѣвицу Вердеревскую (въ замужествѣ Шиловскую), которая была хорошо извѣстна въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ.

Преподаватели у насъ были весьма хорошіе, т. е. особливо въ 1-мъ отдѣленіи. По русскому языку Никитенко, умѣвшій сообщить намъ любовь къ литературѣ и чувство изящнаго. Но лекціи его были нѣсколько неопредѣленны и содержали такъ мало фактовъ, что трудно было изъ нихъ что-нибудь выжать для экзамена. Это были болѣе бесѣды объ изящномъ, чѣмъ полный и опредѣленный курсъ исторіи литературы. Вести записки у него было очень трудно,—такъ отвлеченны и туманны были эти лекціи. За то охотницъ до его лекцій онъ величалъ именемъ „священной когорты“ и удостоивалъ ихъ своихъ бесѣдъ объ изящномъ даже на институтскихъ балахъ, отвлекая ихъ этимъ отъ танцевъ и дѣтскаго веселья.

По французскому языку живой и остроумный Курнанъ не только прекрасно и подробно преподавалъ французскую литературу, но и превосходно подвигалъ насъ въ практикѣ языка. По ариѳметикѣ мы учились у Буссе очень охотно; преподаватель географіи Рожковъ преподавалъ предметъ свой въ высшей степени умно, интересно и основательно. Исторія же шла въ маленькомъ классѣ у преподавателя Аникіева гораздо лучше, чѣмъ въ большомъ, когда живые уроки нашего прежняго инспектора Тимаева замѣнились довольно педантичными и сухими лекціями магистра университета Кестнера. Священникъ, отецъ Михаилъ, добрый и кроткій пастырь, училъ насъ съ простотою евангельской, доходившей до сердца. Его предшественникъ, отецъ Іоаннъ

Наумовъ, учившій насъ въ маленькомъ классѣ, былъ гораздо суше и отвлеченнѣе въ своихъ объясненіяхъ. Онъ любилъ чертить на доскѣ разныя фигуры: треугольники, чтобъ объяснить Св. Троицу, кругъ, чтобъ объяснить вѣчность, а также круги входящіе одинъ въ другой, гдѣ распредѣлялъ небесныя силы архангеловъ, ангеловъ, серафимовъ и пр. и все это усердныя ученицы переносили въ свои тетради. Онъ преподавалъ намъ только въ маленькомъ классѣ, а потомъ былъ переведенъ въ дворцовую церковь. Естественныя науки преподавались намъ на французскомъ языкѣ г-мъ Менетріе, хранителемъ академическаго музея. Это была, конечно, практика языка, но зато ботаническіе и зоологическіе термины и даже названія растеній, животныхъ и минераловъ оставались неизвѣстными по-русски, если мы не добирались до нихъ сами. Физику преподавалъ онъ очень хорошо, хотя незнаніе высшей математики насъ нѣсколько затрудняло. Но я, ведя записки, добивалась отъ добраго Менетріе полной ясности, не желая вводить въ недоразумѣніе всѣхъ съ меня списывавшихъ.

Инспекторомъ нашимъ былъ сначала живой и веселый Тимаевъ — педагогъ по призванію, а потомъ Ободовскій, добрый и благожелательный человѣкъ. По всѣмъ предметамъ преподаванія я получала высшіе баллы 11 и 12 и постоянно была первою, такъ что никто не соперничалъ со мною. Но горе мое и страданіе сердца такъ поглощали все мое существо, что мнѣ и въ голову не приходило превозноситься этимъ и считать себя лучше другихъ. Напротивъ, это поддерживало во мнѣ смиреніе и будило чувство участія къ тѣмъ подругамъ, которыя были слабѣе; едва успѣвъ составить свои записки, я отдавала ихъ всѣмъ желающимъ списывать, ихъ раз-

рывали на летучіе листки, которые рѣдко возвращались ко мнѣ во-время и въ цѣлости и мнѣ стоило большого труда собрать ихъ и соединить въ тетради.

Однообразіе нашей институтской жизни прерывалось иногда, и даже довольно часто, посѣщеніями царской фамиліи. Особенно тепло относилась къ намъ добрѣйшая императрица Александра Ѳеодоровна, а великія княжны Ольга и Александра Николаевны часто бывали съ нею и ихъ привѣтливая веселость приводила насъ въ восторгъ. Самъ императоръ Николай I обходился съ нами съ большимъ благодушіемъ и когда у него разъ одна изъ дѣвицъ, желая выдернуть изъ султана одно перышко на память, выдернула весь султанъ, онъ вдругъ оглянулся и видя смущеніе несчастной дѣвочки, стоявшей неподвижно съ султаномъ въ рукѣ, онъ засмѣялся и воскликнулъ: „такъ вы желаете, чтобы я ѣхалъ домой кварташкой? *)

Часто привозили къ намъ разныхъ иностранныхъ принцевъ и разныхъ знаменитостей. Для такихъ гостей всегда выдвигались на сцену такъ называемые таланты, т. е. танцы, музыка и пѣніе. Всего памятнѣе мнѣ посѣщеніе брата императрицы, позже императора германскаго Вильгельма I. Знаменитый Листъ далъ у насъ цѣлый концертъ; Мятлевъ читалъ отрывки изъ своей „Курдюковой“.

Старшій классъ имѣлъ преимущество всѣ три года кататься вокругъ горъ и качелей на масляницѣ и Святой недѣлѣ, въ царскихъ экипажахъ. По возвращеніи насъ угощали кофеемъ или шоколадомъ. Зимою насъ почти вовсе не выводили гулять, развѣ въ самую великолѣпную погоду мы обходили по мосткамъ вокругъ сада раза два-три. За то лѣтомъ, въ

*) Тогда квартальные носили треугольныя шляпы.

каникулы, мы весь почти день были въ саду. Тамъ были разставлены скамьи, была бесѣдка, палатка, гдѣ можно было заниматься. Послѣ насъ уже устроена была принцемъ Ольденбургскимъ крытая галлерея-столовая въ саду. Кое-какія гимнастическія игры явились въ саду незадолго до нашего выпуска, а купальня уже послѣ насъ. Садъ былъ раздѣленъ пополамъ: направо отъ выхода пребывали маленькія, не смѣвшія переходить за черту, на лѣвой—большія. Надо однако сознаться, что однообразныя аллеи, старыя корявыя деревья слишкомъ скудно представляли для насъ природу, такъ что я всегда чувствовала себя какъ въ клѣткѣ.

Самымъ выходящимъ изъ ряда событіемъ въ моей институтской жизни была перестройка института для расширенія верхняго этажа лѣтомъ 1841 года, вызвавшая необходимость сократить насколько возможно количество жившихъ въ зданіи. Нѣкоторыхъ ученицъ старшаго класса отпустили домой, партію золотушныхъ снарядили въ Старую Руссу, а человѣкъ 25 изъ хорошо учившихся болѣе деликатнаго сложенія перевезли въ Петергофъ, гдѣ была нанята дача генеральши Крыжановской, примыкавшая къ саду принца Ольденбургскаго. Добрѣйшій принцъ Петръ Георгіевичъ взялъ насъ на свое попеченіе и это время было для меня какимъ-то волшебнымъ сномъ послѣ трехлѣтняго заключенія. Впервые въ жизни попала я на пароходъ и увидѣла море и окрестности Петербурга, изъ которыхъ до тѣхъ поръ извѣстно мнѣ было только одно Царское Село. Отрядили съ нами классную даму изъ лазарета г-жу Флейнъ, явно для того, чтобъ избавить отъ ученья и муштрованья. Эта добрая, но весьма ограниченная нѣмка не говорила даже по-французски, и низко присѣдая принцу, отвѣчала на вопросы его только: „oui, Votre Seigneur,

сдѣлавъ заключеніе, что если говорятъ Votre Majesté, то учтивѣе и принцу прибавлять Votre вмѣсто *Monseigneur* и мы такъ этимъ потѣшались, что не выводили ее изъ заблужденія. Принцъ же сильно конфузился и кусалъ себѣ губы, чтобъ не разсмѣяться. Спали мы въ довольно просторныхъ комнатахъ верхняго этажа на полу. Утромъ мы шли прямо въ садъ принца и совершали большія прогулки въ громадномъ паркѣ принцевой дачи, рвали цвѣты, собирали грибы въ рощѣ, отдѣлявшей паркъ отъ кладбища. Иногда принцесса призывала насъ на балконъ, гдѣ сама въ передничкѣ сидѣла за лущеніемъ горошка, иногда угощала насъ на фермѣ чуднымъ молокомъ съ такимъ вкуснымъ чернымъ хлѣбомъ, что онъ казался намъ пряникомъ, показывала намъ стойла породистыхъ коровъ съ надписями именъ ихъ. Передъ обѣдомъ ходили мы ежедневно купаться въ морѣ въ купальню Его Высочества и часто встрѣчали его самого на длинномъ мостикѣ возвращающимся съ купанья, при чемъ онъ очень конфузился. Отобѣдавъ въ часъ, мы только послѣ рекреаціи занимались немного рукодѣльемъ и чтеніемъ кое-какихъ взятыхъ съ собою книжекъ и тетрадокъ, и въ это время иногда слышимъ вдругъ легкіе удары въ одно изъ оконъ залы, которыя были предусмотрительно замазаны мѣломъ. Это были великія княжны Ольга и Александра Николаевны, катавшіяся верхомъ съ императрицей въ шарабанѣ. Онѣ хлыстиками стучали въ окно, чтобъ повидаться съ нами и узнать, все ли у насъ благополучно. Мы съ восторгомъ бросались къ окну, великія княжны, въѣзжая на самый тротуаръ, весело съ нами шутили и разговаривали, а мы гладили красивыя головы ихъ коней, ложившіяся прямо на подоконники. Вечеромъ, напившись молока въ 5 часовъ, опять гуляли по парку и возвращались уже

къ ужину усталыя, послѣ чего, конечно, предавались самому крѣпкому и благодѣтельному сну, такъ что наши блѣденькія и худыя личики превратились въ свѣженькія и сильно загорѣвшія. Кормили насъ превосходно, гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, и принцъ ежедневно, а иногда и по два раза въ день навѣщалъ насъ во время обѣда и ужина. По праздникамъ присылали намъ большія придворныя линейки, чтобъ ѣхать въ Сергіевское въ церковь (на дачу В. К. Маріи Николаевны), а потомъ катали насъ по верхнему и нижнему саду, гдѣ пущены были всѣ фонтаны. Иногда высаживали насъ въ Монплезирѣ, откуда мы любовались чуднымъ видомъ на море и Кронштадтъ.

Другое знаменательное для насъ событіе, въ первый годъ послѣ перевода моего въ большой классъ, была поѣздка на вечерній выпускной экзаменъ въ Смольный монастырь, гдѣ мы и ужинали. Тутъ познакомилась и сошлась я въ первый разъ съ родственницами своими, старшими дочерьми дѣдушки Ивана Петровича Бунина, Александрой и Надеждой. Онѣ переходили въ большой классъ и вышли изъ Смольнаго ровно черезъ годъ (1845) послѣ выпуска моего изъ института. Старшая, Александра, вышедшая потомъ замужъ за Александра Карловича Гирса, особенно полюбила меня съ самаго этого свиданія и должна была позже играть важную роль въ судьбѣ моей, такъ какъ изъ ея дома я вышла замужъ. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ лицѣ, оставившемъ во всѣхъ насъ живое воспоминаніе своимъ обращеніемъ и отношеніями къ намъ, чуждыми официальной казенности и холодности. Это была наша инспектриса съ послѣдняго года младшаго класса, Александра Ивановна Гогель, бывшая позже начальницей Харьковскаго института. Довольно высокая и плот-

ная, она ходила павой и статурой своей напоминала портреты Екатерины II. При всей своей доброте, она была не безъ спѣси и не безъ нѣкоторой чувствительности къ вліянію знатности и связей,—вполнѣ свѣтская и салонная особа. Воспитывалась она въ нашемъ институтѣ въ 7 выпускѣ, а нашъ былъ 15-ый. Она никогда не хотѣла признавать себя старой дѣвицей и по свойствамъ своимъ не походила на нихъ. Она говорила, что желаетъ хоть нѣкоторыхъ изъ насъ приготовить къ жизни въ свѣтѣ и приглашала иногда къ себѣ по вечерамъ въ праздники избранныхъ ею по разнымъ соображеніямъ дѣвицъ старшаго класса, особливо въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ институтѣ. У нея сходились мы съ очень интересной четой Башуцкихъ. Александръ Павловичъ Башуцкій былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ литераторъ и писатель, и какъ любезный, остроумный и свѣтскій собесѣдникъ.

Разстроивши свои денежныя дѣла, онъ впослѣдствіи пошелъ въ монастырь, уговоривъ и жену вступить въ монашество. Послѣдніе годы жизни онъ проживалъ почему-то въ Царскомъ селѣ, и мы съ нимъ встрѣтились у генерала Гогеля, одного изъ воспитателей великихъ князей, черезъ посредство котораго онъ получалъ заказы отъ императрицы Маріи Александровны и, занимаясь миніатюромъ, изящно разрисовалъ ей молитвенники. Жена его, рожденная Квитка, была очень милая, талантливая особа, прекрасно рисовала, умѣла дѣлать цвѣты и насъ этому научила, такъ что мы поднесли принцу Ольденбургскому большой букетъ восковыхъ цвѣтовъ своей работы. На этихъ вечерахъ занимались и музыкой и часто пѣла наша прекрасная пѣвица Вердеревская. Башуцкій заинтересовался моей любовью къ рисованью и доставилъ мнѣ хорошіе оригиналы

къ выпускной выставкѣ для копированія. Такъ какъ я часто рисовала внѣ класса въ свободные часы, то располагалась съ мольбертомъ въ такъ называемомъ маленькомъ дортуарѣ, обращенномъ въ рисовальную комнату возлѣ инспектрисы, и Башуцкій, въ сопровожденіи Александры Ивановны, заходилъ иногда взглянуть на мою работу и дѣлалъ мнѣ замѣчанія. Упомянувъ о мольбертѣ, я должна пояснить, что я была единственная въ классѣ, которая рисовала пастелью съ масляныхъ картинъ, по особенно приготовляемому насыпному картону, подъ руководствомъ самого Башуцкаго и нашего учителя рисованія Мохначева. Всѣ прочія дѣвицы рисовали или просто чернымъ карандашемъ или примѣшивали въ тушовку нѣсколько краснаго и бѣлаго карандаша. Нѣкоторыя же рисовали акварелью по большей части цвѣты. Къ выпуску рисовала я пастелью большую картину: ночь въ монастырѣ траппистовъ съ аркадой, открытой на море при лунномъ свѣтѣ. Въ корридорахъ же монастыря видно было освѣщеніе огнемъ, и контрастъ группы монаховъ, идущихъ со свѣтильниками, и тѣми, что стояли у открытой аркады, освѣщенные луной, дѣлалъ картину очень эффектною. Другая большая моя картина тоже пастелью была Великомученица Екатерина, копія съ масляной же (Карло Дольчи). Было еще нѣсколько акварельныхъ жанровъ — дѣтей съ хорошенькихъ оригиналовъ, и одна сепія—Мадонна Рафаэля; но всѣ эти произведенія мои были разобраны по дворцамъ и я не могла сохранить на память ни одного изъ нихъ.

Такъ, среди трудовъ и приготовленій къ выпуску не замѣчала я, какъ улетало время: преподаватели и классныя дамы хвалили меня, подруги меня любили, и незамѣтно подошелъ 1844 годъ—нашего выпуска.

Экзамены въ институтѣ производились въ трехъ видахъ: такъ называемые *инспекторскіе*, рѣшавшіе полученіе наградъ, *царскіе*, которые въ нашемъ выпускѣ по причинѣ слабаго здоровья императрицы всѣ были во дворцѣ, и *публичные*, на которые приглашали родныхъ и близкихъ выпускныхъ воспитанницъ.

Инспекторскіе экзамены производились домашнимъ образомъ, хотя на нихъ присутствовалъ иногда министръ просвѣщенія и приглашались даже посторонніе ученые, но всѣхъ чаще — нашъ почетный попечитель принцъ Ольденбургскій. Помню, какъ ночью въ дортуарѣ, когда классныя дамы успокаивались сномъ, зажигались въ разныхъ концахъ дортуара свѣчи, и подруги мои усердно готовились къ страшному суду. Я никогда не вставала ночью, хотя бы и сознавала, что иное не очень было твердо въ памяти, но увѣренность, что я первая ученица и не можетъ быть, чтобы я не выдержала экзамена, успокаивала меня.

Царскіе экзамены были то въ Зимнемъ, то въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ императрица Александра Ѳеодоровна проводила часть зимы, въ присутствіи всей царской фамиліи и множества приглашенныхъ придворныхъ лицъ. Они были раздѣлены на нѣсколько дней. Экзамены наукъ заняли два утра, а экзамены талантовъ, т. е. музыки, пѣнія и танцевъ—одинъ вечеръ. Одно утро было посвящено раздачѣ наградъ, и только прощальный царскій обѣдъ былъ въ институтѣ, но угощеніе и прислуга были царскія изъ дворца.

Экзамены наукъ оба раза и въ Зимнемъ и въ Аничковомъ дворцѣ раздѣлялись завтракомъ, а по окончаніи второй части былъ оба раза великолѣпный обѣдъ, въ которомъ, кромѣ всего выпускного класса

(отъ 130-140 человѣкъ), участвовалъ и весь штатъ институтскаго начальства и преподавателей, сопровождавшихъ насъ.

Конечно, на царскихъ экзаменахъ спрашивали по большей части лучшихъ воспитанницъ изъ перваго отдѣленія и даже заставляли писать на доскѣ сочиненія на заданныя темы, чертить карты наизусть, такъ что подтасовокъ въ собственномъ смыслѣ не могло быть. Списокъ сюжетовъ сочиненій подавался императрицѣ, и она сама назначала, кому что написать.

Публичный экзаменъ былъ самый поверхностный: все соединялось въ одинъ вечеръ: и науки, и музыка, и пѣніе, и характерные танцы.

Для первой шиферницы всѣ эти экзамены были рядомъ тріумфовъ. Учителя выѣзжали на ея познаніяхъ, классныя дамы и дѣвицы обращались съ ней съ какимъ-то благоговѣніемъ. Дворъ ласкалъ ее и говорилъ ей комплименты; на завтракахъ и обѣдахъ, сопровождавшихъ каждый разъ утренніе экзамены, она неизмѣнно сидѣла возлѣ императрицы, а если присутствовалъ императоръ, то между ними обоими. Вниманіе и предупредительность членовъ царскаго семейства были необыкновенны. Можно вообразить себѣ наши впечатлѣнія среди волшебной обстановки дворца послѣ шестилѣтняго затворничества. Было отъ чего вскружиться юной головѣ, приготовлявшейся вступить въ жизнь съ понятіями о ней почти младенческими.

Не могу не вспомнить, какъ по возвращеніи нашемъ изъ дворца, нашъ полицеймейстеръ Борисовъ усердно поздравлялъ меня словами: „Вы наша честь и слава. Вы вынесли весь экзаменъ на своихъ могучихъ плечахъ, примите же мое посильное поздравленіе.“ Я, тоненькая и худенькая, не могла не разсмѣяться выраженію „могучихъ плечъ.“

Экзаменъ талантовъ, по принятому въ институтѣ выраженію—„Soirée impériale“, былъ также во дворцѣ и заключился баломъ, въ которомъ приняли участіе всѣ юные великіе князья. Тамъ же была утромъ и раздача наградъ. Когда меня вызвали для полученія перваго шифра я, чуть не упала въ обморокъ отъ волненія, — такъ сильно было во мнѣ, съ одной стороны, настоящее дѣтское счастье отъ такого признанія моихъ успѣховъ, а съ другой—горькое чувство сиротства и сердечная боль, что некому порадоваться моимъ успѣхамъ, что въ будущемъ ждутъ меня горе и слезы. Подошедши къ императрицѣ, я преклонила передъ нею колѣна, и когда она стала прикалывать шифръ, я не могла побѣдить себя и зарыдала. Императрица крѣпко обняла меня, и нагнувшись надъ моей головой, сама прослезилась. Всѣ подробности моихъ семейныхъ обстоятельствъ давно были сообщены ей добрымъ моимъ благожелателемъ Андреемъ Логгиновичемъ Гофманомъ, ея статсъ-секретаремъ. Сдѣлался переполохъ, побѣжали, принесли стаканъ воды, который самъ государь Николай Павловичъ подалъ императрицѣ, а она все еще держала мою голову, повторяя: „Ma chère enfant, soyez tranquille, je vous garde sous ma protection.“ Что происходило потомъ, я уже не способна была ни видѣть, ни слышать. Никогда не забуду я этой трогательной минуты, обнаружившей всю сердечную теплоту покойной государыни и ея материнское состраданіе къ судьбѣ горькой сироты. Да будетъ же память ея благословенна навсегда! Вотъ эти-то человѣчныя движенія сердца, не взирая на холодъ офиціальности и этикета, на льстивую угодливость ихъ окружающую, и ставитъ монарховъ-вѣнценосцевъ на настоящую высоту, привлекающую имъ нелицемѣрную любовь и преданность подданныхъ. И эта предан-

ность существовала на дѣлѣ, что бы ни говорили хулители царствованія Николая I.

По окончаніи церемоніи раздачи наградъ, я, конечно, сдѣлалась предметомъ всеобщихъ поздравленій, пожеланій и любезностей, которыми меня осыпали со всѣхъ сторонъ. Насъ потчевали шоколадомъ и конфектами. Нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ придворныхъ дамъ приглашали меня посѣщать ихъ и проч. Выпускъ всегда заключался прощальнымъ обѣдомъ въ самомъ институтѣ и на немъ присутствовала вся царская фамилія, даже самъ императоръ. Я сидѣла опять между государемъ и государыней. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ во время передобѣденной молитвы и пѣнія „Отче нашъ“ императоръ, увидѣвъ выступившую впередъ съ камертономъ дѣвицу Вердеревскую, спросилъ скороговоркой: „Запѣвала у васъ кто?“ Я въ первый разъ въ жизни услышала слово *запѣвала*, и смутившись, не знала, что отвѣчать. Государь догадался и переспросилъ: „Кто подаетъ голосъ?“ Я отвѣчала: „Вердеревская, Ваше Величество.“ Когда мы сѣли не особенно просторно, и я опасалась накладывать себѣ кушанья съ громадныхъ и полныхъ блюдъ, которыя мнѣ подносили послѣ императрицы и прежде государя, онъ шутилъ, говоря: „А я знаю отчего вы не кушаете, давайте-ка я вамъ положу,“ и подавая тарелку, прибавлялъ: „Такъ-то лучше будетъ.“ Онъ разговаривалъ со мною такъ милостиво и просто, что я тутъ могла особенно оцѣнить всю доброту его прямой души, когда онъ являлся вполнѣ человѣкомъ, и ему не надо было играть роль и принимать видъ суровый и важный. Такъ онъ въ одномъ выпускѣ послѣ экзамена танцевъ, музыки и пѣнія сказалъ, обращаясь ко всѣмъ дѣвицамъ: „Вы прекрасно танцуете, прекрасно играете и поете, но будьте

хорошими дочерьми вашимъ родителямъ, а если выйдете замужъ, будьте хорошими женами и матерями и имѣйте побольше вотъ тутъ," прибавилъ онъ, указывая на сердце. Тутъ умѣстно будетъ привести и письмо императрицы Александры Ѳеодоровны къ нашей начальницѣ г-жѣ Родзянко на другой день послѣ нашего второго экзамена наукъ въ Зимнемъ дворцѣ, доказывающее ея высокую заботливость объ институтахъ. Многія изъ насъ списали его, чтобы сохранить на память.

Madame,

Je désire avoir des nouvelles de Vos demoiselles et je Vous prie de m'en donner car le froid d'hier pouvait leur être nuisible. Et Arbousoff, la cadette, comment va-t-elle ce matin? Et les toux, et les maux de dents? Si l'on désire savoir à l'institut comment je me porte, je Vous prie de leur dire, que ma fluxion va mieux.

Alexandra.

При послѣднемъ трогательномъ прощаніи императрица, обнявъ меня, опять повторила: „et bien, ne soyez pas triste, mon enfant, Vous resterez sous ma protection". Неопытная дѣвочка, я вовсе не понимала значенія словъ императрицы, и они представляли мнѣ будущность мою еще въ болѣе неопредѣленномъ видѣ. Сердце мое рвалось къ больной матери. Чувство простоты и правды, воспитанное во мнѣ дѣтствомъ моимъ и укрѣпленное ранними испытаніями, говорило мнѣ, что я не найду счастія при дворѣ, въ суетной и тщеславной его обстановкѣ. Она мнѣ представлялась почему-то вовсе не въ такомъ радужномъ свѣтѣ, въ какомъ по большей части казалась она многимъ моимъ подругамъ—институткамъ. Я сознавала, что не имѣю ни въ наружности, ни во внутреннемъ складѣ моего существа ничего такого,

что могло бы мнѣ доставить успѣхъ въ этихъ сферахъ, а отсутствіе богатыхъ и знатныхъ связей всегда давало бы себя чувствовать; хотя я не могла тогда представить себѣ отчетливо все это, однако, внутренній голосъ мнѣ это подсказывалъ, а институтская робость и застѣнчивость еще усиливали это сознаніе. Письма же бабушки, которая умоляла меня не лишить ее въ старости утѣшенія увидѣть меня и пожить со мной, укрѣпляли меня въ намѣреніи не оставаться при дворѣ, еслибъ даже этого пожелали. Но надо при этомъ случаѣ представить вполнѣ ясно мои домашнія обстоятельства. Маменька никакъ уже не была въ силахъ пріѣхать за мной: окончательно пораженная душевнымъ недугомъ, который такъ долго готовился, она все откладывала поѣздку въ Петербургъ. Бабушка моя Н. Я. Бланкъ, ослѣпшая отъ слезъ, проживала въ Москвѣ у сестры своей Е. Я. Сунгуровой. Бабушка М. П. Семенова, по смерти дѣдушки, умершаго въ 1838 году, переѣхала изъ Рязани на житье къ третьему сыну Михаилу Николаевичу, въ имѣніе его Подосинки Раненбургскаго уѣзда, гдѣ онъ построилъ для матери особый домикъ возлѣ своего большого дома. Дѣдушка былъ погребенъ рядомъ съ отцомъ моимъ въ склепѣ подъ алтаремъ Урусовской церкви, и бабушкѣ хотѣлось быть поближе къ дорогимъ могилкамъ.

Родные просили объ освидѣтельствованіи сенатомъ больной матери моей и признаніи ея разстроеннаго состоянія, дѣлавшаго невозможнымъ ни управленіе имѣніями, ни поѣздку за мною въ Петербургъ. Но по обычной нашей дѣловой волокитѣ это освидѣтельствованіе, несмотря на просьбу ея матери, не двигалось съ мѣста.

Тогда бабушка Марья Петровна рѣшилась просить императрицу, чтобы меня отдали ей и съ

письмомъ объ этомъ прислала дядю хлопотать, чтобы меня съ нимъ отпустили. Дядя же настаивалъ, чтобы взять меня совсѣмъ въ свое семейство. Помирились на томъ, что я жить буду у бабушки, а обѣдать и проводить часть дня въ большомъ домѣ и выѣзжать съ тетушкой, женщиной очень образованной и веселой, съ которой мы сблизились еще въ первомъ дѣтствѣ, когда она проводила цѣлые часы съ нами въ дѣтской.

Итакъ, дядя мой Михаилъ Николаевичъ, истый помѣщикъ, врагъ столичнаго франтовства и роскоши, выставлявшій сельскую патріархальность даже въ костюмахъ своихъ, пріѣхалъ за мною въ Петербургъ, снабженный полномочіями бабушки. Но ему на отрѣзъ объявили и принцъ Ольденбургскій и Гофманъ, что императрица оставила меня подъ своимъ покровительствомъ и меня не отдадутъ ему. Напрасно ѣздилъ онъ къ принцу и Гофману, напрасно подавалъ просьбы, ничто не помогало. Я же, проникнутая смутнымъ предчувствіемъ, что когда-нибудь могу еще быть полезной матери, также стремилась всѣми помыслами вонъ изъ Петербурга, гдѣ, кромѣ пребыванія въ институтѣ, у меня были самыя тяжелыя воспоминанія. Всѣ эти переговоры дяди съ начальствомъ длились во время послѣднихъ экзаменовъ и наполняли мое сердце тревогой и печалью, когда мнѣ надо было напрягать всѣ силы, чтобы поддержать честь заведенія, въ которомъ я воспитывалась. Такое состояніе волненія и тревоги должно было рано или поздно отозваться на моемъ здоровьѣ. Наконецъ, насталъ счастливый для всѣхъ, кромѣ меня, день выпуска! Радостныя подруги, разрядившись, разъѣхались, уѣхали на время даже тѣ, которыя назначены были пепиньерками, меня же удержали въ институтѣ и не отдали дядѣ. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ, чтобы меня отпустили къ нему вечеромъ, въ

день выпуска. Я попала въ курящую компанію двоюродныхъ братьевъ матери, Бланковъ, и отъ дыма въ небольшихъ комнатахъ мнѣ почти сдѣлалось дурно. Еще ѣздила я съ дядей разъ къ добрымъ Уваровымъ, роднымъ дяди Василія Николаевича Семенова, котораго тогда не было въ Петербургѣ, и одинъ разъ была приглашена съ дядей обѣдать къ Николаю Васильевичу Зиновьеву, товарищу его по измайловскому полку, съ которымъ позже мужъ мой долженъ былъ сойтись по воспитанію великихъ князей. Жена его Юлія Николаевна, рожденная Батюшкова, и сестры его, Катерина Васильевна, Устинья Васильевна (Козлова) и Вѣра Васильевна (Желѣзнова) очень меня обласкали и пили мое здоровье. Но такіе выѣзды были рѣдки, и я по большей части оставалась въ опустѣвшемъ институтѣ и тутъ я испытала всю жестокость перехода отъ ходульнаго величія первой шиферницы, осыпанной ласками и вниманіемъ царскихъ особъ, къ тому полному невниманію, которое за нимъ послѣдовало по отношенію ко мнѣ. И начальница, и инспектриса Гогель, сдавъ выпускную машину, уѣхали на недѣльку отдохнуть, кажется, въ Царское. Должность начальницы исправляла, помнится, инспектриса младшаго класса, Левицкая. Съ минуты опустѣнія институтскихъ стѣнъ всѣ забыли о моемъ существованіи. Никто не подумалъ толково распорядиться, гдѣ мнѣ спать, гдѣ обѣдать. Съ стѣсненнымъ сердцемъ скрывалась я, какъ преступница, въ комнатѣ добрѣйшей Лалаевой, спала буквально одна въ опустѣвшемъ маленькомъ дортуарѣ, а обѣдать часто не ходила вовсе, чтобъ не итти обѣдать съ маленькимъ классомъ. Анна Матвѣевна Лалаева, единственная моя покровительница въ институтѣ, энергически негодовала на такое невниманіе, столь тяжело ложившееся на мое дѣтское самолюбіе. И это тѣмъ бо-

лѣе казалось ей обиднымъ, что предшественница моя по полученію 1-го шифра, Дашкова, также оставленная въ институтѣ до открытія вакансіи фрейлины при маленькомъ дворѣ, занимала у насъ особую комнату, для нея отдѣланную въ концѣ нижняго коридора.

Когда начальница, наконецъ, вернулась, добрѣйшая Анна Матвѣевна тотчасъ побѣжала къ ней объясняться. Тутъ она какъ-то наткнулась и на Гофмана, которому тоже излила свое оскорбленное за меня чувство. Узнавъ о печальныхъ дняхъ, мною пережитыхъ, добрый Гофманъ пожелалъ меня видѣть и принялся меня утѣшать и успокаивать, и когда я его спросила: что же, наконецъ, намѣрены со мною сдѣлать? отвѣчалъ: „Императрица васъ оставила при себѣ. По чину отца вы не можете поступить фрейлиной къ большому двору, а только къ малому, а тамъ не всегда есть свободная вакансія и надо немножко подождать. Вы знаете, что предшественница наша Дашкова, первая же шифрница, дожидалась въ институтѣ вакансіи почти годъ, но теперь скоро предвидится вакансія“*). Я на это отвѣчала, что глубоко признательна императрицѣ за ея доброту и участіе къ судьбѣ моей; но единственная моя мечта, заставляющая меня желать уѣхать съ дядей,—это быть ближе къ больной матери, знать все, что съ ней дѣлается и при первой возможности полетѣть къ ней, если ей нужны будутъ моя помощь, уходъ и утѣшеніе. Гофманъ возразилъ на это, что онъ рѣшительно не смѣетъ доложить императрицѣ, что я отказываюсь отъ счастья остаться подъ Ея покро-

*) И дѣйствительно, весною открылась первая вакансія при дворѣ Наслѣдника у Великой Княгини Маріи Александровны. Ее заняла Юлія Гауке выпуска Дашковой, впослѣдствіи княгиня Батенбергская, полька, сестра знаменитаго повстанца Боссака, не получившая не только шифра, но и медали.

вительствомъ, повторяя: „Mais mademoiselle, on ne refuse pas un honneur pareil“. Онъ умолялъ меня размыслить, что я стремлюсь въ семейство дяди, не зная вовсе, что я найду тамъ, и если буду несчастлива, то это будетъ уже непоправимо, и я потеряю единственный случай выйти блестящимъ и счастливымъ образомъ изъ моего горестнаго положенія. Онъ не хотѣлъ и слушать рѣчей моихъ, что я уже все обдумала, что я довѣряю семейству дяди, знаю хорошо тетушку съ дѣтства, и главное, что я хочу быть ближе къ матери. „Да императрица не довѣряетъ вашему дядѣ, не зная ни его, ни семьи его“, возражалъ Гофманъ и, пообѣщавъ еще навѣстить меня, пошелъ объясняться съ начальницей, вслѣдствіе чего я въ тотъ же день была приглашена къ ея столу и послѣ обѣдала и даже пила чай у нея до самаго своего отъѣзда, хотя продолжала спать одна въ нашемъ пустомъ маленькомъ дортуарѣ.

Это фальшивое мое положеніе продолжалось уже слишкомъ двѣ недѣли. Дядя волновался, такъ какъ оставилъ дѣтей своихъ больными въ скарлатинѣ. Пріѣзжая ко мнѣ, онъ съ раздраженіемъ повторялъ, что Петербургъ—это омутъ, въ которомъ гибнутъ и люди и всякое доброе намѣреніе и начинаніе, что всѣ прекрасныя обѣщанія сведутся, наконецъ, къ тому, что я смолоду буду, чего добраго, водворена въ какомъ-нибудь пустынномъ Таврическомъ дворцѣ, всѣми забытая и покинутая, а если и попаду ко двору, то и тамъ мнѣ будетъ не лучше. Можно себѣ представить, какъ томили меня эти рѣчи, сколько слезъ я тогда выплакала.

Но вотъ разъ поутру, когда я сидѣла у начальницы за чтеніемъ, зазвонилъ серебряный колокольчикъ, обыкновенно возвѣщавшій намъ пріѣздъ царскихъ особъ. Я находилась въ ближайшей къ швей-

царской пріемной залѣ, и пока всѣ засуетились, и начальница пошла оправить свой туалетъ и велѣть собрать дѣтей, отворилась дверь, и императрица прямо подошла ко мнѣ и обняла меня со словами: Et bien, mon enfant, Vous vous ennuyez bien après Vos compagnes. Я поцѣловала ея руку и, призвавъ на помощь всю свою душевную силу, прямо стала просить ее отпустить меня съ дядей. Я горячо благодарила ее за всѣ ея милости и обѣщаніе покровительства, но объяснила, какое душевное терзаніе буду испытывать далеко отъ больной матери и какое ощущаю горячее желаніе пожить со старушкой бабушкой, моей второй матерью. Конечно, я все это объясняла безсвязно, дрожащимъ голосомъ отъ слезъ, которыя меня душили. Добрый Гофманъ, пріѣхавшій только-что, пришелъ ко мнѣ на помощь и распутывалъ мои фразы. Императрица видимо была сначала нѣсколько удивлена, но потомъ тронута моимъ желаніемъ быть полезной матери, однако повторила разсказанное мнѣ уже Гофманомъ что не знаетъ семейства дяди и опасается, что я тамъ не буду счастлива. Ей было извѣстно, что дядя живетъ круглый годъ въ деревнѣ. Она спросила, кто его жена рожденная, и узнавъ, что она княжна Волконская, разспрашивала, знаю ли я ее, какова она, при чемъ я объяснила ей, что она очень добрая, и что я знаю ее съ дѣтства. Тогда Ея Величество еще разъ обняла меня, сказавъ: „Soyez tranquille, mon enfant, nous y penserons". Гофманъ былъ все время въ большомъ волненіи, а у меня точно гора съ плечъ свалилась. Тутъ ввели и разставили собравшихся дѣвицъ, и императрица занялась ими. Я стала гораздо спокойнѣе послѣ этого объясненія и черезъ нѣсколько дней дядя получилъ, наконецъ, позволеніе взять меня изъ института. Съ нимъ пріѣхала и моя кузина Ольга Васильевна Корсакова, воспитывавшаяся нѣ-

когда въ нашемъ домѣ и теперь находившаяся въ домѣ дяди. Отвыкшая отъ своей семьи и привязавшаяся ко всѣмъ Семеновымъ, она, вернувшись къ матери, не находилась въ своемъ новомъ положеніи и очень грустила. Тогда дядя рѣшилъ взять ее въ свою семью, и вотъ судьба соединила насъ вновь. Живо уложены были мои скромныя туалетныя принадлежности, которыхъ сдѣлано было мнѣ крайне мало и наскоро, и мы пустились въ далекій путь за 1.000 верстъ отъ Петербурга, въ зимнемъ возкѣ на почтовыхъ. Можно себѣ представить всѣ мои дорожныя впечатлѣнія на плохихъ грязныхъ станціяхъ послѣ чистоты институтской, послѣ величія и роскоши, на которыя мы насмотрѣлись въ послѣднее время экзаменовъ и выпуска. Но чувство свободы и переходъ отъ затворничества къ настоящей жизни брали верхъ надъ всѣми другими чувствами, а радость видѣть родныхъ, особливо дорогихъ бабушекъ, свѣтлой точкой сіяла мнѣ вдали! Съ великой благодарностью вспоминаю я и въ старости институтъ, укрывшій меня въ дѣтствѣ отъ бурь и невзгодъ житейскихъ на цѣлыя шесть лѣтъ. Не могу не помянуть благодарнымъ воспоминаніемъ и всѣхъ тѣхъ, кто своими заботами и трудами направлялъ насъ на путь долга, хранилъ въ насъ чистоту и скромность и въ немудрыхъ словахъ училъ насъ добру, какъ наши классныя дамы (Аралова и Вальцъ) и моя милая сердечная Анна Матвѣевна Лалаева, подъ особенное вліяніе которой привела меня судьба, такъ что я и послѣ выпуска долго съ нею переписывалась. Начальницы по положенію своему стоятъ отъ дѣвицъ далѣе, роль ихъ официальнѣе, но тѣмъ не менѣе я въ некрологѣ, написанномъ мною въ 1876 г. *) послѣ смерти Екатерины Влади-

*) См. № 36—37 «Гражданина» 1876 г. подъ редакціей Пуцыковича.

міровны Родзянко, охарактеризовала ея добрыя качества: прямоту, сердечность, энергію въ отстаиваніи интересовъ ввѣреннаго ей заведенія за долговременное ея управленіе институтомъ. Долѣе всѣхъ противилась она такимъ нововведеніямъ, которыя стремились совершенно измѣнить духъ благодѣтельныхъ учрежденій императрицы Маріи подъ предлогомъ, что они несовременны. Тщательно ограждала она свой институтъ и отъ вторженія въ него тѣхъ пропагандъ, которыя въ 60 годахъ, какъ бурный потокъ, разливались по многимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ и погубили столько молодежи.

Итакъ, не взирая на нѣкоторые недостатки институтскаго затворничества, нельзя отрицать хорошую сторону его для сиротъ и для тѣхъ дѣтей, которыхъ семейная жизнь не представляла благопріятной среды для воспитанія. Нельзя также отрицать, что институтское вліяніе направляло дѣвушку на путь долга, семейныхъ привязанностей, религіи, на покорность Провидѣнію и обстоятельствамъ, ниспосланнымъ свыше. Если прежнія институтки уступали нынѣшнимъ гимназисткамъ и курсисткамъ въ смѣлости и предпріимчивости, зато, пріученныя съ дѣтства къ дисциплинѣ, порядку и заботѣ о своихъ обязанностяхъ, онѣ были вообще скромнѣе, женственнѣе и семейственнѣе ихъ. Что же касается познаній и способовъ преподаванія, то конечно время должно было улучшить методы; но зато и сколько зла причинило крайнее усердіе развивать такъ называемое самостоятельное мышленіе, анализъ. Сколько вредныхъ пропагандъ укрылось подъ этимъ флагомъ, сколько яда критики, недовольства и разочарованія оно пролило на молодыя поколѣнія, сколько преждевременныхъ для возраста чтеній безъ разбора оно дало имъ въ руки и сколькихъ привело къ недоволь-

ству жизнью, къ болѣзненной нервности и даже къ душевнымъ недугамъ, кончающимся часто самоубійствомъ!

Нельзя также не сознаться, что ежедневная бѣготня дѣвочекъ по улицамъ въ школу въ продолженіе долгихъ лѣтъ создаетъ въ нихъ потребность и привычку искать дѣятельности внѣ своего дома. Нынѣшнюю женщину по большей части не удовлетворяетъ постоянное и ровное исполненіе скромныхъ и невидныхъ домашнихъ обязанностей. Ей нужна арена публичности, она мечтаетъ о пріобрѣтеніи правъ и полной независимости наравнѣ съ мужчиной. Ей нужны клубы для обсужденія общественныхъ вопросовъ и предпріятій, ей нужна шумная и тщеславная благотворительность, забывающая завѣтъ благотворить такъ, чтобъ лѣвая рука не знала, что даетъ правая. Для весьма многихъ благотворительницъ это такое же развлеченіе, какъ и всякое другое, а вовсе не серьезное дѣло: это скорѣе средство или выказаться, или какъ-нибудь наполнить время, похищенное у прямой обязанности. Оттого нынче семейная жизнь какъ-то разлагается, количество браковъ въ образованной средѣ замѣтно уменьшается, брачные союзы легко разрываются, а истинно счастливые браки такъ рѣдки. И всѣ знаютъ и видятъ, какъ пагубно это отзывается на общественныхъ нравахъ.

Большой ошибкой было, создавая женскія гимназіи, не создать единовременно съ ними, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ другого типа заведеній, болѣе полезныхъ и доступныхъ бѣднымъ классамъ общества. Но этому помѣшала болѣе всего ожесточенная борьба партій. Крайнее демократическое направленіе мечтало все уравнять, смѣшать всѣ сословія, сдѣлавъ высшее образованіе доступнымъ

всѣмъ классамъ общества, а главное—унизить тѣхъ, кто жизнью поставленъ былъ выше общаго уровня. Этому всенивелирующему потоку старались противопоставить широкія программы, большія требованія и трудности для достиженія образованія. А это отозвалось въ жизни печальными результатами. Дѣвочки бѣдныхъ классовъ, воспитанныя въ гимназіи, считаютъ ниже себя примѣнять свои знанія и воспитаніе въ томъ скромномъ кругу своего роднаго быта, который назначенъ имъ судьбою. Ихъ мечта ѣхать изъ провинціи въ столицы слушать высшіе курсы, и искусственная пропаганда необходимости для женщины такъ называемаго высшаго образованія поддерживаетъ ихъ въ этомъ. И если родители не имѣютъ средствъ тамъ содержать ихъ, онѣ часто разрываютъ съ семьею и ставятъ на карту все свое существованіе, такъ какъ нужда, грязь и соблазны столичные, конечно, для неопытной юности гораздо опаснѣе простоты и даже темноты провинціальной. И сколькія гибнутъ такимъ путемъ, сколькія по неряшеству и распущенности, сопровождающихъ часто нужду и грязную обстановку, теряютъ даже обликъ женщины.

Такимъ образомъ самая идея развить просвѣщеніе во всѣхъ классахъ общества посредствомъ женщины и ея вліянія на подростающія поколѣнія утрачивается. При этомъ, забывая, что истинное образованіе заключается вовсе не въ количествѣ знаній, а въ добромъ дѣланіи и стремленіи совершенствовать себя, въ кругѣ своихъ прямыхъ обязанностей, мы оказываемъ плохую услугу русской жизни. Не столько въ ученыхъ женщинахъ нуждается эта жизнь, сколько въ умѣніи матери, хозяйки, труженицы на разныхъ поприщахъ, собственнымъ примѣромъ и добрымъ дѣланіемъ просвѣтить и очистить

всѣ темные и грязные уголки нашей общественной жизни. А наше ослѣпленіе толкаетъ женщину на соперничество съ мужчинами, на такое же исканіе правъ и выгодъ, какое мы сами осуждаемъ въ послѣднихъ. А если заглянуть въ наши благотворительныя и патріотическія школы для бѣдныхъ, находящіяся подъ покровительствомъ знатныхъ и богатыхъ дамъ, то и тамъ найдемъ мы ненужное расширеніе учебныхъ программъ на счетъ полезныхъ практическихъ занятій, ту же мертвенную формалистику, соединенную съ соперничествомъ покровительницъ, желающихъ перещеголять другъ друга во всемъ внѣшнемъ. Самимъ Богомъ и природой отведена женщинѣ не узкая область отвлеченнаго знанія, а болѣе возвышенная, болѣе эстетическая область сердца и чувства. Она выше учености, политическаго представительства, чиновничества, сидѣнья за прилавкомъ или типографскимъ станкомъ, а тѣмъ болѣе за прилавкомъ питейнымъ, куда, слышно, нынче стремятся даже женщины съ высшимъ образованіемъ. Даже самыя симпатичныя изъ женскихъ призваній — учительство и медицина—становятся несимпатичными, какъ скоро начиненіе головы сухими теоріями или рѣзаніе труповъ преобладаютъ надъ чувствами любви и сострадалія къ живому человѣку. Однимъ словомъ, есть такіе уголки жизни семейной и общественной, гдѣ ничто не можетъ замѣнить нѣжной женской руки, благотворящей, утѣшающей, ободряющей, воспитывающей, сдерживающей молодыя поколѣнія, гдѣ женщина можетъ приложить свой трудъ и свою дѣятельность, не соперничая съ мужчинами и давая именно то, чего тѣ не могутъ дать. Но для этого нужна искренняя, а не внѣшняя религіозность, нужны твердыя нравственныя правила, которыхъ именно

недостаетъ нашему обществу. Высшая задача женскаго образованія вовсе не въ однихъ познаніяхъ, а въ пробужденіи воли къ добру, къ дѣятельности живой, чуждой всякой выставки, пустоты и тщеславія, въ чистотѣ мысли и жизни, однимъ словомъ въ приближеніи къ тому идеалу христіанскаго совершенства, который человѣчеству предстоитъ осуществить на землѣ. Все человѣчество, и старое и новое, несовершенно и имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Мудрость и истина заключаются именно въ безпристрастіи, съ какимъ мы оцѣниваемъ то и другое, а не въ безсмысленномъ упоеніи всѣмъ новымъ. У насъ же всякое вновь возникающее общественное стремленіе становится какимъ-то стяднымъ, какой-то модой или бурнымъ потокомъ, увлекающимъ всѣхъ и все. Не мало уже мы за это поплатились, не мало этимъ воспользовалось все враждебное Россіи и ея успѣхамъ! Хорошо еще, что насъ сдерживаетъ мудрость и здравый смыслъ нашего народа, который не поддается шатаніямъ и ошибкамъ своихъ руководителей и просвѣтителей, а съ истинно христіанскимъ благоразуміемъ смотритъ на нихъ и со своимъ здравымъ русскимъ юморомъ часто надъ нимъ подсмѣивается.

IV.

Жизнь послѣ выпуска изъ института.

При проѣздѣ черезъ Москву я остановилась у слѣпой бабушки Натальи Яковлевны Бланкъ и отъ меня тщательно скрыли, что маменька проѣхала въ

Петербургъ за мною, такъ какъ я все-таки ѣхала съ надеждой увидѣть ее. А у меня такъ сжималось и замирало сердце мое въ надеждѣ взглянуть хоть иногда на дорогую мать мою, которую я любила тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она была несчастнѣе. Я погостила у слѣпой бабушки нѣсколько дней. Она, по переѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, поселилась сначала въ деревнѣ у племянника своего и воспитанника А. М. Замятина, а потомъ, все хворая, переѣхала въ Москву къ родной сестрѣ своей Еленѣ Яковлевнѣ Сунгуровой, въ первомъ бракѣ Карцовой, гдѣ и потеряла зрѣніе. Это былъ тотъ прекрасный арбатскій домъ близъ Николы Явленнаго, къ которому мы были такъ близки въ бытность нашу двѣ зимы въ Москвѣ. Теперь кузины мои Наталья Васильевна и Надежда Васильевна были тоже взрослыя дѣвицы, отецъ ихъ уже умеръ, а мать вторично вышла замужъ, и потому бабушка оставила ихъ на житье у себя.

Какъ обрадовалась мнѣ слѣпая моя старушка-бабушка! Она плакала, цѣловала мнѣ глаза, волосы, руки, мѣрила мой ростъ, поворачивала меня во всѣ стороны и все думала, что это не я, что ее только обманываютъ. Не видѣвъ меня съ десятилѣтняго возраста, она не узнавала даже моего голоса. Но, наконецъ, убѣдившись, что это точно я, начала обо всемъ разспрашивать, потребовала мой шифръ, дипломъ, щупала и цѣловала ихъ и благословляла императрицу за всѣ ея милости ко мнѣ.

Внучатныя сестры мои (одна уже осенью того года вышла замужъ за Г. Б. Бланка) приняли меня въ высшей степени радушно. Сколько разсказовъ у насъ было другъ другу, и какъ быстро пролетѣли эти три-четыре дня пребыванія у нихъ! При кузинахъ находилась родная сестра ихъ матери Надежда

Михайловна Ерошкина, которую бабушка пригласила для окончанія ихъ образованія. Это была умная, дѣльная и немолодая дѣвица съ сѣдыми локонами. Она очень обласкала меня и показала мнѣ много участія. Кончивъ воспитаніе племянницъ, она скоро послѣ того переѣхала въ Петербургъ, въ домъ вдовца Александра Михайловича Тургенева воспитывать его единственную дочь Ольгу, рано оставшуюся сиротой послѣ матери, которая была другомъ Надежды Михайловны. Она прекрасно исполнила свою задачу, и я здѣсь упоминаю объ этихъ двухъ лицахъ потому, что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ изобразилъ ихъ обѣихъ въ своемъ романѣ „Дымъ“ подъ именемъ Татьяны и Капитолины Марковны. Онъ одно время былъ неравнодушенъ къ своей кузинѣ Ольгѣ и даже дѣлалъ ей предложеніе, но она не приняла его и впослѣдствіи вышла замужъ за С. Н. Сомова. Судьба привела замѣчательно умную и дѣльную старушку Ерошкину вырастить и воспитать не только мать, но и всю осиротѣвшую, многочисленную семью ея. Ольга Сомова умерла въ молодости, оставивъ семь человѣкъ дѣтей, и даже послѣднюю младшую дѣвочку вскормила и воспитала почтенная „бабушка“, какъ звали ее дѣти Сомовы. И сколько трудовъ и заботъ истинно-материнскихъ понесла она съ нею. Мы очень были близки съ этой семьей: всѣ эти дѣти росли на глазахъ моихъ и были всегда очень дружны съ нашими дѣтьми.

Но возвратимся къ моему разсказу. Надежда Михайловна сердечно полюбила меня, и мы до конца ея жизни оставались съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и изрѣдка переписывались, когда она покинула Петербургъ для Одессы и потомъ Кіева. Погостивъ въ Москвѣ, мы пустились въ Рязанскую губернію, въ имѣніе дяди — Осинники (или Подо-

сники). Оно называлось теперь селомъ Архангельскимъ съ тѣхъ поръ, какъ дядя выстроилъ въ немъ небольшую церковь, въ которой всѣ образа написаны были извѣстнымъ художникомъ Николаемъ Аполлоновичемъ Майковымъ. Былъ уже мартъ мѣсяцъ, дороги портились, и мы послѣ утомительнаго пути пріѣхали наконецъ на мѣсто.

Со слезами умиленія и радости встрѣтила меня послѣ долгой разлуки дорогая моя бабушка Марья Петровна Семенова (рожденная Бунина), которая съ дѣтства была нашимъ ангеломъ-хранителемъ и не переставала болѣть душою и молиться за насъ съ самой смерти своего любимаго сына—отца моего. Вся жизнь почтенной старушки была подвигомъ любви, самоотверженія и служенія другимъ. Теперь, по смерти дѣдушки, она, несмотря на свой выдающійся умъ, горячее сердце и долголѣтнюю опытность, какъ-будто отказалась отъ дѣйствующей роли въ жизни и удалилась на покой въ свой скромный домикъ, стоявшій рядомъ съ большимъ домомъ дяди. Она только издали за всѣмъ слѣдила, вовсе не вмѣшиваясь ни въ хозяйственную, ни въ семейную жизнь своего сына и жила одними воспоминаніями прошедшаго, которыя любила передавать со всѣми подробностями. Главной слушательницей ея стала теперь я, такъ какъ считала долгомъ, взявъ работу, располагаться у нея на все почти утро—между чаемъ и раннимъ ея обѣдомъ въ часъ, а къ двумъ часамъ я шла къ обѣду въ большой домъ. Какъ живая сидитъ передъ глазами моими милая старушка, въ бѣленькомъ чепчикѣ и въ очкахъ, всегда за рукодѣльемъ и говоритъ мнѣ о старинѣ. Я тоже за работой, иногда слушаю ее, а иногда молодое воображеніе уноситъ меня далеко, далеко, то въ недавно покинутый мною юный міръ, то въ міръ несбы-

точныхъ грезъ и фантазій, и тогда я только смутно схватываю нить разсказа. Часто повторяла мнѣ старушка: „о другихъ внучкахъ я такъ не забочусь, какъ о васъ,—у нихъ есть свои родители, а вотъ вы—круглыя сироты, за васъ вся моя молитва, особливо за тебя, Наташенька: вѣдь ты—дѣвочка: сама себѣ судьбы не можешь создать". И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ случалось видѣть, какъ старушка ежедневно утромъ и вечеромъ горячо и со слезами молилась, какъ даже въ церкви слезы умиленія струились по щекамъ ея и такая сила вѣры и молитвы глубоко трогала меня.

Бабушка была для меня образцомъ не только высокой мудрости и сердечности, но скоро она стала мнѣ прибѣжищемъ во всѣхъ невзгодахъ и непріятностяхъ житейскихъ. Къ ней шла я за успокоеніемъ во всякомъ волненіи и тревожномъ состояніи духа. И до сихъ поръ, когда я вспоминаю этотъ милый образъ, я готова плакать отъ умиленія. О великая сила любви! Нѣтъ въ мірѣ ничего выше твоего святого вліянія! Зачѣмъ люди до сихъ поръ не могутъ понять, что любовь выражается не въ однихъ внѣшнихъ, часто холодныхъ дѣлахъ благотворительности, но болѣе всего въ повседневныхъ отношеніяхъ между собой. Зачѣмъ не заботятся они о сохраненіи въ сердцѣ этого огня благодати небесной!

Оба дома были окружены обширнымъ садомъ, къ которому примыкала большая роща, въ тридцать пять десятинъ лиственнаго лѣса, преимущественно дубоваго, гдѣ было полное раздолье для прогулокъ лѣтомъ, для собиранія грибовъ, весною фіалокъ и ландышей. Противъ большого дома прорублена была черезъ весь лѣсъ широкая аллея или просѣка въ 20 саженъ ширины, планированная такъ, что высокая часть ея была срыта и деревья росли вверху отко-

совъ, надъ головою. Съ обѣихъ сторонъ была она обсажена кустами столистыхъ розъ: но когда я пріѣхала, часть ихъ уже переродилась и начала пропадать, и аллея, усыпанная пескомъ, сильно поросла травой. Держать чисто такую грандіозную аллею, около версты въ длину, было почти невозможно. Тѣмъ не менѣе она составляла величайшую гордость хозяина, и онъ прежде всего водилъ пріѣзжаго взглянуть на свою просѣку, которой устройство стоило ему не мало труда.

Большой домъ дяди по наружности представлялся затѣйливымъ, высокимъ зданіемъ съ бельведеромъ. Но второй высокій этажъ былъ надстроенъ послѣ, безъ соображенія съ низенькимъ первоначальнымъ, и тетенька часто шутила, что верхній этажъ когда-нибудь тяжестью своею обрушитъ нижній, и всѣ они будутъ погребены подъ развалинами, такъ какъ всѣ спальни были внизу. На верху были парадныя комнаты: большія зала и гостиная съ балкономъ и обширный тетушкинъ кабинетъ съ громадными окнами въ садъ и на дворъ. Этотъ кабинетъ служилъ также и классной, гдѣ занимались и брали уроки дѣти—каждый въ своемъ уголку. Но увы! всѣ громадныя окна верхняго этажа и двери плохо затворялись, полы, паркеты и мебель разсыхались и трещали, штукатурка мѣстами обваливалась, печи дымили, точно будто было взято за правило ничего не чинить и не поддерживать, и все это представляло, особливо зимою, мало комфорта. И въ этомъ отношеніи тепленькій, уютный и чистенькій бабушкинъ домикъ представлялъ съ большимъ домомъ полную противоположность.

Новая жизнь моя началась еще среди снѣжныхъ сугробовъ и медленно приближавшейся весны. Хотя она составляла большой контрастъ съ шумомъ и

движеніемъ послѣднихъ лѣтъ въ институтѣ, особенно съ торжественной обстановкой экзаменовъ царскихъ публичныхъ и самого выпуска, но она была мнѣ по душѣ послѣ всѣхъ треволненій, одолѣвавшихъ меня послѣднее время. Всегда открытая рана моего великаго страданія о положеніи матери требовала тишины, требовала близости горячаго сердца, замѣнившаго мнѣ материнское. Я чувствовала также сладость освобожденія изъ-подъ школьной ферулы и сознавала жизненную самостоятельность. Послѣ утра, проведеннаго съ бабушкой, я находила разнообразіе въ домѣ дяди, куда шла обѣдать въ 2 часа. Но къ великому моему горю, пріѣхавъ въ деревню, я узнала, что маменька уѣхала въ Петербургъ, и что мы съ нею разъѣхались. Съ той минуты тревога о ней, о ея положеніи, будущности, не покидала меня ни на минуту.

Тетушка моя Анна Александровна (рожденная княжна Волконская) встрѣтила меня не только съ радушіемъ, но съ какимъ-то энтузіазмомъ, похожимъ на институтское обожаніе, и находила во мнѣ одни совершенства. Она была въ восторгѣ, что я могу раздѣлять ея литературные вкусы. Во мнѣ еще живо воспоминаніе дѣтства, какъ въ первые годы своего замужества она почти безвыѣздно жила у насъ въ Урусовѣ, уѣзжая изъ скучныхъ для нея Осинниковъ, гдѣ дядя весь былъ погруженъ въ хозяйство, а она была постоянно одна, въ тогда еще маленькомъ и тѣсномъ домикѣ. Маменька очень любила ее, часто ласково и участливо ее наставляла, что она вспоминала всегда съ благодарностью. И я полюбила ее со всѣмъ жаромъ молодости. Мы всѣ помнили еще, какъ она по смерти моего отца, скучая съ грустившими старичками и взрослыми (прозванными ею grands parents), забиралась въ нашу дѣтскую, играла

съ нами въ разныя игры, сражалась въ короли или заучивала съ нами взапуски заданныя намъ стихотворенія Державина, Пушкина или басни Крылова. Высокая, стройная, съ особенно изящными руками, она была въ полномъ смыслѣ belle-femme. Воспитаніе ея въ домѣ матери подъ вліяніемъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ было въ высшей степени оригинальное и недоконченное. Мать ея, княгиня Волконская, рожденная Бекетова, жила въ Козловскомъ уѣздѣ, гдѣ владѣла большимъ имѣніемъ Сурепой съ суконной фабрикой, жила очень широко и была большая гастрономка. Повара ея славились во всемъ томъ околоткѣ. Но имѣніе ея было очень разстроено и, познакомившись съ дядей, она сошлась съ нимъ на хозяйственныхъ интересахъ. Въ надеждѣ, что онъ поможетъ ей распутать дѣла, она рѣшилась выдать за него свою единственную дочь, которая была еще совершенно неопытнымъ ребенкомъ и такою для практической жизни осталась она навсегда. Понятно, что она, воспитанная на иностранныхъ литературахъ, превосходно знавшая иностранныя языки, перечитавшая въ первые годы своего уединенія и затворничества въ деревнѣ множество книгъ и вообще ставившая умственныя наслажденія выше всѣхъ другихъ, не могла сойтись во вкусахъ съ мужемъ положительнымъ, уже не первой молодости и исключительно преданнымъ практическимъ интересамъ. Одно его сужденіе, что онъ не читаетъ никакихъ книгъ, потому что въ нихъ вздору много, а дѣльнаго мало, да къ тому же и некогда, приводило жену его въ негодованіе. При необыкновенной добротѣ сердечной, при вполнѣ младенческой незлобивости, переходившей иногда въ какую-то трогательную беззащитность, она, однако, была способна обидѣть человѣка рѣзкимъ словомъ или насмѣшкой,

потому только, что не размышляя поддавалась первому впечатлѣнію. Такъ, напримѣръ, когда мы въ бытность у насъ братьевъ монхъ, всей семьей шли вечеромъ къ бабушкѣ, и та начинала что-нибудь разсказывать, она громко безъ церемоніи говорила молодежи по-французски: Mais n'écoutez donc pas tous ces radotages, toutes ces vielles histoires embêtantes. Quel ennui!"*) У меня слезы готовы были брызнуть изъ глазъ отъ такой выходки, а бабушка, хотя прекрасно понимала по-французски, съ кроткимъ достоинствомъ дѣлала видъ, что не понимаетъ. Когда же всѣ расходились, и мы оставались наединѣ, она говорила какъ-будто мнѣ въ успокоеніе: „Вѣдь на Нинушку (такъ звали тетушку въ семьѣ) нельзя сердиться: она не размышляя сболтнетъ что-нибудь, но вовсе не отъ злого сердца". Подобныя же выходки ея за столомъ насчетъ иного деревенскаго посѣтителя, по ея соображенію, не понимающаго по-французски, высказывались громко; при этомъ она обращалась ко мнѣ, сидѣвшей всегда возлѣ нея, и приводила меня, институтку, въ невыразимое замѣшательство: я была какъ на горячихъ угольяхъ. При этомъ понятно, что логика совершенно была чужда этому живому и впечатлительному уму, и она могла на разстояніи получаса поразительно сама себѣ противорѣчить, въ чемъ всегда обличали ее братья мои, а позже особенно логичный Николай Яковлевичъ Данилевскій. Всегда восторженная, занятая отвлеченными и поэтическими мечтаніями, всегда веселая, безпечная и близкая сердцемъ къ молодежи, сочувствовавшая всѣмъ ея затѣямъ, она составляла самую рѣзкую противоположность съ дѣловитой суровостью мужа. Взгляды и вкусы ихъ до

*) Не слушайте всю эту болтовню, всѣ эти старыя, глупыя исторіи. Какая скука!

того расходились, что они наконецъ совсѣмъ перестали понимать другъ друга, и сознательно шли каждый въ свою сторону, что не могло не отозваться на воспитаніи дѣтей, которымъ, впрочемъ, всецѣло завѣдывала тетенька, особливо учебной частью.

Дядя, весь поглощенный хозяйствомъ, буквально отсутствовалъ весь день, а когда былъ дома, приходилъ только къ обѣду и чаю, а иногда, разъѣзжая по дѣламъ, отсутствовалъ по недѣлѣ и болѣе. Земледѣліе въ его имѣніяхъ поставлено было на образцовую ногу, но денегъ въ домѣ никогда не было, потому что все, что получалось, уходило на разныя предпріятія къ расширенію и улучшенію хозяйства и даже на разные комерческіе обороты, какъ то: поставку въ казну хлѣба, сукна, вина. Но отъ этихъ оборотовъ, къ которымъ онъ имѣлъ, къ сожалѣнію, большую страсть, онъ только терпѣлъ убытки. Былъ онъ и посредникомъ по размежеванію въ Раненбургскомъ уѣздѣ, что также не мало уносило у него времени и требовало долгихъ отлучекъ.

Младшихъ обитателей дома — дѣтей было трое: два сына и дочь. Когда я пріѣхала, старшему сыну Николаю было уже около 15 лѣтъ, младшему Александру—тринадцать, а дочери Маріи восемь лѣтъ. При сыновьяхъ былъ гувернеръ Гаусманъ, весьма добрый и не дальній нѣмецъ, по мягкости своего характера не имѣвшій большого авторитета у своихъ воспитанниковъ, но зато искренно преданный всей семьѣ. При дочери была англичанка Mistress Johnson, прямо съ корабля, привезшаго ее изъ Лондона. Это было оригинальнѣйшее существо, какое я встрѣчала, выше всего привязанное къ своимъ привычкамъ и проникнутое единственной заботой дѣлать все по часамъ. Она чуть не уѣхала въ тотъ же день обратно, когда по прибытіи на мѣсто, увидѣла, что комната

ея не запирается, что дверной ключъ испорченъ. Напрасно успокаивали ее, что пошлютъ за слесаремъ въ городъ, но нельзя его получить ранѣе слѣдующаго дня, такъ какъ городъ за 40 верстъ, а мѣстный кузнецъ, котораго уже призывали, не умѣлъ поправить замка. Ея отчаяніе было невыразимо, и она все твердила, что за ночь ее непремѣнно обокрадутъ. Съ удивленіемъ смотрѣла я, какъ она за столомъ и даже при гостяхъ обставляла себя цѣлой батареей тарелокъ и накладывала всякаго кушанья вдвойнѣ, съ тѣмъ, что одну порцію употребляла тотчасъ, а другую относила въ свою комнату „for my supper"—(мнѣ на ужинъ), какъ она выражалась. Не только зимою, но и лѣтомъ приказывала она каждый вечеръ затопить свою печку, чтобъ въ ней подогрѣвать это кушанье и поджаривать въ ней сухарики, намазанные масломъ, которые она называла „my toasts". Это наполняло ея комнату чадомъ, но вовсе ее не безпокоило. Лѣтомъ, по окончаніи урока съ маленькой Машей, ровно въ 12 час. дня она непремѣнно шла гулять со своей ученицей въ открытое поле, по межамъ, въ сопровожденіи огромной собаки и съ муфтой въ рукахъ. На выраженное мною изумленіе она, прижимая къ себѣ муфту, отвѣчала: „it is for my chest" (это для моего желудка). Гуляла она не менѣе двухъ часовъ вплоть до обѣда ровнымъ, крупнымъ шагомъ, а бѣдная дѣвочка слѣдовала за ней почти бѣгомъ и возвращалась до того усталой и испекшейся на солнцѣ, что рѣдко была въ силахъ участвовать въ нашей общей большой прогулкѣ послѣ обѣда. Зимою Mistress Johnson замѣняла эти прогулки хожденіемъ мѣрнымъ шагомъ по залѣ въ скрипучихъ сапогахъ два раза въ день, при чемъ положено было дѣлать сорокъ туровъ каждый разъ, ни болѣе, ни менѣе, и громко считая ихъ. Ко мнѣ и кузинѣ Ольгѣ

она была очень добра и ласкова и любила приглашать насъ на свои вечерніе toasts. Но и къ воспитанницѣ своей она была вовсе не сурова и не слишкомъ взыскательна на урокахъ, только замучивала ее своей неумолимой систематичностью въ прогулкахъ, которыхъ пунктуальность ничто не могло отвратить, развѣ разразившаяся вдругъ гроза съ ливнемъ или громомъ. При мнѣ пробыла она только года два, а позже поступила другая, гораздо болѣе симпатичная англичанка, Mistress Langhan, болѣе дѣльная, разумная и милая особа и большая рукодѣльница.

Старшій изъ сыновей Николай былъ необыкновенно способный и пылкій юноша съ добрымъ и горячимъ сердцемъ, но до крайности самолюбивый и самонадѣянный. Фаворитъ отца и матери, онъ одинъ имѣлъ голосъ и вліяніе на родителей. Младшій—Александръ былъ менѣе способенъ, но былъ кроткій, скромный мальчикъ и менѣе любимый и балованный, чѣмъ братъ. Дочка же Маша была дѣвочка очень умная, большая воструха, очень некрасивая съ маленькими бѣгающими глазками. Она ко всему прислушивалась, все должна была знать, но при матери никогда не смѣла вступать въ общій разговоръ. Какъ только, бывало, попробуетъ вставить свое слово, тотчасъ услышитъ: „Taisez vous, mademoiselle Marie, personne ne demande votre avis“. Конечно, такое стѣсненіе маленькой Маши, съ одной стороны, матерью, а съ другой—гувернанткой не могло сдѣлать ее искренней и откровенной.

Теперь изо всей семьи дяди нѣтъ никого уже въ живыхъ, кромѣ младшаго сына Павла, родившагося почти четырнадцать лѣтъ послѣ сестры въ тотъ самый годъ (1849), когда я уѣхала изъ ихъ дома въ Петербургъ и тамъ нашла судьбу свою. Милое гнѣздо, пріютившее меня, разорено. Имѣніе

это продано жиду, который самъ поселился въ дорогомъ для меня домикѣ бабушки: большой домъ срытъ до основанія, лѣсъ вырубленъ, церковь въ упадкѣ и мерзость запустѣнія царитъ тамъ, гдѣ было столько жизни, столько гостепріимства!

Хотя положеніе мое среди такихъ сложныхъ семейныхъ отношеній было не легко и прямо противоположно тому, что я въ дѣтствѣ видѣла въ домѣ родителей, но все-же не могу не вспомнить съ глубокой признательностью, какъ вся семья съ любовью встрѣтила и обласкала сироту, какъ каждый изъ членовъ ея сдѣлалъ для нея все, что могъ по своимъ свойствамъ и понятіямъ.

Итакъ, возвратимся къ разсказу. Послѣ невозмутимой тишины бабушкиной кельи, я находила въ большомъ домѣ полнѣйшій контрастъ съ нею. Дѣтскій шумъ, уроки, даваемые дѣтямъ то самой матерью по-французски, гувернеромъ Гаусманомъ по-нѣмецки, англичанкой Mrs. Johnson по-англійски, то пріѣзжавшимъ два раза въ недѣлю изъ Раненбурга учителемъ математики полякомъ Маринусомъ Осиповичемъ Страдомскимъ, всеобщее оживленіе во всѣхъ уголкахъ огромной классной,—все это вносило разнообразіе въ мою жизнь. Чтобъ быть сколько-нибудь полезной въ пріютившей меня семьѣ, я неотступно просила позволить мнѣ давать нѣкоторые уроки, напр. исторіи, географіи и русскаго языка, въ которыхъ дѣти были предоставлены самимъ себѣ, но на это ни за что не согласились, вѣроятно, изъ деликатности или опасаясь, чтобъ не сказали, что они меня взяли не какъ дочь, а какъ учительницу, чтобъ пользоваться моими познаніями. Тогда я уже безъ всякаго офиціальнаго права старалась по возможности помогать дѣтямъ, насколько они сами того желали. Въ томъ же домѣ дяди судьба свела меня

*

вновь съ выросшей въ нашемъ домѣ внучатной сестрой моей Ольгой Корсаковой, которая, хотя жила въ большомъ домѣ, приходила по утрамъ также съ работой къ бабушкѣ дѣлить нашу тихую бесѣду и воспоминанія дѣтства.

Въ первые годы по выпускѣ я искала развлеченія въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ подругъ-институтокъ: Заварицкой, Казариновой, Воейковой, Книперъ, Клодтъ, Сивицкой, Воеводской и Соней Лалаевой. Переписывалась я также и съ моей добрѣйшей Анной Матвѣевной (Лалаевой), не переставшей меня любить и помнить. Переписка эта частью по-французски, частью по-русски была очень интересна для меня, такъ какъ я получала письма изъ самыхъ разнородныхъ мѣстностей Россіи: Пензы, Казани, Саратова, Орла, Петербурга, Новгорода, Могилева, а переписывавшіяся со мной институтки были всѣ большія умницы и прекрасно владѣли перомъ. Многія изъ нихъ вышли замужъ, и я малу-по-малу потеряла ихъ изъ виду. Такъ, Казаринова вышла за Зегефонъ-Лауренберга, Воейкова за графа Бреверн-де-ла-Гарди, Заварицкая за Викулина, Книперъ за кого-то на Кавказѣ, гдѣ и умерла, Соня Лалаева за Панаева, и съ ней мы позже иногда видались въ Петербургѣ. Воеводская же и Сивицкая поступили классными дамами въ нашъ же Екатерининскій институтъ. О послѣдней, которой родители пострадали отъ пожара въ Могилевѣ, гдѣ сгорѣлъ ихъ собственный домъ со всѣмъ имуществомъ, я хлопотала у Гофмана и ходатайствовала у Е. В. Родзянко, и они тотчасъ же съ полной готовностью и участіемъ устроили ее. Эту переписку, какъ и всю остальную за всю жизнь, я всегда сохраняла, и это теперь очень помогаетъ мнѣ въ повѣркѣ по времени всѣхъ фактовъ и воскрешаетъ передо мною весь ходъ моей

жизни. Съ тетушкой я проводила все послѣ-обѣда и вечеръ и пользовалась ея большой библіотекой, которая была особенно богата сочиненіями на иностранныхъ языкахъ. Воспитанная на французскій ладъ, Анна Александровна пренебрегала русской литературой, напр. вовсе не допускала въ свою библіотеку Гоголя, находя его неприличнымъ... Изъ русскихъ поэтовъ признавала только Пушкина и Лермонтова, все прочее находила пошлымъ, а старыхъ писателей убійственными. Она превосходно говорила и писала на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, и на всѣхъ этихъ языкахъ были у нея всѣ лучшіе писатели. Она охотно давала мнѣ книги, первое время особливо французскіе романы и познакомила меня съ Жюлемъ Жаненомъ, Альфонсомъ Карромъ, Александромъ Дюма, Эженомъ Сю, а болѣе всего съ любимицей своей Жоржъ Зандъ, отъ которой была въ восторгѣ. Правда, она выбирала для меня болѣе невинныя вещи, какъ la petite Fadette, Pauline, les Majorcains *), Consuelo, la Comtesse de Rudolstadt, но не давала мнѣ напр. Valentine, Lélia, Jacques и нѣкоторыя другія, находя ихъ слишкомъ экзальтированными для дѣвушки. Можно представить себѣ, какъ я зачитывалась этого новаго для меня запрещеннаго плода. Но проводя все утро съ бабушкой, а остальную часть въ домѣ дяди, я имѣла мало времени для себя, и потому вечеромъ зачитывалась въ своей комнатѣ далеко за полночь.

Однако, по складу моей уже съ дѣтства пробужденной потребности къ пріобрѣтенію новыхъ познаній, я не могла довольствоваться однимъ легкимъ чтеніемъ. И мало-по-малу устроила себѣ поутру часа два серьезныхъ занятій, и бабушка охотно освобо-

*) Un hiver à Majorque.

дила меня отъ пребыванія у ней все утро до обѣда. Вставала она рано, но меня не приказывала будить до 8 часовъ; я была уже готова къ 9 и сидѣла съ нею или первые два часа или вторые—ближе къ обѣду.

Я принялась съ жаромъ за классическихъ иностранныхъ писателей, читала съ помощью лексикона Байрона и Мура и даже Шекспира. По-нѣмецки, благодаря практикѣ въ первомъ дѣтствѣ и множеству стиховъ, которые мы учили наизусть въ институтѣ изъ Шиллера и Гете, я все хорошо понимала. Конечно, въ чтеніяхъ моихъ не было ни системы, ни послѣдовательности, я выбирала то, что мнѣ нравилось и что меня увлекало, дѣлала выписки, но мнѣ не съ кѣмъ было дѣлиться впечатлѣніями, некому было отдавать отчетъ въ прочитанномъ. Тетушка, хотя и начитанная въ иностранныхъ литературахъ, относилась ко всему слишкомъ легко и поверхностно, чтобы можно было ждать отъ нея серьезнаго совѣта, притомъ слишкомъ часто противорѣчила собственнымъ сужденіямъ и взглядамъ.

Сельское уединеніе и тишина, особливо осенью и зимою, всего болѣе соотвѣтствовали моему грустному настроенію души, а тревожныя письма старшаго брата изъ Петербурга о состояніи маменьки мучительно отзывались въ моемъ сердцѣ. Я должна была писать ей, чтобы утѣшать ее въ разлукѣ, но надо было при этомъ взвѣшивать каждое слово, чтобъ не подать повода къ какому-нибудь неудовольствію или недоразумѣнію, надо было питать надежду ея на скорое свиданіе, въ которое я сама переставала вѣрить. Такъ прошло время до лѣта, когда она, наконецъ, въ іюлѣ рѣшилась покинуть Петербургъ и переѣхать въ Москву, гдѣ бабушка, мать ея, приготовила ей квартиру и прислугу: повара и двухъ

горничныхъ. Она была поручена докторамъ душевныхъ болѣзней, которые должны были посѣщать ее и лѣчить: это были Сокольскій и Саблеръ. Дѣло по освидѣтельствованію ея въ сенатѣ было, наконецъ, окончено, и имѣнія отданы въ опеку дяди. Деньги на содержаніе ея посылались аккуратно къ бабушкѣ, которая имѣла съ ней ежедневныя сношенія и слѣдила за ея положеніемъ. Можно себѣ представить, сколько это великое горе отравляло мое юное существованіе!

Чувствительнымъ лишеніемъ для меня послѣ моихъ успѣховъ въ рисованіи въ институтѣ было въ началѣ неимѣніе красокъ, кистей, карандашей и бумаги, однимъ словомъ, всѣхъ матеріаловъ для рисованія. Дядя, выѣзжая изъ Петербурга, ни за что не захотѣлъ запастись ими, говоря, что напрасно всему этому учатъ въ институтахъ дѣвушекъ небогатыхъ, которыя не должны позволять себѣ никакой прихоти. Собственныхъ же средствъ пріобрѣсти краски у меня не было, такъ какъ дядя положилъ мнѣ жалованья на весь первый годъ только 100 рублей ассигнаціями, около 30 руб. сер., говоря, что желаетъ скорѣе освободить наше имѣніе отъ долговъ, сдѣланныхъ маменькой въ ея болѣзни. Бабушка же напрягала первое время всѣ свои маленькія средства, чтобы дополнить главныя статьи моего скуднаго гардероба, особливо по части бѣлья.

Наконецъ, лѣтомъ удалось мнѣ скопить рублей 25-30 ассигнаціями, и я послала ихъ брату съ порученіемъ попросить черезъ Анну Матвѣевну Лалаеву нашего институтскаго учителя Мохначева купить мнѣ хорошія акварельныя краски съ кистями, бумагой и бристольскимъ картономъ. О пастельныхъ краскахъ я не смѣла и думать. Братъ навелъ справки: онѣ стоили не менѣе 50 р. асс., кромѣ насыпного

картона и другихъ принадлежностей. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ я получила желаемое сокровище и, не имѣя хорошихъ оригиналовъ, тотчасъ принялась пробовать рисовать акварелью прямо съ натуры. Первый сдѣланный мною портретъ былъ бабушкинъ: послѣдняя терпѣливо для меня сидѣла. Сходство было такъ удачно, что братъ и дядя стали просить меня сдѣлать имъ копіи, а подлинникъ до сихъ поръ находится у меня.

Первое лѣто протекло у насъ въ большой тишинѣ; но наслажденіе природой въ обширномъ паркѣ и лѣсу, собираніе цвѣтовъ и ягодъ, дальнія прогулки на полевыя работы,—все это послѣ стѣнъ институтскихъ казалось бы раемъ, еслибъ не нѣчная открытая рана сердца, никогда не переставшая напоминать о себѣ ѣдкой болью. Первое же лѣто съѣздили мы съ тетенькой въ Липецкій уѣздъ погостить къ Замятинымъ, которые не видали меня съ тѣхъ поръ, какъ мы жили съ ними семейно, подъ одной кровлей въ Москвѣ въ 1836 году. Съ горячимъ радушіемъ встрѣтили они меня взрослой дѣвушкой и окружали нѣжнымъ вниманіемъ. Изящный садъ дяди, содержанный въ величайшемъ порядкѣ, сосновый боръ, его окружавшій, обширныя оранжереи—все здѣсь дышало благоустройствомъ, порядкомъ и представляло такія удобства жизни, какія только можно имѣть въ самыхъ образованныхъ уголкахъ Европы. Дядя былъ завзятый англоманъ, имѣлъ богатую библіотеку, а жена его была примѣрная, кроткая и заботливая хозяйка дома. Все у нихъ дѣлалось по часамъ съ педантической аккуратностью. Даже прислуга у нихъ была какая-то особенно „культурная“, по нынѣшнему модному выраженію. Они были бездѣтны, состояніе было большое, но увы, все оно было прожито при жизни. Взамѣнъ его богатый англоманъ, по расплатѣ съ

долгами, купилъ себѣ въ Рязани небольшой домикъ, и тамъ кончали жизнь свою почтенные старички на рукахъ призрѣнной ими и выданной замужъ бѣдной сироты и ея семейства.

Отъ нихъ ѣздили мы къ Бланкамъ (близъ Грязей) въ тотъ самый домъ, для меня столь грустный и страшный по воспоминаніямъ, гдѣ скончался отецъ мой. На обратномъ пути заѣхали въ Козловскій уѣздъ къ матери моей тетушки, княгинѣ Маріи Алексѣевнѣ Волконской, которая тоже жила роскошно по барски и очень меня обласкала.

Зимою 1845 года въ январѣ дядя ѣхалъ по дѣламъ въ Москву и взялъ меня съ собою повидаться съ бабушкой Бланкъ. Я ѣхала опять съ радостной надеждой увидѣться и съ маменькой, но дядя и бабушка неумолимо мнѣ въ этомъ отказывали, опасаясь, что это слишкомъ разстроитъ и меня и ее, и послѣ 2-хнедѣльнаго грустнаго пребыванія у слѣпой старушки, я опять уѣхала неутѣшенная и неуспокоенная. Всю дорогу я говорила себѣ, что я стремлюсь къ матери, думая усладить ея печальное существованіе, что для этого отказалась отъ лестнаго предложенія императрицы остаться подъ ея покровительствомъ, а меня къ маменькѣ и не пускаютъ, не даютъ даже взглянуть на нее, все отъ меня тщательно скрываютъ, и я имѣю о ней самыя скудныя свѣдѣнія. Такъ-то жизнь часто обманываетъ наши ожиданія, а дивный Промыселъ воспитываетъ насъ въ терпѣніи и ведетъ къ непонятнымъ для насъ высшимъ цѣлямъ. Въ это краткое пребываніе мое въ Москвѣ, добрый Гофманъ, случившійся тамъ въ то же время, отыскалъ и посѣтилъ меня въ арбатскомъ домѣ. Онъ много разспрашивалъ о моихъ домашнихъ дѣлахъ, о моемъ житьѣ-бытьѣ и препровожденіи времени и показалъ мнѣ, какъ всегда, самое теплое участіе. Въ апрѣлѣ

старшій братъ писалъ мнѣ изъ Петербурга: „Гофманъ просилъ меня передать тебѣ его самый усерднѣйшій поклонъ и сказать тебѣ, что въ одно свое свиданіе съ Ея Императорскимъ Величествомъ онъ сказалъ государынѣ, что когда онъ былъ въ отпуску въ Москвѣ, онъ видѣлся съ одной изъ вышедшихъ дѣвицъ въ послѣдній выпускъ изъ Екатерининскаго института, Натальей Петровной Семеновой. На это императрица поблагодарила Гофмана за то, что онъ интересуется дѣвицами, получившими воспитаніе подъ Ея покровительствомъ, спрашивала, скучаешь ли ты по институтѣ, помнишь ли его и вообще очень интересовалась тобою, прибавивъ въ заключеніе: „Son sort m'interesse beaucoup". Это все Гофманъ велѣлъ передать тебѣ и усерднѣйше кланяться".

Лѣтомъ къ великой моей радости собирался пріѣхать къ намъ братъ Николай Петровичъ и съ этого лѣта начались правильныя посѣщенія братьевъ на каникулы. То они пріѣзжали оба, то одинъ изъ нихъ. Переписываясь съ ними постоянно, особливо съ старшимъ братомъ, повѣряя имъ всѣ чувства сердца, всѣ впечатлѣнія повседневной жизни, я сосредоточила на нихъ весь жаръ души моей, всю мою нѣжность. Послѣ бабушки—это была самая глубокая моя привязанность: общее горе связывало насъ еще сильнѣе. Тетушка и дядя встрѣчали ихъ всегда съ большимъ радушіемъ, и первая своей веселостью и отношеніями равнаго къ равному умѣла сдѣлать имъ пребываніе у насъ особенно пріятнымъ.

Это лѣто 1845 года вообще было для меня самое веселое и счастливое за все время моего шестилѣтняго пребыванія у дяди. Пріѣхалъ къ намъ гостить дѣдушка, старичекъ Иванъ Петровичъ Бунинъ со своими двумя только-что вышедшими изъ Смольнаго монастыря дочками—Александрой и Надеждой Ива-

новнами. Старшая (впослѣдствіи г-жа Гирсъ) была замѣчательная музыкантша и пѣвица, учившаяся послѣ выпуска у извѣстнаго итальянца Давида. Дѣвицъ, конечно, помѣстили у бабушки, въ одной со мною комнатѣ; я очень съ ними сдружилась и впослѣдствіи вела со старшей самую оживленную переписку. Въ большомъ же домѣ кромѣ моихъ братьевъ гостили у тетушки и ея братья, князья Волконскіе. Старшій, Николай Александровичъ, гвардейскій офицеръ въ отставкѣ, былъ самый свѣтскій и любезный кавалеръ въ обществѣ и вмѣстѣ добрый и сердечный человѣкъ. Онъ уже зимою пріѣзжалъ къ намъ и услаждалъ наши длинные темные вечера чтеніемъ вслухъ и даже иногда съ позволенія тетушки забавлялъ насъ романами Поль-де-Кока, выбирая самые невинные изъ нихъ и читая ихъ, конечно, съ пропусками. Младшій братъ Владиміръ Александровичъ, отставной гусаръ, былъ гораздо менѣе уменъ и симпатиченъ. Оба они умерли въ молодости отъ нѣсколько разгульной военной жизни, какъ говорила сама тетушка.

Пріѣздъ дѣдушки Бунина былъ у насъ настоящимъ событіемъ. Онъ подъѣхалъ въ какомъ-то длинномъ крытомъ тарантасѣ, уподоблявшемся, по выраженію брата Николая, Ноеву ковчегу, въ которомъ кромѣ него и дочерей помѣщалась еще экономка нѣмка Марья Ивановна Тунцельманъ, 12-ти лѣтній сынокъ его Петя и къ нимъ же примостился и братъ мой Николай Петровичъ. Можно представить себѣ, сколько смѣха, веселья, дорожныхъ анекдотовъ внесла въ нашу тихую, однообразную жизнь свѣжая волна молодежи. Сколько прогулокъ совершалось ежедневно въ чудномъ громадномъ лѣсу, подъ предводительствомъ веселой хозяйки, сколько мы собирали тамъ цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ! Мы ѣздили кавалькадами

и въ экипажахъ купаться въ нашей родной Рановѣ за семь верстъ, въ родное наше гнѣздо Урусово, такъ какъ въ имѣніи дяди не было рѣки, а только пруды сомнительной чистоты. Послѣ обѣда и по вечерамъ начинались музыка и восхитительное пѣніе Александры Ивановны. Итальянскія аріи и дуэты смѣнялись романсами Глинки и Даргомыжскаго, разученными подъ личнымъ ихъ руководствомъ,—всѣ эти неизгладимыя впечатлѣнія молодости еще живы въ душѣ моей! Я наслаждалась всѣмъ, какъ узница, выпущенная на волю, я все цѣнила тѣмъ болѣе, чѣмъ судьба менѣе отвела счастья и радостей на мою долю. У насъ съ кузиной Ольгой были двѣ прекрасно выѣзженныя манежныя лошади, данныя намъ въ пользованіе на все лѣто большимъ другомъ тетушки, княгиней Екатериной Алексѣевной Долгорукой (рожденной Малиновской), жившей по близости, въ селѣ Мураевнѣ. Но я уже не застала ее въ нашемъ сосѣдствѣ: она переселилась, для воспитанія дѣтей своихъ, въ Дрезденъ, переписывалась съ тетушкой и предложила намъ своихъ верховыхъ лошадей, такъ что мы сдѣлались большія наѣздницы. Молодые же князья, часто не находъ для себя лишнихъ лошадей въ конюшнѣ, выпрягали клячъ изъ дядиной суконовалки, которая цѣлые дни и часть ночи трещала противъ моихъ оконъ на дворѣ. Они сѣдлали ихъ, а часто и безъ сѣдла скакали намъ въ догонку на этихъ россинантахъ. И сколько тогда было шутокъ и веселаго смѣха! Весельчакъ до самой глубокой старости, дѣдушка Бунинъ часто затѣвалъ даже танцы и самъ съ нами отплясывалъ, особливо любимый свой гросфатеръ, потѣшая насъ самыми замысловатыми фигурами. По воскресеньямъ и въ дни рожденій и именинъ, которыхъ лѣтомъ было множество, мы всѣ пѣли въ церкви, составляя

хоръ, которымъ управлялъ гувернеръ-нѣмецъ Гаусманъ.

Но эти невинныя удовольствія еще сильнѣе возвращали меня къ никогда не покидавшему меня чувству, даже среди радостей, вносимыхъ въ мою жизнь обстоятельствами и молодежью. Какъ въ институтѣ, среди успѣховъ моихъ, я молчаливо несла на плечахъ эту тяжелую ношу горя, такъ и теперь, даже среди прогулокъ, удалялась я часто въ сторону и плакала горькими слезами о страданіяхъ матери моей въ разлукѣ со мною.

По отъѣздѣ отъ насъ брата и всей веселой компаніи въ сентябрѣ, опять настала наша обычная невозмутимая тишина и уединеніе, опять принялась я за свои любимыя занятія. Долгіе и темные вечера казались еще длиннѣе, вѣтеръ завывалъ, казалось, еще тоскливѣе.

Въ январѣ 1846-го года тетушка собралась недѣли на четыре погостить къ матери своей, княгинѣ Маріѣ Алексѣевнѣ Волконской, жившей эту зиму въ Москвѣ. Княгиня усиленно звала и меня остановиться у нея. Но я поѣхала для свиданія съ бабушкой и опять-таки въ надеждѣ увидѣть маменьку, и потому предпочла остановиться на Арбатѣ у бабушки. Но меня все-таки не пустили къ маменькѣ; бабушка опасалась, что, увидѣвъ меня, она меня болѣе не отпуститъ. Проведя около мѣсяца въ Москвѣ, я не имѣла другого развлеченія, какъ почти ежедневныя поѣздки на гастрономическіе обѣды старой княгини, всегда посылавшей за мной экипажъ, и посѣщеніе съ кузиной Надей кое-какихъ старушекъ—общихъ родственницъ. Остальное время сидѣла я со слѣпой бабушкой и слушала ея жалобы на зависимость ея отъ домоправительницы и компаньонки ея сестры. Бѣдная старушка, какъ всѣ слѣпыя, сдѣлалась крайне

недовѣрчива и подозрительна, и все опасалась какихъ-то тайныхъ козней противъ себя. Изъ Москвы вернулись мы опять въ свои снѣжные сугробы, но теперь становилось свѣтлѣе, и я могла опять приняться за рисованье. Около Святой, въ апрѣлѣ, въ ужасную распутицу явился къ намъ младшій братъ мой Петръ Петровичъ, только-что окончившій курсъ въ своей школѣ подпрапорщиковъ и уже въ штатскомъ платьѣ, такъ какъ, благодаря ходатайству Ростовцева у в. к. Михаила Павловича, онъ покинулъ военную службу по причинѣ сильной близорукости и рѣшился слушать курсъ естественныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Его пріѣздъ былъ большой радостью для всѣхъ насъ; только дядя не могъ примириться съ тѣмъ, что онъ избралъ ученую карьеру при нашихъ еще стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не хочетъ „служить“. Много было объ этомъ дебатовъ и споровъ, но братъ мужественно отстаивалъ свое рѣшеніе и съ увлеченіемъ гербаризировалъ по окрестностямъ.

Старшій братъ собирался тоже къ намъ на лѣто, тщательно скрывая, что и ему хотѣлось покинуть постылую ему канцелярскую службу въ министерствѣ юстиціи, на которую изливалъ онъ мнѣ въ письмахъ самыя горькія жалобы. И онъ ходилъ на лекціи въ университетъ съ братомъ и товарищемъ своимъ и сожителемъ Николаемъ Яковлевичемъ Данилевскимъ и изучалъ ботанику. Но обстоятельства, какъ мы увидимъ послѣ, не допустили его выйти изъ службы.

Между тѣмъ послѣ нашего отъѣзда изъ Москвы, князь Николаій Александровичъ Волконскій, бывшій у матери во время нашего тамъ пребыванія, вздумалъ поѣхать повеселиться въ Петербургъ. Много писали мнѣ о немъ и братья и Бунины. Онъ про-

велъ часть зимы и весну въ Петербургѣ, теперь же собирался пріѣхать къ намъ съ братомъ Николаемъ Петровичемъ. Слышавъ отъ тетеньки, съ какимъ трудомъ я добыла себѣ небольшой ящичекъ акварельныхъ красокъ, и о моемъ завѣтномъ желаніи рисовать и пастелью, добрый князь поручилъ одному знакомому художнику выбрать для меня полный комплектъ лучшихъ акварельныхъ красокъ, гуаши, кисти и всѣ принадлежности, а также прекрасную коллекцію пастельныхъ красокъ, даже слоновую кость для миніатюровъ, и все это прислать мнѣ по почтѣ. Можно вообразить, съ какимъ восторгомъ и признательностью я приняла этотъ неожиданный подарокъ и съ какимъ нетерпѣніемъ желала выразить благодарность свою милому дарителю, пріѣхавшему къ намъ вскорѣ съ братомъ моимъ Николаемъ, въ послѣднихъ числахъ іюня. Но по возвращеніи его домой къ матери, мы получили печальное извѣстіе о скоропостижной смерти княгини Волконской отъ удара. Тетенька поѣхала туда на погребеніе. Она и братъ ея были сильно огорчены этой потерей.

Теперь мнѣ представился случай отблагодарить добрѣйшаго князя. Я принялась дѣлать съ большого маслянаго портрета княгини, находившагося у тетушки и очень похожаго, копію въ миніатюрѣ на слоновой кости. Сходство очень удалось мнѣ, и когда князь, въ концѣ лѣта, послѣ посѣщенія Воронежа, пріѣхалъ къ намъ, я поднесла ему свою работу. Онъ былъ очень тронутъ и доволенъ и самъ надѣлъ мнѣ на шею образокъ св. Митрофанія и св. Адріана и Наталіи со словами: „Soyez heureuse, chère mademoiselle Natalie, et gardez ce souvenir de moi.“ Я и до сихъ поръ ношу его. Портретъ же матери онъ оправилъ въ красивый золотой медаліонъ и носилъ на шеѣ. Но недолго прожилъ онъ послѣ того: въ ноябрѣ

получили мы горестную вѣсть о кончинѣ симпатичнаго князя отъ сильной простуды, схваченной на охотѣ подъ Козловомъ. По смерти стараго князя богатое козловское имѣніе, Сурёна, попало въ руки младшаго брата Владиміра. Закваска петербургской военной молодежи, привыкшей кутить и жить выше средствъ, сказалась такими крупными долгами обоихъ братьевъ, что скоро и это имѣніе было продано. Весьма небольшая часть его, именно винокуренный заводъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ, и то не безъ большихъ хлопотъ выдѣленъ былъ тетушкѣ, а отъ прочаго состоянья буквально ничего не осталось. Лѣтомъ я работала въ церкви пастелью за копіей съ образа Гавріила Архангела Н. А. Майкова на Сѣверныхъ дверяхъ алтаря. Потомъ я перешла къ Благовѣщенью, бывшему на Царскихъ дверяхъ. Все это были опыты несовершенные, но показывавшіе мою прирожденную любовь къ живописи, которая скоро стала единственнымъ моимъ утѣшеніемъ.

На тетушку эти двѣ потери—одна за другой, сначала матери, потомъ любимаго брата, сильно подѣйствовали. Да и всѣ мы искренно сожалѣли о добрѣйшемъ князѣ, нашемъ миломъ и веселомъ собесѣдникѣ. Съ старшимъ моимъ братомъ, уже по возвращеніи его въ Петербургъ, началась переписка о переходѣ его на службу въ провинцію. Ему предложили мѣсто товарища предсѣдателя уголовной палаты въ Ярославль, и въ началѣ ноября онъ выѣхалъ изъ Петербурга къ новому мѣсту служенія, оставивъ своего сожителя и друга, Николая Яковлевича Данилевскаго въ наслѣдство брату Петру Петровичу, который и продолжалъ жить по прежнему съ нимъ вмѣстѣ.

Въ семействѣ дяди начали поговаривать о необходимости переѣхать въ Москву для приготовленія

сыновей въ Московскій университетъ. Мнѣ очень хотѣлось остаться съ бабушкой, но она повторяла, что долгъ мой быть тамъ, гдѣ у меня больная мать, что теперь представляется мнѣ возможность слѣдить, если не вблизи, то хоть издали за ходомъ ея болѣзни, за ея нуждами и желаніями и удовлетворять ихъ лучше, чѣмъ можетъ то сдѣлать черезъ чужихъ слѣпая бабушка, для которой я буду тоже истинной утѣхой, а съ нею вѣдь останется сынъ ея и на первое время кузина Ольга Корсакова.

И вотъ въ самомъ концѣ декабря тронулись мы всѣмъ домомъ въ Москву и тамъ встрѣтили 1847-й годъ. Я переѣзжала, какъ птицы перелетаютъ изъ одной страны въ другую, налегкѣ, безъ всякаго почти багажа. Кромѣ моихъ драгоцѣнныхъ красокъ, у меня имущества было очень мало. Сборы мои поэтому были недолги. Не знала я хорошенько, куда уложили мои вещи, кажется съ тетушкиными, такъ какъ у меня и чемоданчика своего не было. Въ комнатѣ моей вся скромная моя обстановка была взята изъ Урусова. Можетъ быть, потому я никогда не была привязана ни къ вещамъ, ни къ деньгамъ, что въ молодости ихъ не имѣла. Я такъ охотно все отдавала, что братья часто называли меня мотовкою. Только драгоцѣнныя мои краски везла я всѣ вмѣстѣ увязанныя возлѣ себя. Но еще была у меня драгоцѣнность: это письма близкихъ и друзей, которыя я бережно сохраняла, можетъ быть, потому, что я считала ихъ своей единственной неотъемлемой собственностью; но, къ сожалѣнію, я не могла ихъ взять съ собою и оставила на храненіе у бабушки въ моей шифоньеркѣ. Никогда не могла я равнодушно жечь письма милыхъ мнѣ людей! Мнѣ казалось, тамъ осталась какъ-будто часть ихъ самихъ, съ ними связано было столько жизни, чувствъ, воспоминаній! И вотъ какъ

хорошо служатъ они мнѣ теперь для нити моего разсказа, а вмѣстѣ какъ живо возсоздаютъ для меня картины прошлаго, пережитого и отчасти забытаго!

Послѣ свиданія въ Москвѣ съ бабушкой, сообщившей мнѣ подробныя извѣстія о маменькѣ, послѣ устройства семьи на новомъ мѣстѣ, я возвратилась къ своему завѣтному желанію—усовершенствоваться въ живописи. Я поѣхала въ московскую рисовальную школу, чтобы посовѣтоваться съ художниками. Они дали мнѣ совѣтъ начать съ гипса, и я тотчасъ запаслась напрокатъ хорошими бюстами въ магазинѣ Кампіони. Но чувствуя, что мнѣ и тутъ нужно постоянное руководство, я совѣтовалась съ братомъ, гдѣ мнѣ взять средствъ на уроки. Правда, дядя мнѣ давалъ 300 р. асс. (менѣе 100 р. сер.) въ годъ, вмѣсто прежнихъ 30, такъ какъ дѣла наши улучшались, и братьямъ онъ даже въ этотъ годъ прибавилъ содержанія. Но я не рѣшалась его просить о прибавкѣ для меня. Я понимала, что живя въ большомъ городѣ, потребности должны были расшириться, и мнѣ недоставало бы 30 р. асс., т. е. около 9 руб. въ мѣсяцъ на все: и туалетъ, и обувь, и рисованье. Братъ принялъ это къ сердцу и обѣщалъ походатайствовать за меня у дяди при свиданіи, а въ ожиданіи этого я изобрѣла самый дешевый способъ научиться техникѣ масляныхъ красокъ. Въ рисовальной школѣ находился бывшій крѣпостной моего дяди Замятина, извѣстный намъ подъ именемъ Миши, который часто посѣщалъ бабушку. Я поручила ему купить мнѣ масляныя краски самыя необходимыя, холстъ и кисти, и подъ его руководствомъ сдѣлала копіи съ двухъ-трехъ его этюдовъ съ натуры. Но занятія мои въ эту зиму были непродолжительны. Новая темная туча надвигалась надъ моей головой.

Жизнь наша въ Москвѣ (сначала въ какомъ-то изъ Арбатскихъ переулковъ, въ домѣ Лебедева, а вскорѣ на Кисловкѣ, въ домѣ Васильева, противъ воротъ Никитскаго монастыря) была самая затворническая, особливо первое время. Двоюродные мои братья готовились въ университетъ подъ руководствомъ умнаго и даровитаго студента Василья Михайловича Сперанскаго, жившаго у насъ и уѣхавшаго впослѣдствіи служить съ дядей моимъ Васильемъ Николаевичемъ Семсновымъ на Кавказъ, гдѣ онъ и умеръ. Въ тетушкѣ уже слишкомъ укоренилась привычка деревенской независимости. Она не выходила изъ утренняго капота и туфель, туалетовъ себѣ никакихъ не дѣлала, тѣмъ болѣе, что всегда была стѣснена въ средствахъ, да притомъ и была теперь въ траурѣ. Большую часть дня проводила она въ горизонтальномъ положеніи съ книгой въ рукахъ. Только къ бабушкѣ ѣздили мы иногда обѣдать.

Уже съ конца января начали поговаривать у бабушки, посылавшей ежедневно узнавать о здоровьѣ маменьки, что у ней явились признаки водяной болѣзни. Какъ только я узнала объ этомъ, во мнѣ загорѣлось непреодолимое желаніе увидѣть маменьку, навѣстить ее. Я стала неотступно просить бабушку и тетушку сжалиться надо мной и отпустить меня къ ней, повторяя, что теперь уже никакая сила меня не удержитъ, что наконецъ настало для меня время походить за нею и успокоить ее въ послѣднее время ея жизни. Много надо было терпѣнія и сдержанности, чтобы вынести все то, что въ пылу раздраженія говорила противъ этого тетушка; наконецъ, она объявила, что на-дняхъ пріѣдетъ въ Москву дядя и пусть онъ разрѣшаетъ и беретъ все на свою отвѣтственность. И въ самомъ дѣлѣ, дядя пріѣхалъ, и настоятельныя и слезныя просьбы мои увѣнчались

успѣхомъ. Онъ самъ повезъ меня къ маменькѣ, которая была еще на ногахъ и приняла его очень сухо. Но какъ описать восторгъ ея, когда вслѣдъ за дядей вошла я въ комнату. Она бросилась мнѣ на шею, плакала, называла меня самыми нѣжными именами, любовалась мной и, успокоившись, вдругъ робко спросила меня: „А теперь ты болѣе не покинешь меня, моя Наташенька?“ Я твердо отвѣчала: „Конечно, не покину“. Дядя, думая, что я сказала это только такъ, для успокоенія больной, скоро сталъ напоминать мнѣ, что пора ѣхать, что тетушка ждетъ меня и безпокоится. Но рѣшеніе мое было серіозно и непоколебимо. Я просила дядю успокоить всѣхъ дома, разсказавъ, съ какимъ восторгомъ и нѣжностью маменька приняла меня, просила его также велѣть принести мнѣ нѣсколько бѣлья и постель мою, чтобъ расположиться у матери. Квартирка ея была небольшая, всего три комнаты: довольно большая гостиная, рядомъ спальня маменьки, изъ прихожей маленькая столовая, между ней и спальной комната для прислуги и въ концѣ коридора кухня. Я, конечно, легла съ нею въ спальнѣ и видѣла, какъ она горячо молилась и благодарила Бога, что увидѣла меня; потомъ она благословила меня со всею нѣжностью, которая воскресила передо мною все прошлое, всѣ сладкія воспоминанія счастливаго минувшаго!

Добрая тетушка не на шутку тревожилась обо мнѣ и поутру пріѣхала навѣстить меня, сама привезла мнѣ все нужное, но маменькѣ не показывалась.

Первыя недѣли больная еще ходила, пила чай, завтракала, обѣдала со мной и я, видя ее довольною и счастливою, сама была счастлива. Она бесѣдовала со мною совершенно разумно и, уже не опасаясь болѣе, что я ее покину, отпускала меня и даже сама посылала гулять, навѣстить бабушку и тетеньку

Но я, бросивъ уже всѣ свои занятія живописью, уходила ненадолго только, чтобъ освѣжиться, и спѣшила возвратиться къ ней. Болѣзнь ея быстро развивалась, несмотря на ежедневные консиліумы. Волненіе, хотя и радостное, можетъ быть, тоже подѣйствовало на нее: послѣ возбужденія наступилъ упадокъ силъ, и она въ мартѣ слегла, чтобъ не вставать болѣе. Что я испытывала, видя ее страждущею и угасающею, можетъ понять всякій, кто самъ страдалъ у постели дорогого, обожаемаго человѣка. Тутъ же была не одна только любовь къ матери, но и глубокое, невыразимое состраданіе, которое растворяло эту любовь особенною нѣжностью. Впечатлительность молодости еще усугубляла мои мученья. Между тѣмъ бабушка Семенова, какъ только узнала, что я у матери и что она больна серіозно, совѣтовала написать въ Петербургъ младшему брату, что она опасна и чтобъ онъ скорѣе пріѣзжалъ въ Москву, такъ какъ лекціи, которыя онъ слушалъ въ университетѣ, уже кончились.

Въ самомъ дѣлѣ братъ 13 марта выѣхалъ изъ Петербурга въ мальпостѣ и 16-го прибылъ къ намъ. По тѣснотѣ маменькиной квартиры онъ сначала присталъ у дяди и только на послѣдніе дни агоніи переселился къ намъ и на ночь. Я спала возлѣ маменьки и видѣла, какъ она терпѣливо заботилась, чтобы я не лишала себя необходимаго отдыха. Она сама не могла уже повернуться или приподняться и наконецъ пожелала, чтобы кровать ея была вынесена и ее положили на полъ. Тогда и я, чтобы быть ближе къ ней, велѣла тоже вынести свою кровать и спала на полу возлѣ нея: изъ моихъ рукъ только принимала она лѣкарство или пищу. Когда братъ мой въ первый разъ явился у ея постели, она какъ-будто не узнала его; но потомъ когда мы вмѣстѣ сидѣли у ея изго-

ловья, она изъявляла радость, а мы чувствовали, какъ велико было къ намъ милосердіе Божіе, приведшее насъ еще во-время, чтобъ усладить послѣдніе дни ея земныхъ страданій. Видя меня плачущую, она все благословляла меня; наканунѣ кончины причастилась и соборовалась въ полной памяти. Въ этотъ предсмертный періодъ своей угасающей жизни она излила на меня всю ту силу материнской любви и нѣжности, которой я столько лѣтъ была лишена. Въ день смерти она сняла съ себя крестъ съ образками, и надѣвъ на меня, сказала: „Наташенька, какъ ты хороша!“ Это были ея послѣднія слова; потомъ слабой рукой стала снимать съ руки обручальное кольцо и другое съ брилліантами, подаренное отцомъ моимъ, и подавъ мнѣ, указывала, чтобы я ихъ надѣла. Она скончалась 13 апрѣля, а старшій братъ, не могши по службѣ ранѣе вырваться изъ Ярославля, пріѣхалъ только за нѣсколько часовъ до ея кончины и засталъ ее уже въ безсознательномъ состояніи.

Послѣ отпѣванія въ церкви Николы Явленнаго, тѣло маменьки было положено въ свинцовый гробъ и отправлено на своихъ лошадяхъ въ имѣніе наше, гдѣ прахъ ея погребенъ рядомъ съ отцомъ, въ склепѣ подъ сводами алтаря Урусовской церкви. Мы съ братомъ нѣсколько позже выѣхали вслѣдъ за нею на почтовыхъ, чтобы поспѣшить ко дню похоронъ. Уже недалеко отъ села Архангельскаго, въ верстахъ 12 — 15, мы увязли на одной гати, такъ какъ дорога была почти непроѣзжаема. Мы должны были выйти изъ коляски, и, пробираясь сторонкой между болотомъ и грязной непроходимой гатью, я, думая ступить на зеленую травку, провалилась по поясъ въ трясину и не знаю, что сталось бы со мною, если бы братъ не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь и не вытащилъ меня. Апрѣльскій день былъ очень холодный: суровый сѣверо-восточный

вѣтеръ продувалъ меня до костей въ мокрой одеждѣ и обуви, пока вытаскивали экипажъ. Мы не разсказали бабушкѣ своего злоключенія, чтобы не встревожить старушку, и я, напившись теплаго чаю, поспѣшила въ постель. Но на другой день я бредила и была безъ сознанія. Испуганная бабушка послала въ городъ за докторами, но всѣ города были отъ насъ не ближе 40 верстъ, а я иногда отъ сильной судороги въ груди переставала дышать, и бабушка нѣсколько разъ думала, что все кончено. Послѣ энергическихъ лѣкарствъ болѣзнь перешла въ сильную возвратную лихорадку, которая была тѣмъ упорнѣе, что нервы мои были сильно потрясены предшествовавшими событіями и впечатлѣніями. Здоровье мое сильно пошатнулось, и я не только все лѣто прохворала, но и всю слѣдующую зиму не могла оправиться. Между тѣмъ меня ожидали новыя горестныя утраты.

На этотъ разъ въ Москву семья дяди собиралась уже въ октябрѣ, и бабушка радовалась этому, разсчитывая, что хорошіе московскіе доктора возстановятъ мои силы. Я уже такъ была настроена, что мнѣ теперь еще труднѣе было разставаться съ нею, точно я предчувствовала, что болѣе ее не увижу. Она же утѣшала и успокоивала меня тѣмъ, что остается съ сыномъ, а у слѣпой моей бабушки, потерявшей дочь, теперь нѣтъ никого ближе меня, и вся отрада ея во мнѣ. Она трогательно изображала мнѣ всю страдальческую повѣсть слѣпой старушки, которую та, живя у насъ, по молодости моей, не могла сообщить мнѣ. Овдовѣвъ рано, Наталья Яковлевна Бланкъ осталась съ двумя падчерицами и двумя дочерьми на рукахъ. Первыхъ она выдала замужъ со всею любовью и заботливостью, какую могла дать родная мать. Любимая ея падче-

рица, Лукерья Петровна, красавица собою, вышла замужъ за Милютина, имѣвшаго во второмъ бракѣ сыновей — Дмитрія и Николая Алексѣевичей, и жила съ нимъ немного болѣе двухъ лѣтъ. Милютинъ, послѣ смерти жены, помня любовь ея къ бабушкѣ, долго сохранялъ связь съ нашей семьею и пріѣзжалъ повидаться съ бабушкой къ намъ въ Урусово, даже и послѣ вторичнаго своего брака съ Киселевой, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей. Другую падчерицу, Анну Петровну, отдала она замужъ за Вакселя, и я уже говорила о ней въ описаніи нашей московской жизни. Оставшись съ двумя малолѣтними родными дочерьми, она въ 1812 г. должна была выѣхать изъ Москвы, оставивъ на жертву пламени и грабежу свой прекрасный домъ и все имущество, перешедшее въ наслѣдство отъ архитектора Бланка.

Пріѣхавъ въ свое Тамбовское имѣніе, она проживала въ крошечномъ домикѣ подъ соломенной крышей. Тутъ настало для нея поистинѣ безпомощное положеніе, при неопытности ея въ хозяйствѣ. Но отдавъ старшую дочь свою, Лизавету Петровну, замужъ за нашего сосѣда и родственника, отставного моряка Д. М. Бунина, она переѣхала жить къ нему въ деревню, въ пяти верстахъ отъ Урусова, Денисовку, гдѣ какъ было уже разсказано, жила послѣдніе годы и скончалась писательница Анна Петровна Бунина. Теперь это имѣніе принадлежитъ Раненбургскому монастырю. Старшая дочь бабушки была болѣзненна и бездѣтна. Наконецъ, она имѣла радость пристроить младшую дочь счастливо за моего отца, и вдругъ—смерть похитила его и повергла мать мою въ тяжкій, неисцѣлимый недугъ. Это довершило бѣдствія ея несчастной жизни, и она отъ слезъ ослѣпла. Бабушка Марья Петровна, какъ живая хроника семьи нашей, такъ

горячо и живо изображала страданія ея, что растрогала меня и убѣдила ѣхать въ Москву не только для своего здоровья и развлеченія, но и для утѣшенія слѣпой бабушки.

Въ Москвѣ я съ новымъ рвеніемъ принялась за живопись—единственное, что меня занимало и доставляло нѣкоторую отраду. Между знакомыми тетушки былъ одинъ интересный для меня домъ—дѣвицъ Мухановыхъ. Онѣ были друзьями княгини Екатерины Алексѣевны Долгорукой, о которой я упоминала, и мы сблизились съ ними. У нихъ былъ собственный барскій домъ на Остоженкѣ; онѣ очень любили искусство и сами занимались живописью. Одна изъ нихъ, Прасковья Алексѣевна, была ко мнѣ всегда необыкновенно добра и ласкова, поощряла мой вкусъ, снабжала меня оригиналами и познакомила меня съ дюссельдорфскимъ живописцемъ Карломъ Карловичемъ Лашемъ, котораго прелестные жанры находятся въ Дрезденской галлереѣ. Онъ былъ прекрасный портретистъ и пріѣхалъ по вызову брата своего (отъ другого отца) Тимма, который давно проживалъ въ Москвѣ и во многихъ знатныхъ домахъ давалъ уроки рисованія. Сдѣлавъ нѣсколько удачныхъ портретовъ московскихъ аристократовъ, Лашъ скоро былъ заваленъ работой. Добрѣйшая Прасковья Алексѣевна сумѣла такъ заинтересовать его моимъ стремленіемъ усовершенствоваться въ живописи, что онъ вызвался самъ руководить меня, приходя раза два въ недѣлю давать мнѣ совѣты. При этомъ онъ оговорился, что это будутъ для него не уроки, а отдыхъ и удовольствіе, и чтобъ не пробовали предлагать ему плату. Онъ былъ очень красивъ собою; идеальная артистическая его наружность понравилась тетенькѣ, и она согласилась на его предложеніе. Но я всетаки стѣснялась даровыми

уроками и придумала попросить брата его Тимма давать мнѣ уроки за деньги въ рисованьи карандашемъ съ гипса и натуры. Масляныя же краски были предоставлены руководству Лаша. Онъ приходилъ давать мнѣ совѣты уже какъ ученицѣ своего брата. Скопировавъ сначала нѣсколько головокъ съ его собственныхъ этюдовъ масляными красками, я къ веснѣ была уже въ состояніи приняться за портреты съ натуры и начала портретъ съ своей хорошенькой кузины Наденьки Поливановой, урожденной Карцевой, незадолго передъ тѣмъ вышедшей замужъ за инженера Н. А. Поливанова. Съ тѣхъ поръ они съ мужемъ часто меня навѣщали, звали къ себѣ на весь день, посылая за мной экипажъ и отвозя меня, брали меня съ собою въ театръ и возили кататься подъ Новинское на своихъ красивыхъ рысакахъ. Я отъ души радовалась, видя ихъ счастіе и согласную домашнюю жизнь, потому что мы съ дѣтства были съ этой кузиной близки.

Но и эта зима не пощадила меня и привела съ собою новыя утраты. Около Рождества пришло тревожное извѣстіе о болѣзни бабушки Марьи Петровны въ деревнѣ. Я тотчасъ написала брату Николаю въ Ярославль, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Москву, такъ какъ мы непремѣнно должны ѣхать на праздники въ деревню навѣстить больную бабушку. Но братъ по дѣламъ службы замѣшкался, а между тѣмъ въ это же время отчаянно заболѣла воспаленіемъ легкихъ другая бабушка—Наталья Яковлевна. За мной тотчасъ прислали, и въ то время, какъ я ухаживала за умирающей слѣпой старушкой, пришло извѣстіе, что въ самый первый день Рождества (25 декабря) бабушка Марья Петровна скончалась. Это была истинно-христіанская, непостыдная и мирная кончина, о которой молится наша церковь. Ут-

ромъ она пригласила священника, чтобъ онъ послѣ обѣдни причастилъ ее Св. Тайнъ. Она встала и, одѣвшись, сидѣла въ креслахъ. Принявъ Св. Причащеніе, она отслушала молебенъ, потомъ угощала священника чаемъ и бесѣдовала съ нимъ. По уходѣ его она сказала, что устала, хочетъ отдохнуть, легла и незамѣтно тихо уснула навѣки. Ей было отъ роду 76 лѣтъ. Въ самое же Крещенье, 6-го января, на моихъ рукахъ скончалась тоже тихо и безъ страданій и другая моя бабушка—Наталья Яковлевна Бланкъ, 74-хъ лѣтъ отъ роду. Такъ отошли къ Богу обѣ любящія молитвенницы за меня, бывшія до тѣхъ поръ главной опорой моей въ жизни. Я почувствовала себя болѣе, чѣмъ когда-либо одинокой, да къ тому же и денежныя и семейныя отношенія въ домѣ дяди принимали самый неблагопріятный оборотъ. Одна живопись утѣшала меня и наполняла мое время: я сдѣлала еще большой масляный портретъ кузины моей Ольги Корсаковой и, кончивъ его до отъѣзда въ деревню, еще начала портретъ брата Петра Петровича.

Я нигдѣ не упомянула, что еще при жизни бабушки усиленно и не разъ звали меня погостить къ себѣ въ Рязань дядя мой и крестный отецъ Николай Николаевичъ Семеновъ и жена его Любовь Андреевна, и бабушка этому сочуствовала и присоединялась къ ихъ просьбамъ. Но дядя Михаилъ Николаевичъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, находя, что дѣвушкѣ, живущей у него въ домѣ, вовсе не идетъ гостить гдѣ бы то ни было. Онъ утверждалъ, что тетушка, его невѣстка, страстно любитъ сватать и какъ разъ сосватаетъ меня за перваго встрѣчнаго, лишь бы устроить свадьбу. Крестный отецъ и жена его обижались этимъ, и это ставило меня въ

какое-то фальшивое положеніе къ нимъ, хотя я, конечно, вовсе не была виновата въ этихъ отказахъ.

Каждое лѣто раза два семья дяди Николая Николаевича пріѣзжала недѣли на три погостить къ бабушкѣ; у нихъ было трое дѣтей: двѣ барышни, мои кузины, всегда помѣщались въ моей комнатѣ. Онѣ были гораздо моложе меня и потому менѣе близки мнѣ, чѣмъ сестры Бунины, съ которыми сближали меня не только возрастъ, но и однородное институтское воспитаніе.

Страшно грустно было мнѣ въ это лѣто 1848 года возвратиться въ опустѣвшій бабушкинъ домикъ, гдѣ я теперь жила совсѣмъ одна. Прогулки мои сдѣлались уединеннѣе и грустнѣе. Ходившая по всей Россіи въ этотъ годъ холера и большая смертность между крестьянами еще болѣе навѣвала на душу меланхолію, особливо къ осени, когда начались длинныя темныя ночи и пасмурные дни. Мнѣ казалось, что все въ моей жизни подернулось трауромъ навѣки!

Въ это тихое и печальное для меня лѣто уже довольно поздно пріѣхалъ опять ненадолго погостить у насъ дѣдушка Иванъ Петровичъ Бунинъ съ двумя младшими дочерьми—Надеждой и Вѣрой; послѣдняя только что вышла изъ Смольнаго монастыря. Она прекрасно пѣла и была хорошая музыкантша, хотя и не съ такимъ выдающимся талантомъ, какъ старшая сестра А. И. Гирсъ. Все же музыка и пѣніе много оживили наше уединеніе, и тихій домикъ мой ненадолго опять огласился веселыми голосами.

Еще въ предыдущее лѣто 1847 года, по выходѣ съ кончиной матери имѣній изъ опеки дяди, было рѣшено сдѣлать между нами раздѣлъ по взаимному соглашенію. По желанію еще отца моего, маменька, тотчасъ по смерти его, выдала мнѣ вексель въ тридцать ты-

сячъ ассигнаціями, и такая заботливость родителей о моемъ обезпеченіи была принята во вниманіе при раздѣлѣ. Дядя, будучи попечителемъ несовершеннолѣтняго брата, счелъ долгомъ вызвать на совѣщаніе еще ближайшаго родственника со стороны маменьки — дядю Алексѣя Михайловича Замятина. Съ общаго согласія родовое рязанское имѣніе со всей усадьбой и движимостью назначено было старшему брату Николаю Петровичу, который и до сихъ поръ имъ владѣетъ. Изъ тамбовскаго имѣнія, которое было больше, выдѣлено было мнѣ шестьсотъ десятинъ и шестьдесятъ душъ крестьянъ, остальныя же около тысячи десятинъ достались младшему брату. Въ уравненіе же обоихъ, старшій братъ, получившій болѣе земли и благоустроенную усадьбу, которой въ тамбовскомъ имѣніи не было, долженъ былъ выкупить изъ опекунскаго совѣта мою часть. Такимъ образомъ, я получила, независимо отъ выкупа, не четырнадцатую, а пятую часть имѣнія родителей, и мы съ 1848 года начали уже получать каждый свои доходы.

По возвращеніи въ Москву осенью 1848 г. я съ прежнимъ рвеніемъ принялась за живопись и, окончивъ портретъ брата, начала большой масляный портретъ тетушки. Лапъ по прежнему усердно руководилъ меня. Сашенька *) Гирсъ, сочувствуя своей доброй душою всѣмъ пережитымъ мною горестямъ и утратамъ, звала меня къ себѣ въ Петербургъ; мы со старшимъ братомъ объ этомъ переписывались, но въ этотъ годъ поѣздка наша не могла состояться. Притомъ я была тогда въ траурѣ. Едва кончился онъ по маменькѣ, какъ къ нему подошелъ трауръ по бабушкамъ.

Весною 1849 года прибыла въ Москву вся царская фамилія, чтобъ встрѣтить здѣсь Пасху и на освя-

*) Александра Ивановна, рожд. Бушша.

щеніе новаго Кремлевскаго Николаевскаго дворца. Мы жили, какъ всегда, тихо, какъ вдругъ совершенно неожиданно явился къ намъ Андрей Логгиновичъ Гофманъ. Мы были очень удивлены, что онъ отыскалъ насъ на нашей Кисловкѣ. Онъ заявилъ мнѣ, что императрица Александра Ѳеодоровна, узнавъ, что я въ Москвѣ, желаетъ, чтобъ я явилась на балъ въ Дворянское собраніе и была ей представлена. Это былъ знаменитый костюмированный балъ Закревскаго, повторенный для царской фамиліи въ залѣ Дворянскаго собранія. Я конечно поняла, что все это устроилъ добрѣйшій Андрей Логгиновичъ по сердечному расположенію къ институткамъ и по участію, которое онъ мнѣ не разъ оказывалъ. Но все же трогательна была доброта и вниманіе государыни, которой можно было напомнить о прежнихъ институткахъ, отличенныхъ за успѣхи!

Можно себѣ представить, какъ всхлопотался дядя, объявившій, что онъ самъ повезетъ меня въ собраніе. Онъ поспѣшилъ заказать себѣ новый измайловскій мундиръ, а я, уже болѣе прежняго обезпеченная, могла сдѣлать себѣ хорошенькое бальное платье, приколола свой шифръ и цвѣты и мы поѣхали въ Дворянское собраніе вмѣстѣ съ кузиной Ольгой Корсаковой, которой тоже захотѣлось видѣть знаменитый маскарадъ. Внимательный Гофманъ уже поджидалъ насъ у входа въ залъ и тотчасъ подъ руку повелъ меня на эстраду, гдѣ сидѣла царская фамилія. Императрица милостиво обласкала меня съ обычной простотой и сердечностью разпрашивала о моемъ житьѣ-бытьѣ, о матери и бабушкахъ, которыхъ я лишилась, о семьѣ дяди, послѣ чего меня посадили среди свиты и фрейлинъ, и я смотрѣла съ ними на проходившія мимо царской четы пары, представлявшія дворъ англійской королевы Елизаветы,

а за ними наши пятьдесятъ двѣ русскія губерніи. Костюмы были великолѣпны и блестѣли драгоцѣнными камнями. Каждая пара останавливалась передъ государемъ и государыней, кланялась и потомъ медленно проходила. Весь этотъ блескъ такъ ослѣпилъ меня послѣ продолжительнаго удаленія отъ свѣта, что я на все это смотрѣла, какъ-будто въ волшебномъ снѣ, такъ что послѣ мнѣ очень трудно было отдать себѣ отчетъ во всемъ видѣнномъ. Когда процессія кончилась, и царская фамилія встала и перешла въ сосѣднія комнаты, я откланялась и поспѣшила отыскать дядю и кузину, и мы скоро уѣхали. Давка была ужасная, особливо, когда наслѣдникъ Александръ Николаевичъ сошелъ въ залу. Сильное впечатлѣніе произвела на меня катастрофа съ одной изъ костюмированныхъ дамъ, у которой оборвалась брилліантовая нитка на костюмѣ и разсыпалась. Мы видѣли ее въ слезахъ, повторяющей, что брилліанты не ея собственные, а чужіе. Кавалеры усердно старались подбирать камни, но волна публики напирала и разметала ихъ, такъ что мы не узнали, чѣмъ это кончилось.

Въ эту же весну братъ Николай Петровичъ былъ назначенъ въ Ярославлѣ прокуроромъ и, отчаявшись попасть къ намъ лѣтомъ въ деревню, сталъ усиленно звать насъ съ братомъ пріѣхать погостить къ нему осенью въ Ярославль. Младшему брату дано было на это лѣто Вольно-экономическимъ обществомъ порученіе изслѣдовать черноземную полосу Россіи вмѣстѣ съ Н. Я. Данилевскимъ: онъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву рано и ждалъ у насъ Данилевскаго.

Между тѣмъ у насъ въ семействѣ дяди готовилось важное событіе: тетушка съ начала зимы начала поговаривать, что ей кажется предстоитъ увеличеніе семейства. Когда это предположеніе разъя-

снилось утвердительно, то въ маѣ 1849 г. съ немалой тревогой пустились въ деревню.

Наконецъ Данилевскій пріѣхалъ и отправился съ братомъ въ экспедицію. По письмамъ братьевъ, по разсказамъ ихъ, мы давно знали Данилевскаго: онъ даже одинъ разъ заѣзжалъ къ намъ на два или три дня въ Осинники по дорогѣ въ Орловскую губернію, въ принадлежавшую его дальней родственницѣ В. Н. Беклемишевой деревню Русскій Бродъ, гдѣ онъ проводилъ всегда лѣто.

Здѣсь не лишнее будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени способный и любознательный, самъ себя образовавшій по выпускѣ своемъ изъ лицея со старшимъ братомъ моимъ. Познанія его были самыя глубокія и основательныя; онъ относился ко всѣмъ вопросамъ жизни горячо и живо, и кромѣ естественныхъ наукъ, по которымъ слушалъ лекціи въ университетѣ, изучалъ исторію, философію и литературы. Въ свѣтскомъ смыслѣ онъ былъ совершенный дикарь, и всю молодость свою проводилъ взаперти, а болѣе всего боялся женщинъ, такъ что кузины мои Бунины писали мнѣ, что разъ, посѣтивъ братьевъ съ которыми жилъ одно время и дядя мой Николай Николаевичъ Семеновъ, искавшій въ Петербургѣ мѣста, онѣ видѣли только въ щелку дикаря Данилевскаго. Обладая изумительной памятью, онъ, можно сказать, былъ ходячимъ энциклопедическимъ лексикономъ. Къ нему можно было обратиться за какой угодно справкой, чтобы получить самый вѣрный и точный отвѣтъ. Онъ тогда увлекался теоріями Фурье, былъ горячій спорщикъ и часто опрокидывалъ однимъ словомъ всю логику моей гетушки, которая была не обидчива и очень его полюбила. Позже, когда онъ былъ въ изгнаніи въ Вологдѣ, она усердно

съ нимъ переписывалась, разгоняя его скуку своими веселыми и оживленными письмами, и даже изъ скудныхъ средствъ своихъ покупала и посылала ему книги.

Братъ и Данилевскій начали свою экспедицію съ Тульской губерніи, а потомъ направились въ нашу Рязанскую, на перепутьи заѣхали къ намъ въ началѣ іюня и, погостивъ у насъ нѣсколько дней, продолжали свой путь далѣе.

Но спустя нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда явился къ намъ нашъ сельскій священникъ, отецъ Трифонъ, и въ сильномъ смущеніи сообщилъ, что пріѣхалъ къ нему какой-то жандармскій полковникъ или генералъ и, подъ предлогомъ сломавшагося экипажа, проситъ переночевать у него. „Вы знаете, Михаилъ Николаевичъ, какія же я имѣю удобства у себя, чтобы принять такого важнаго гостя", прибавлялъ онъ. Гостепріимный дядя, не долго думая, самъ отправился къ священнику звать гостя въ свой домъ, и каково было его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ брата стараго своего измайловскаго товарища и пріятеля—Назимова, впослѣдствіи попечителя Московскаго учебнаго округа, а позже генералъ-губернатора Виленскаго. Конечно, Назимовъ съ радостью послѣдовалъ въ нашъ домъ, но тетенькѣ жандармская форма была несимпатична, и она не вышла къ нему, тѣмъ болѣе, что была въ ожиданіи скораго приращенія семейства. Напоивши гостя чаемъ, мы всѣ разошлись въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, такъ какъ исторія Петрашевскаго уже тогда огласилась, и Данилевскій, какъ его лицейскій товарищъ, могъ быть въ нее замѣшанъ, а при этомъ сердце было не спокойно и за брата, и я почти всю ночь не уснула. Дядя же, оставшись съ Назимовымъ наединѣ, узналъ, что онъ слѣдитъ за Данилевскимъ, а насчетъ брата Назимовъ совершенно успокоилъ дядю, что онъ

можетъ продолжать путь. Рано пришелъ ко мнѣ дядя успокоить меня и объявилъ, что гость его уже уѣхалъ по слѣдамъ Данилевскаго и брата. Проѣхавъ въ „Русскій бродъ“ Орл. г., братъ и Данилевскій направились снова въ Тульскую губ. гдѣ и были настигнуты Назимовымъ на Красивой Мечѣ. Послѣдній арестовалъ Данилевскаго, позволилъ однакожъ брату не разставаться съ нимъ до ближайшей къ намъ станціи большой дороги. Отсюда и вернулся къ намъ братъ, огорченный и разстроенный, и погостивъ у насъ денька два, пустился одинъ на свое изслѣдованіе сначала въ Тамбовскую губернію, а потомъ въ землю донскихъ казаковъ.

Между тѣмъ 29 іюня тетенькѣ Богъ далъ сына Павла, и этотъ новый пришлецъ въ міръ встрѣченъ былъ всей семьей не только съ радостью, но скоро сдѣлался утѣшеніемъ и забавой всего дома. Онъ какъ-будто пришелъ скрѣпить семейныя узы, начинавшія распадаться...

Братъ Николай Петровичъ, увѣренный въ невинности своего друга, котораго только сношенія и знакомство съ Петрашевскимъ могли скомпрометировать, былъ сильно огорченъ извѣстіемъ объ его арестованіи. Онъ зналъ, что Данилевскій всегда подсмѣивался надъ Петрашевскимъ, считая его сумасбродомъ, и не сомнѣвался, что невинность его скоро обнаружится. Онъ писалъ намъ съ братомъ, что такъ какъ теперь экспедиція не можетъ долго затянуться, то для него, не попавшаго нынче въ деревню, лучшимъ утѣшеніемъ былъ бы нашъ пріѣздъ осенью къ нему въ Ярославль. Гирсы же продолжали усиленно звать меня погостить въ Петербургѣ. Братъ Петръ Петровичъ долженъ былъ служить мнѣ спутникомъ въ обоихъ путешествіяхъ, о которыхъ я начала помышлять не на шутку. Я чувствовала

нравственную потребность освѣжиться послѣ шестилѣтняго пребыванія въ одной и той же обстановкѣ, среди самыхъ тяжелыхъ потерь и испытаній, и рѣшилась ѣхать съ братомъ сначала въ Ярославль, а потомъ въ Петербургъ. Тамъ я еще не предрѣшила, гдѣ остановлюсь: у брата или у Гирсовъ, предоставляя обстоятельствамъ указать мнѣ на мѣстѣ, что лучше, т. е. менѣе стѣснительно для другихъ. Но радость моей добрѣйшей и сердечной кузины А. И. Гирсъ, которую она мнѣ такъ трогательно высказывала въ письмахъ, узнавъ, что я наконецъ ѣду, склонила вѣсы въ пользу Гирсовъ, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе у брата было довольно тѣсное.

Итакъ, мы выѣхали изъ деревни ранѣе семьи дяди, уже въ первыхъ числахъ октября, и направились изъ Москвы въ Ярославль. Впервые побывала я у Троицы, въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ, гдѣ мы останавливались, чтобы поклониться древнимъ святынямъ. Велика была радость свиданія съ старшимъ братомъ. Онъ отдалъ въ мое распоряженіе свою спальню и гостиную, а самъ перешелъ въ кабинетъ по другую сторону залы, гдѣ они вдвоемъ устроились. Квартира у него была хорошенькая и помѣстительная. Я познакомилась съ ярославскимъ обществомъ, которое встрѣтило меня очень радушно, такъ какъ брата въ городѣ очень любили. Насъ безпрестанно посѣщали и звали на обѣды и вечера. Особенно сблизилась я съ семействомъ Хомутовыхъ, гдѣ жила моя институтская подруга—Шлыкова, съ семействомъ Шишкиныхъ, въ которомъ росла будущая жена моего брата, съ почтенными старичками Мясоѣдовыми. Съ m-me Бемъ я уже была знакома ранѣе, такъ какъ родная сестра ея Багратіонъ (рожденная Мартынова) была тоже моя подруга по институту. Еще очень обласкала меня жена вице-губернатора Муравьева (мать нынѣшняго

министра юстиціи): она въ своей каретѣ не разъ заѣзжала за мной, когда меня приглашали на вечера. Къ Шишкинымъ ѣздили мы въ ихъ имѣніе—Павловское на берегу Волги, въ 7 верстахъ отъ Ярославля, и тамъ мы разъ даже ночевали. Оттуда возили меня дѣвицы на лодкѣ черезъ Волгу въ Толжскій монастырь къ одному архіерею, жившему тамъ на покоѣ, и мы много гуляли по его прекрасному парку, а потомъ онъ угощалъ насъ чаемъ и свѣжими кедровыми орѣхами съ дерева. Незамѣтно пролетѣлъ тутъ для меня цѣлый мѣсяцъ, и въ началѣ ноября мы вернулись въ Москву, чтобъ оттуда уже ѣхать въ Петербургъ.

Старикъ управляющій нашъ изъ крѣпостныхъ, воспитанный еще дѣдомъ моимъ для этого назначенія, былъ имъ отпущенъ на волю. Но онъ не покинулъ своихъ бывшихъ господъ и пожелалъ служить сначала отцу, а потомъ маменькѣ, въ первые годы ея вдовства. Яковъ Абрамовичъ Абрамовъ былъ въ нашей семьѣ лицо замѣчательное. Во время болѣзни маменьки онъ былъ ею удаленъ и перешелъ на службу къ дядѣ, а теперь опять вступилъ въ управленіе нашими имѣніями. Онъ приготовилъ и привезъ въ Москву на мою поѣздку цѣлыхъ тысячу рублей. Я еще никогда не имѣла въ рукахъ подобной суммы. Въ Петербургъ онъ обѣщалъ прислать еще. Я однако сдѣлала себѣ только одно черное шелковое платье и стала собираться въ дорогу.

Семья дяди тогда уже была на зимнихъ квартирахъ, переселившись въ домъ Розанова на Кисловкѣ, гдѣ прежде жили переѣхавшіе теперь въ Петербургъ знакомые наши Желѣзновы.

Сборы мои были недолги, и 14 ноября я простилась съ семьей, меня пріютившей, не подозрѣвая даже, что уже болѣе не вернусь въ нее. Прощанье мое съ тетенькой было трогательно: ея сердечная доброта привязала меня къ ней, и она сама много

показала мнѣ нѣжности и сожалѣнія при разлукѣ нашей. Съ сестрой Ольгой Корсаковой разсталась я тоже не безъ слезъ. Послѣ трехдневнаго путешествія въ мальпостѣ отыскались мы наконецъ въ Петербургѣ, гдѣ добрѣйшіе Гирсы встрѣтили меня буквально съ распростертыми объятіями! Они заранѣе приготовили мнѣ прекрасную просторную комнату и не хотѣли слышать, чтобъ я остановилась у брата.

V.

Петербургъ и рѣшеніе судьбы.

Гирсы занимали отдѣльный домикъ - особнякъ, на дворѣ большого дома Погребова—у пяти угловъ, на Загородномъ проспектѣ. Рядомъ съ ихъ уютнымъ двухъэтажнымъ домикомъ, на дворѣ же, былъ большой трехъэтажный каменный домъ, гдѣ внизу занималъ небольшую квартиру братъ Петръ Петровичъ, а вверху надъ нимъ по той же лѣстницѣ жилъ Константинъ Карловичъ Гротъ, такъ что входныя двери къ намъ и къ нимъ были рядомъ. Такимъ образомъ мы видѣлись съ братомъ по нѣскольку разъ въ день, а Гротъ тоже заходилъ къ Гирсамъ ежедневно, иногда и болѣе раза. Служа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оба лицейскіе товарища, по порученію министра, составляли думское положеніе и, слѣдовательно, безпрестанно имѣли общія дѣла и сношенія.

Хорошенькая квартира Гирсовъ расположена была въ двухъ этажахъ: въ верхнемъ были парадныя комнаты, зала, гостиная и спальня. Внизу столовая, кабинетъ Александра Карловича и рядомъ съ нимъ моя большая комната съ альковомъ и отдѣльнымъ ходомъ изъ корридора. Оба этажа соединялись кромѣ парадной еще небольшой внутренней лѣстницей.

Старичекъ Бунинъ съ дочерьми жилъ не близко, у Таврическаго сада, но тѣмъ не менѣе сношенія наши были оживленныя, почти ежедневныя: то они обѣдали у насъ, то мы у нихъ, вмѣстѣ выѣзжали въ театры, на вечера и проч. Я посѣтила свой институтъ и милую мою Лалаеву и свидѣлась со многими подругами. Въ институтѣ въ этотъ годъ готовился выпускъ. Наша инспектриса А. И. Гогель предложила мнѣ въ ихъ абонированной ложѣ 1-го яруса мѣсто въ итальянскую оперу, которая въ эту зиму была превосходна: пѣли Маріо, Гризи, Тамбурини, Лаблашъ и проч., и я охотно согласилась, такъ какъ у Гирсовъ были тоже только два мѣста въ чьей-то ложѣ. Но мы и съ ними часто брали ложи во французскій и русскій театръ и даже въ оперу въ свободныя отъ абонимента представленія. Съ непривычки къ такимъ частымъ выѣздамъ, да и послѣ двухъ путешествій осенью и зимой, я однако схватила жестокій и упорный кашель: несмотря на все мое желаніе, я никакъ не могла достаточно поберечься.

У Гирсовъ были четверги, преимущественно музыкальные и очень оживленные. Много ѣздило къ нимъ молодежи; талантъ хозяйки привлекалъ музыкантовъ и любителей музыки. Ихъ часто посѣщалъ Глинка, а Даргомыжскій былъ у нихъ домашнимъ человѣкомъ и приходилъ къ А. И. Гирсъ пробовать каждый свои романсъ и многіе посвящалъ ей.

Опочининъ и Молеріусъ составляли тріо и квартюоры съ хозяйкой и сестрой ея Вѣрой. Бывали иногда Билибина и Вердеревская, тогда уже Шиловская, моя подруга, пѣвица нашего выпуска. Много удовольствія можно было вынести изъ этихъ музыкальныхъ вечеровъ, всегда веселыхъ и непринужденныхъ. На нихъ непремѣнно всегда присутствовалъ старичекъ И. П. Бунинъ, также дядя Гирса—Ѳедоръ

Петровичъ Литке, страстный музыкантъ, и другой его дядя — очень старый морякъ адмиралъ Сульменевъ, и всѣ три моряка часто проводили вечеръ за преферансомъ. Встрѣчала я у нихъ также пріятеля Гирса А. В. Головнина и Н. А. Милютина.

Еще съ начала моего пребыванія у Гирсовъ слышала я часто отъ сестеръ Буниныхъ имя Якова Карловича Грота, профессора гельсингфорсскаго университета и писателя, переводчика Фритіофа, автора множества статей о Финляндіи и скандинавскомъ Сѣверѣ. Онъ былъ родной старшій братъ уже знакомаго мнѣ Константина Карловича Грота. О немъ всегда отзывались съ особенными похвалами и даже съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ о человѣкѣ высшаго разряда по нравственнымъ качествамъ и идеальному настроенію. Особенно выставляли любовь его къ наукѣ, для которой онъ пожертвовалъ блестящей карьерой въ государственномъ совѣтѣ чтобъ переселиться въ скромный и суровый край—Финляндію—профессоромъ. Я уже познакомилась съ братомъ его Константиномъ Карловичемъ, котораго я ставила выше всѣхъ молодыхъ людей, встрѣчавшихся у Гирсовъ. Онъ казался мнѣ представителемъ высшей порядочности и благовоспитанности, а расположеніе его къ семейству Буниныхъ было самое сердечное и внимательное.

Разъ, вставши по привычкѣ рано, я около 8-ми часовъ утра готовилась выйти къ кофе въ столовую, такъ какъ мнѣ часто случалось наливать его Гирсу, когда жена его опаздывала. Я уже все утро слышала въ кабинетѣ Гирса, бывшемъ стѣна объ стѣну съ моей комнатой, какой-то незнакомый мнѣ, но чрезвычайно мелодичный и симпатичный голосъ. Разговоръ былъ живой и о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: объ исторіи, языкѣ, этнографіи, стати-

стикѣ, объ искусствѣ, и самые сюжеты были мало сходны съ обычными разговорами въ кабинетѣ чиновника. Это такъ заинтересовало меня, что я захотѣла посмотрѣть, кто бы это былъ, и рѣшилась тотчасъ выйти въ столовую, причемъ мнѣ удалось только мелькомъ увидѣть таинственнаго незнакомца: онъ уже уходилъ. Это и былъ братъ Константина Карловича—Яковъ Карловичъ Гротъ, пріѣхавшій къ нему погостить на финляндскіе праздники, опередившіе наши на двѣ недѣли. Гирсъ представилъ мнѣ его, но мы могли только издали обмѣняться поклонами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ обычный музыкальный четвергъ Гирсовъ, довольно многолюдный. Въ то время, какъ всѣ сидѣли въ залѣ, чтобъ слушать музыку, а возлѣ меня расположился А. В. Головнинъ, часто со мной бесѣдовавшій (чѣмъ меня не мало дразнили сестры Бунины), вдругъ отворилась дверь и вошелъ молодой человѣкъ благородной и изящной наружности и быстро окинулъ взглядомъ всю залу, отыскивая хозяевъ. Его огненные глаза поразили меня и привлекли мое вниманіе. Я спросила у Головнина, кто это, и онъ отвѣчалъ, что это братъ Константина Грота. Онъ вовсе не походилъ ни на петербургскаго щеголя, ни на озабоченнаго и проникнутаго своимъ достоинствомъ чиновника-карьериста, еще менѣе на нѣсколько распущеннаго москвича или провинціала, какіе иногда появлялись въ домѣ дяди. Что-то въ высшей степени духовное и идеальное свѣтилось въ этихъ блестящихъ, черныхъ глазахъ. Что-то энергическое, предпріимчивое и дѣятельное сказывалось во всѣхъ его движеніяхъ. Видно было, что этотъ человѣкъ живетъ вполнѣ сознательно, знаетъ къ чему стремится. Все это, конечно, было сначала безотчетнымъ вне-

чатлѣніемъ при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ. Гирсъ еще разъ мнѣ его представилъ, а когда кончилась музыка и всѣ встали, молодежь устремилась внизъ въ столовую къ чаю. Гротъ случайно сѣлъ возлѣ меня и начался общій оживленный разговоръ, въ которомъ всѣ мы участвовали. Былъ онъ еще раза два поутру и очень ненадолго у Гирсовъ: разъ это было во время нашего обѣда, тогда какъ самъ онъ былъ званъ обѣдать къ графу Армфельту. Между тѣмъ приближалось наше Рождество, и ему надо было ѣхать обратно въ Гельсингфорсъ, гдѣ праздники уже кончились. Узнавъ о томъ, что онъ собирается выѣхать въ самый день Рождества, гостепріимный старичекъ, дѣдушка Бунинъ (отецъ А. И. Гирсъ) объявилъ ему, что не отпуститъ его въ такой великій день въ дорогу и неотступно звалъ къ себѣ къ обѣду, гдѣ собирались всѣ его родные, и въ этотъ день всегда обѣдалъ у него и братъ Якова Карловича. Но такъ какъ путешественникъ былъ не одинъ, а съ сестрою Розой Карловной, для которой собственно и предпринялъ эту поѣздку, то предстояло испросить ея согласія. Она съ удовольствіемъ осталась еще на денекъ и провела его въ семьѣ Модеста Андреевича Корфа. Вотъ этотъ-то день и рѣшилъ судьбу мою. Послѣ обѣда, когда старшіе сѣли играть въ преферансъ, сестры Бунины пошли ненадолго по близости на репетицію готовившагося у Галямины хъ *) домашняго спектакля и просили меня занять гостя, не игравшаго въ карты. При этомъ Надежда Ивановна въ шутку сказала: „M-r Grot, vous êtes la 1-re médaille d'or et ma cousine—le 1-r chiffre, vous pouvez vous donner la main.“ Такъ случайно остались мы бесѣдовать вдвоемъ

*) Тогдашняго директора петербургскаго фарфороваго завода.

въ виду карточнаго стола, о которомъ совсѣмъ забыли—такъ оживленъ былъ нашъ разговоръ. Мы говорили о литературѣ, о чтеніяхъ, объ обществѣ столичномъ и провинціальномъ, объ уединеніи, о жизни въ деревнѣ; наконецъ, Яковъ Карловичъ участливыми вопросами навелъ разговоръ на мою личную жизнь, обстановку и занятія, на потери и горести моего дѣтства, на институтъ и его вліяніе, и мы не замѣтили, какъ пролетѣло время до возвращенія кузинъ.

Дома, вечеромъ, я невольно задумалась о томъ, какъ часто бываетъ въ жизни, что судьба сводитъ два существа, способныя понимать другъ друга, и потомъ безжалостно разлучаетъ ихъ, такъ что нѣтъ и надежды когда-нибудь встрѣтиться. Я даже отгоняла эти мысли, такъ не избалована была судьбою и мало помышляла о возможности понравиться такому идеальному человѣку. На другой день утромъ, когда я собиралась наливать кофе Гирсу и вышла въ столовую, я увидѣла, что кто-то быстрыми шагами прошелъ мимо оконъ взадъ и впередъ, пристально заглядывая въ нихъ. Скоро раздался звонокъ и вошелъ Я. К. Гротъ. Онъ засталъ меня одну—Гирсъ былъ чѣмъ-то задержанъ въ кабинетѣ. Онъ держалъ въ рукахъ двѣ небольшія переплетенныя книжечки: это былъ „Фритіофъ“ и „Переѣзды по Финляндіи“ съ собственноручной надписью автора „Натальѣ Петровнѣ Семеновой“ отъ Я. К. Грота 26 декабря 1849 г. Онъ подалъ мнѣ ихъ и просилъ меня прочесть въ память его, потомъ простился и быстро вышелъ, не зайдя къ Гирсу, съ которымъ онъ наканунѣ совсѣмъ распростился. Черезъ нѣсколько минутъ дорожный экипажъ путешественниковъ промелькнулъ мимо нашихъ оконъ. Я была очень удивлена этимъ появленіемъ и осо-

бенно прощаніемъ, но не показала этого, увѣренная, что эта любезность была только простымъ актомъ вѣжливости. Поблагодаривъ за книги, я пожелала ему на прощанье здоровья и счастья, и желаніе мое было вполнѣ искренно и безкорыстно.

Скоро прошли и праздники въ обычной суетѣ и пустотѣ сердечной, о которой я какъ-то раздумалась вечеромъ 4-го января. Вдругъ ночью вижу сонъ, который сильно поразилъ меня. Богоматерь на облакахъ въ свѣтломъ сіяніи ведетъ ко мнѣ Якова Грота и говоритъ: „онъ твой". Проснувшись съ грустнымъ чувствомъ, я старалась отогнать отъ себя докучныя мысли; но когда милая хозяйка замѣтила мнѣ, что я особенно грустна, я разсказала ей по секрету свой сонъ. Въ этотъ день мы вмѣстѣ съ А. И. Гирсъ собирались съ визитами на Васильевскій островъ, гдѣ у насъ было много родныхъ и знакомыхъ. Но я, вспомнивъ, что мы еще званы на обѣдъ къ Масловымъ, гдѣ послѣ обѣда затѣвались танцы, отговорилась нездоровьемъ и не поѣхала съ визитами; но объ отказѣ на обѣдъ нарочно не упомянула, чтобы мои добрые хозяева не заказывали обѣда для меня. Когда они уѣхали, я написала записочку брату Петру Петровичу, что приглашаю его съ собой отобѣдать, такъ-какъ поѣду за обѣдомъ въ гостиницу, и онъ обѣщалъ притти. Когда Гирсы вернулись и стали снаряжаться къ обѣду и на вечеръ къ Масловымъ, я сообщила имъ свое намѣреніе остаться дома и успокоила тѣмъ, что обѣдъ мною заказанъ изъ ресторана. Они были очень удивлены, но я устояла противъ ихъ убѣжденій, ссылаясь на легкое нездоровье. Въ самомъ дѣлѣ кашель, схваченный мною еще осенью, въ Петербургѣ, при безпрестанныхъ выѣздахъ и непривычномъ образѣ жизни, еще усилился.

Оставшись одна въ какомъ-то непонятномъ душевномъ унынiи, я сѣла читать Евангелiе — эту книгу великихъ утѣшенiй, къ которой часто прибѣгала въ тяжелыя минуты жизни. Но вскорѣ послѣ того зазвонили и къ затворенной двери моей подошелъ лакей доложить, что меня спрашиваетъ Константинъ Карловичъ Гротъ. Зная, что онъ часто въ разные часы заходилъ къ Гирсу по дѣламъ, я отвѣчала, что вѣрно ему нуженъ Александръ Карловичъ или какая-нибудь бумага, и велѣла просить его войти въ кабинетъ поискать ее, а сама опять затворила свою дверь. Но лакей вернулся, говоря: „Нѣтъ, они васъ желаютъ видѣть". Я изумилась и вышла къ нему въ кабинетъ. Онъ поздоровался, но видимо былъ смущенъ и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ подошелъ къ окну и сталъ пальцами ударять по стеклу. Въ недоумѣнiи отъ его волненiя я сама пришла въ смущенiе и не знала, что начать, пока наконецъ онъ не вынулъ изъ кармана письмо и молча не подалъ его мнѣ. Я съ изумленiемъ его распечатала: оно было написано по-французски и начиналось словами: „Mademoiselle". Ужъ съ первыхъ строкъ угадала я, отъ кого оно и что рѣчь идетъ о всей моей будущности. Тутъ слезы такъ стѣснили мнѣ дыханiе, что я не могла проговорить ни слова и бросилась въ свою комнату, затворивъ за собою дверь. Обливаясь слезами, я прочла письмо до конца и, совсѣмъ забывъ о своемъ гостѣ, сидѣла неподвижно, продолжая плакать. Никогда такъ горько не представало передо мною сознанiе моего круглаго сиротства и отсутствiя нѣжнаго участiя и совѣтовъ матери! Никогда не казались они мнѣ такъ важны, какъ въ настоящую минуту. Я страшилась одна рѣшить свою будущность. Но тутъ вспомнились мнѣ горячiя предсмертныя благословенiя ея, любовь ко мнѣ отца въ

первомъ дѣтствѣ моемъ и ежедневныя слезныя молитвы за меня моихъ добрыхъ бабушекъ, и это нѣсколько успокоило мою взволнованную душу. Ее озарило сознаніе, что и за гробомъ всѣ они—участники въ будущей судьбѣ моей.

Но вотъ скромно пріотворилась дверь, и Константинъ Карловичъ сказалъ мнѣ, что вечеромъ придетъ за отвѣтомъ, такъ какъ привезшій письмо брата его уѣзжаетъ уже на другой день рано. Это былъ Степанъ Ивановичъ Барановскій, адъюнктъ моего будущаго жениха. „Если же отвѣтъ вашъ будетъ неблагопріятный", прибавилъ онъ, „то я твердо надѣюсь, что все происшедшее останется между нами".

Все это такъ неожиданно и быстро случилось, что казалось мнѣ какимъ-то сномъ, и я въ оцѣпенѣніи сидѣла на томъ же мѣстѣ до прихода брата. Вошедъ и увидѣвъ меня заплаканною съ письмомъ въ рукахъ и разорваннымъ конвертомъ на полу, онъ вообразилъ, что я получила изъ Москвы извѣстіе о какомъ-нибудь несчастіи, и поспѣшно выхватилъ изъ рукъ моихъ письмо. Пробѣжавъ его, онъ съ восторгомъ бросился обнимать меня и поздравлять, уговаривая дать благопріятный отвѣтъ, такъ какъ Я. К. Гротъ не только прекрасный человѣкъ, но по душевнымъ качествамъ своимъ составитъ счастіе той дѣвушки, которая ввѣритъ ему судьбу свою. Я была такъ взволнована, что бѣдному брату пришлось обѣдать одному.

Вечеромъ пріѣхали Гирсы, и узнавъ въ чемъ дѣло, радостно привѣтствовали меня; особливо добрѣйшій Александръ Карловичъ съ живостью и жаромъ принялся объяснять мнѣ всѣ совершенства моего будущаго жениха. Когда же пришелъ К. К. Гротъ, то письмо мое еще не было начато, и я только стала помышлять, какъ за него приняться. Но прежде, меня къ нему вытащили насильно; добрѣйшіе Гирсы по-

слали за шампанскимъ и было всесемейно выпито здоровье жениха и невѣсты. Хозяева мои искренно радовались, что Богу угодно было увѣнчать ихъ гостепріимство такимъ счастливымъ устройствомъ моей судьбы. Наконецъ, я заперлась въ своей комнатѣ, чтобы написать отвѣтъ (также по-французски), и Гирсъ торжественно отправилъ его къ своему другу Гроту.

Новое мое состояніе невѣсты такъ поглотило все мое существо, что я еще менѣе, чѣмъ прежде, могла стремиться къ суетнымъ столичнымъ развлеченіямъ. Признаюсь, что они меня уже порядочно утомили. Передавъ свой абонементъ въ итальянскую оперу, я вся предалась оживленной перепискѣ съ женихомъ. И что это было за счастливое время, что за чудныя письма писалъ мнѣ мой идеальной женихъ! Какъ живо, какъ радостно чувствовала я свое счастіе! Когда среди суеты и пустоты житейской случится намъ встрѣтить человѣка, способнаго понимать насъ, раздѣлять наши взгляды и чувства, сколько отрады въ такой встрѣчѣ, сколько наслажденія приноситъ одинъ разговоръ съ такимъ человѣкомъ! Но насколько же выше счастье встрѣтить душу, не только сочувствующую намъ, но готовую раздѣлить съ нами всю жизнь: и трудъ, и радости, и печали. И это счастіе было мнѣ дано благимъ Провидѣніемъ, такъ чудно воспитавшимъ въ душѣ моей способность оцѣнить это счастіе. Какъ же было мнѣ не благодарить Господа?

Я уже въ первомъ письмѣ своемъ къ жениху просила его написать дядѣ и тетушкѣ, а также старшему брату въ Ярославль и просить ихъ согласія и благословенія, и они сердечно ему отвѣчали. Я же со своей стороны написала его матери и сестрѣ и получила отъ нихъ трогательно-нѣжныя письма.

Участіе, которое показывали мнѣ петербургскіе мои родные, а также родственники Гирса—Сульменевы и Литке, выражалось приглашеніями на обѣды, гдѣ пили здоровье жениха и невѣсты. Его, отсутствующаго, представлялъ братъ его Константинъ Карловичъ, котораго сажали рядомъ со мною. Послѣдній также созвалъ свой кружокъ, чтобы познакомить меня со своими друзьями, между прочимъ семействомъ Корфовъ, давно столь близкимъ съ Гротомъ по отношеніямъ, также со Шторхами, Кавелинымъ и др. Вообще вниманіе ко мнѣ и доброта моего будущаго деверя были выше всякой похвалы. Никогда ни отъ кого не видала я столько предупредительности и участія къ моему положенію, столько старанія быть пріятнымъ невѣстѣ своего брата. Къ брату же писалъ онъ письма, полныя трогательныхъ заботъ о его устройствѣ, давая практическіе совѣты, предлагалъ свои услуги, исполнялъ всѣ его порученія съ величайшей сердечностью, да и меня выручалъ во всѣхъ матеріальныхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ.

Я получала множество искреннихъ поздравительныхъ писемъ отъ родныхъ и знакомыхъ, даже изъ глуши провинціи. Но одинъ изъ дальнихъ родственниковъ, спѣсивый и богатый, но мало образованный помѣщикъ негодовалъ, что я иду за „нѣмца“ и выразился, что „у него на свадьбѣ вѣрно будутъ зажжены сальныя свѣчи“. Эту выходку я привожу только какъ рѣдкое исключеніе изъ общаго сердечнаго участія всѣхъ знавшихъ меня и всѣ обстоятельства моей жизни.

Когда начались оживленные переговоры о мѣстѣ и о срокѣ свадьбы, о пріѣздѣ Якова Карловича, то все это прошло не безъ волненій для меня, поставленной между естественнымъ желаніемъ Гирсовъ, чтобы свадьба не откладывалась и была въ ихъ домѣ, и до-

вольно рѣзкими требованіями дяди, чтобъ я вернулась къ нимъ и мы отложили бы свадьбу до лѣта у нихъ въ деревнѣ. Тетушка же жаловалась на недостатокъ средствъ, чтобы пріѣхать на свадьбу въ Петербургъ и невозможность оставить своего малютку одного. Сердце мое разрывалось между этими несогласимыми требованіями, и я тутъ, не смотря на свое счастіе, пролила не мало слезъ, читая недовольныя эти письма и отвѣчая на нихъ. Женихъ мой искалъ сообразоваться съ моими желаніями и предоставлялъ на мой выборъ три срока: сдѣлать свадьбу въ февралѣ въ Петербургѣ, послѣ Святой въ Москвѣ или лѣтомъ въ деревнѣ, давая почувствовать, что послѣднее для него наименѣе желательно. Наконецъ, убѣдительные доводы Гирса и К. К. Грота, которые написали жениху моему длинныя письма о томъ, чтобы не откладывать свадьбу, также мнѣніе братьевъ моихъ, находившихъ, что по запутаннымъ обстоятельствамъ дяди свадьба въ деревнѣ будетъ сопряжена съ разными неудобствами и для нихъ и для жениха,—все это одержало верхъ. Да и мысль добровольно поставить между мною и женихомъ тысячу верстъ разстоянія и почти четыре мѣсяца разлуки ужасала меня! Я написала, что рѣшаюсь на первый предложенный имъ срокъ. Тетушку же утѣшала обѣщаніемъ непремѣнно пріѣхать къ нимъ съ мужемъ въ деревню, а дядѣ представляла всѣ неудобства отлагать свадьбу и усиленно звала его пріѣхать благословить меня.

Одно изъ затрудненій для жениха моего было пріисканіе квартиры въ это время года, такъ какъ въ Гельсингфорсѣ общій срокъ найма и перемѣны квартиръ былъ въ октябрѣ. Но счастливый случай помогъ ему, и онъ нашелъ хорошенькую квартиру съ мебелью, а присылку нашей мебели мы отложили до весны съ пароходами. Это было въ домѣ Сильвер-

берга, недалеко отъ площади Финскаго стрѣлковаго батальона.

Императрица Александра Ѳедоровна еще разъ осчастливила меня своимъ милостивымъ вниманіемъ. Когда Гофманъ доложилъ ей о предстоящемъ счастливомъ устройствѣ судьбы моей, она поручила ему съѣздить меня поздравить Ея именемъ и сказать, чтобы я не заботилась о своемъ свадебномъ туалетѣ, что свадебное платье, цвѣты и вуаль будутъ мнѣ присланы отъ Ея Величества, и кромѣ того благоволила мнѣ назначить еще драгоцѣнный подарокъ.

Наконецъ, 7 февраля пріѣхалъ Яковъ Карловичъ, и день свадьбы назначенъ былъ на 24 февраля. Но дня за три до того, когда уже большая часть нашихъ вещей была уложена, Гофманъ пріѣхалъ объявить мнѣ, что императрица сама желаетъ благословить меня, и для этого я должна явиться на другой день въ институтъ, гдѣ она будетъ на экзаменѣ. У меня кромѣ свадебнаго и дорожнаго костюма все было уже уложено; пришлось вынуть приличное платье, и я поѣхала въ институтъ. Но императрицы не было: у нея заболѣли зубы и сдѣлался флюсъ. Вмѣсто нея была вел. кн. Марія Николаевна и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Послѣ первой половины экзамена былъ завтракъ для высочайшихъ особъ въ физической комнатѣ. Меня посадили между наслѣдникомъ и великой княгиней, и они оба милостиво обласкали меня и пили мое и жениха моего здоровье. Наслѣдникъ сказалъ, что лично хорошо знаетъ моего жениха и меня можно поздравить, что я выхожу за такого прекраснаго человѣка. Тутъ случился забавный эпизодъ: наслѣдникъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ мое здоровье, назвавъ меня по имени, и потомъ вдругъ запнулся, забывъ отчество Якова Карловича, и шепнулъ сидѣвшему напротивъ Я. И. Ростовцеву:

„напомни“. Тотъ же на первой буквѣ „Я“ такъ долго заикался, что наслѣдникъ поспѣшно назвалъ жениха моего Яковомъ Ивановичемъ, а великая княгиня съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Когда вернулись въ залу на вторую половину экзамена, ко мнѣ подошелъ Гофманъ и сообщилъ мнѣ что императрица, всетаки желая сама благословить меня, прислала за мной карету, чтобы ѣхать въ Аничковъ дворецъ. Гофманъ самъ меня проводилъ внизъ и усадилъ въ придворный экипажъ. Смущенная, я всходила на лѣстницу, гдѣ вверху уже ждала меня фрейлина Бартенева (старшая) и ввела меня въ покой императрицы. Она полулежала на кушеткѣ въ простенькомъ бѣленькомъ чепцѣ и съ подвязанной щекой. Посадивъ меня возлѣ своей кушетки, Ея Величество съ величайшей ласковостью и вниманіемъ разспрашивала меня о моемъ житьѣ у родныхъ послѣ выпуска, о моихъ занятіяхъ живописью, о чтеніяхъ и при этомъ шутя сказала, что я вѣрно незнакома съ сочиненіями своего жениха, а она все читала, такъ какъ имъ все де сообщалъ другъ его Плетневъ, и указала на лежащаго на столѣ Фритіофа и Современникъ, изъ которыхъ еще въ это утро просила Бартеневу почитать ей. Потомъ она нѣжно обняла меня и благословила. Растроганная, я благодарила ее за всѣ ея милости, и она на прощанье прибавила: „Vous allez presque en pays étranger, mon enfant. Restez bonne russe et ne cessez pas de nous aimer“...

За два дня до свадьбы пріѣхалъ дядя Михаилъ Николаевичъ Семеновъ со старшимъ братомъ Николаемъ Петровичемъ, только-что переведеннымъ изъ Ярославля прокуроромъ же въ Вильну. Дядя мой былъ посаженымъ отцомъ, а посаженой матерью— начальница Екатерининскаго института—Екатерина Владиміровна Родзянко (такъ какъ А. И. Гирсъ была

нездорова). У жениха посаженымъ отцомъ былъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, а посаженой матерью тетка его баронесса Рённе, рожденная Оффенбергъ, а шаферами были братья и со стороны жениха еще товарищъ его Комовскій.

Тутъ кстати сказать, что такъ какъ кашель мой все еще не проходилъ, что очень озабочивало моего милаго жениха тѣмъ болѣе, что мы тотчасъ послѣ свадьбы должны были пуститься въ дальній путь при 20-ти градусномъ морозѣ, то онъ охотно согласился на совѣтъ Гирса обратиться къ гомеопату Оксу, лѣчившему въ то время его жену. За нѣсколько дней до свадьбы Оксъ прописалъ мнѣ лѣкарство (Rhus tox.) по 4 раза въ день. Къ свадьбѣ кашля моего какъ не бывало, тогда какъ онъ не проходилъ ни отъ какихъ аллопатическихъ снадобій и мучилъ меня съ самаго ноября мѣсяца. Тутъ я впервые почувствовала нѣкоторое довѣріе къ гомеопатіи, такъ жестоко осмѣиваемой при мнѣ моими братьями-естественниками и другомъ ихъ Данилевскимъ, которые особенно любили дразнить сю мою тетушку, большую поклонницу гомеопатіи.

Вѣнчались мы въ церкви комерческаго училища у пяти угловъ (что нынче Маріинская гимназія) 24 февраля 1850 г. Вечеромъ же, послѣ родственнаго ужина у брата Константина Карловича Грота, мы уѣхали въ Гельсингфорсъ.

VI.

Жизнь въ Гельсингфорсѣ.

По пріѣздѣ нашемъ въ Гельсингфорсъ мы прямо проѣхали къ дому матери Якова Карловича, гдѣ старушка насъ встрѣтила растроганная до слезъ съ хлѣбомъ и солью. Я съ первой минуты отъ души

полюбила ее и чѣмъ болѣе узнавала ея горячую нѣжность къ неоцѣненному ея сыну, тѣмъ дороже она мнѣ становилась. Напоивъ насъ чаемъ она съ дочерью, съ которой я уже познакомилась въ Петербургѣ, проводили насъ на нашу квартиру, гдѣ маменька все время съ любовью и внимательностью устраивала все наше внутреннее хозяйство и наняла знавшую по-русски кухарку—мадамъ, какъ ихъ называли въ Финляндіи. Но сама она никогда не вмѣшивалась въ наше хозяйство, только иногда благодушно подсмѣивалась надъ моими первыми неопытными шагами въ немъ. Но во всѣ три года нашей жизни съ нею ни разу не пробѣжало между нами и тѣни неудовольствія или размолвки, и мужъ часто трогательно благодарилъ меня за такія отношенія къ доброй для него матери. Сестра была немножко строже и требовательнѣе, но я счастливо избѣгала столкновенія съ нею, обращала въ шутку ея иногда колкія критическія замѣчанія и не обижалась ими. Природная моя веселость и живость воскресли: я энергически и съ любовью принялась за мое маленькое хозяйство, для котораго образцомъ служило благоустройство, чистота и заботливость достойной старушки, моей свекрови, къ которымъ я не привыкла въ русскомъ не весьма аккуратномъ помѣщичьемъ домѣ дяди. Наши посѣщенія маменьки такъ оживляли ея тихую однообразную жизнь, что она старалась какъ можно чаще устраивать съ нами свиданія или у насъ, или у себя. Нельзя представить себѣ того радушія и удовольствія, съ какими гостепріимная старушка угощала насъ, и какой для нея былъ праздникъ, когда мы у нея обѣдали.

Три года, проведенные мною съ мужемъ въ Финляндіи, были счастливѣйшими въ моей жизни: точно я вступила изъ тьмы въ какой-то чудный свѣтъ,

изъ долгой подавляющей печали—въ радость. Кроткая неизмѣнная доброта, беззавѣтная любовь и внимательность моего мужа окружали меня такой атмосферой теплоты сердечной и мира, о какихъ я не могла мечтать въ самыхъ райскихъ сновидѣніяхъ. Испытанное горемъ сердце мое могло только отдыхать и проникаться безпредѣльною благодарностью къ Господу, такъ чудно направлявшему мою жизнь и незаслуженно взыскавшему меня Своею благостью.

Устроивши нашу жизнь въ Гельсингфорсѣ, мы не очень спѣшили дѣлать визиты, не смотря на интересъ и любопытство многихъ лицъ изъ тамошняго общества къ женитьбѣ Якова Карловича. Зная, до какой степени мнѣ это общество чуждо, онъ сначала считалъ нужнымъ познакомить меня съ обстоятельствами своей жизни и перехода въ Финляндію, съ отношеніями къ разнымъ лицамъ и семействамъ, прежде чѣмъ ввести меня въ этотъ совсѣмъ незнакомый для меня міръ. Мало-по-малу однако мы объѣхали всѣхъ его знакомыхъ, начавъ съ болѣе близкихъ и болѣе расположенныхъ къ Россіи и русскимъ. Таковы были, кромѣ Барановскихъ, у которыхъ мы прежде всѣхъ были, Армфельты, Клинковстремы, Гартманы, Котены, старики Валлены, Вульферты, Каульбарсы, Нордманъ (морякъ, позже адмиралъ, женатый на Вульфертъ), наконецъ, Крыжановская, сестра министра Перовскаго, которая къ намъ очень благоволила. Въ концѣ 1850-го года очень сдружились мы съ семействомъ графини Стенбокъ, которая, лишившись мужа и сына, а съ ними и маіората, переѣхала съ матерью, свекровью и шестью дочерьми изъ Эстляндіи на житье въ Гельсингфорсъ. Молодая графиня, примирившись съ судьбою, переносила ее бодро и съ покорностью волѣ

Провидѣнія, такъ же, какъ и мать ея, старушка Мореншильдъ. Но старая графиня Стенбокъ не могла забыть своихъ несчастій, и особенно полюбивъ насъ, сдѣлалась нашей частой посѣтительницей, говоря, что только у насъ она отдыхаетъ сердцемъ. Съ семействами генералъ-губернатора Рокасовскаго и губернатора и вице-канцлера Норденстама мы держались только на визитахъ и официальныхъ приглашеніяхъ. Съ нѣкоторыми изъ профессорскихъ семействъ финляндцевъ мы тоже обмѣнялись визитами, но, по моему незнанію шведскаго языка, который я осилила, впрочемъ, довольно быстро, и трудности, съ какою финляндцы вообще усваиваютъ чужіе языки, мнѣ трудно было сблизиться съ ними. Ближе другихъ были къ намъ ректоръ Рейнъ, Лундаль, Ельтъ и Ветергофъ. Съ семьею С. И. Барановскаго мы были очень близки. Онъ былъ большой добрякъ, но мало радѣлъ о своихъ прямыхъ обязанностяхъ и болѣе занимался изобрѣтеніемъ разныхъ механизмовъ, на которые разорялся и должалъ. Жена его была чрезвычайно милая, красивая и образованная женщина, но довольно флегматичная и мало хозяйственная, родомъ остзейка, урожденная Вистенгаузенъ.

Оба мы всего болѣе дорожили тихой домашней жизнью. Воспитанная въ суровой школѣ испытаній, я была чужда суетнымъ развлеченіямъ и понимала, что жена должна быть не только спутницей, но и помощницей своего мужа въ его трудахъ. Всю жизнь старалась я удалить отъ него всѣ мелочныя домашнія заботы, несвойственныя мужчинѣ, а тѣмъ болѣе не требовала отъ него поклоненія своей особѣ, чѣмъ, увы, многія изъ женщинъ портятъ свои семейныя отношенія. Меня, напротивъ, восхищала эта вѣрность мужа разъ избранному служенію умственнымъ интересамъ, и я гордилась внутренно, что онъ и меня

пріобщаетъ къ этой неустанной и благородной дѣятельности, такъ что я мало-по-малу становлюсь участницею его духовной жизни и занятій. Мужъ мой, видя мою дѣятельность и заботливость по хозяйству, скоро сложилъ съ себя всѣ домашнія матерьяльныя заботы и возвратился къ своимъ умственнымъ трудамъ съ спокойнымъ сердцемъ. Онъ издавалъ тогда свое „Руководство къ исторіи русскаго государства“ на шведскомъ языкѣ. Когда онъ занимался, я сидѣла съ работой въ своемъ маленькомъ кабинетикѣ, который онъ устроилъ мнѣ рядомъ со своимъ. Когда мы гуляли или катались въ чудные весенніе дни, онъ знакомилъ меня съ городомъ и окрестностями. По вечерамъ мы вмѣстѣ читали, такъ что время пролетало для меня, какъ сладкій сонъ. Я не только съ любовью, но съ какимъ-то благоговѣніемъ всматривалась въ нравственное совершенство моего друга. Его ровная неизмѣнная нѣжность ко мнѣ, его кротость и снисхожденіе къ людямъ, его замѣчательная скромность, болѣе того—смиреніе, которымъ онъ былъ проникнутъ при самыхъ высокихъ качествахъ ума и души, тѣмъ болѣе поражали меня и привязывали къ нему, что я до тѣхъ поръ не встрѣчала ничего подобнаго вокругъ себя. И могу сказать по совѣсти, что моя любовь къ нему и благоговѣніе къ его характеру и мудрости во всю нашу долгую супружескую жизнь не только не умалялись, но, если еще было возможно, росли во мнѣ до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Въ немъ я нашла все, что утратила въ дѣтствѣ и молодости: и отца, и мать, и всѣхъ, кого я любила и кого жизнь или смерть оторвала отъ моего сердца. И чѣмъ болѣе я теперь углубляюсь въ изученіе его жизни, тѣмъ ярче выступаетъ для меня ея цѣльность и праведность, тѣмъ глубже я чувствую свое недостоинство передъ этимъ свѣт-

лымъ идеаломъ человѣка! О, когда бы болѣе было на свѣтѣ такихъ искреннихъ нелицемѣрныхъ христіанъ по духу и жизни, какъ легко бы жилось человѣчеству!

Переписку съ близкими: братьями, Гирсами и Буниными вела я постоянно. Деверь мой съ прежней неизмѣнной добротой и предупредительностью исполнялъ всѣ мои маленькія порученія. Изъ Москвы получала я частыя письма отъ дяди и тетушки. Послѣдняя съ обычной живостью сообщала мнѣ все, что дѣлалось въ томъ мірѣ, гдѣ я провела первую молодость. Ея письма, писанныя на безукоризненномъ французскомъ языкѣ, отличались такою образцовою легкостью слога, у нея столько было воображенія и оригинальности, она такъ быстро переходила отъ одного предмета къ другому, такъ картинно изображала и людей и событія, что Яковъ Карловичъ былъ заранѣе заинтересованъ знакомствомъ съ нею. Самъ онъ не переставалъ переписываться съ другомъ своимъ Плетневымъ, который мечталъ провести лѣто въ Гельсингфорсѣ и просилъ мужа моего пріискать ему квартиру. Но это не устроилось по причинѣ намѣренія Жуковскаго пріѣхать изъ-за границы съ семьею на лѣто въ Ревель, да и наши планы ѣхать въ деревню къ дядѣ не позволили бы намъ провести лѣто съ ними.

Когда мужъ мой постомъ причащался съ матерью и сестрой, и я въ первый разъ была въ нѣмецкой церкви, меня сильно поразила простота лютеранскаго богослуженія и то просвѣщенное сознательно-духовное настроеніе, съ какимъ всѣ приступали къ Св. Таинству. Въ Свѣтлое же Воскресенье Яковъ Карловичъ былъ со мною у заутрени въ нашей русской церкви, небольшой и видимо не могущей вмѣстить всѣхъ прихожанъ. Уже въ концѣ нашего

пребыванія въ Финляндіи начали строить на скалѣ Скатуденѣ надъ моремъ новую русскую церковь, но, къ сожалѣнію, на одной изъ окраинъ города, почти внѣ его.

Первая моя разлука съ мужемъ была въ началѣ мая, когда онъ поѣхалъ на обычную инспекцію школъ. Хотя она продолжалась недолго, всего недѣли двѣ, но мнѣ она была тяжела, какъ-будто у меня навсегда отняли то благо, котораго цѣну я только-что узнала. Къ концу мая онъ вернулся, и мы стали помышлять о далекомъ путешествіи въ Рязанскую губернію, обѣщанномъ моимъ роднымъ.

Мы купили у барона Каульбарса подержаную двумѣстную карету и въ первыхъ числахъ іюня пустились въ путь. Квартиру свою мы не собирались отдавать внаймы и оставили на храненіе нашей кухаркѣ. Но въ Петербургѣ насъ отыскала старая моя знакомая—по Волконскимъ и дядѣ Замятину—Екат. Бор. Чичерина, достойная и замѣчательная по своей гуманности и образованію мать талантливаго ученаго Бориса Николаевича. Она выражала намъ большое сожалѣніе, что не застанетъ насъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ рѣшительно никого не знаетъ и куда ѣдетъ лѣчиться съ однимъ изъ сыновей и дочерью. Мы предложили ей на первый случай пристать у насъ, пока найдетъ квартиру, и снабдили ее письмомъ къ маменькѣ и сестрѣ. Но найдя въ нашей новенькой квартиркѣ всѣ удобства, она осталась въ ней на все время своего пребыванія въ Гельсингфорсѣ и непремѣнно пожелала заплатить за нее.

Остановившись въ Петербургѣ у брата Константина Карловича, который передъ тѣмъ былъ внезапно командированъ въ Олонецкую губернію, въ Вытегру, для какой-то ревизіи, мы однако дождались его и пробыли съ нимъ денекъ лишній.

Пріѣздъ нашъ въ деревню былъ радостно привѣтствованъ всей семьей дяди, и мы, по желанію моему, поселились въ томъ опустѣвшемъ домикѣ бабушки, гдѣ мы съ нею проживали первые годы послѣ моего выпуска и гдѣ она окружала меня такою нѣжностью, гдѣ столько за меня молилась! Счастіе мое было такъ полно! Я нашла того „вѣрнаго и серіознаго друга", котораго она мнѣ такъ желала. Онъ принесъ мнѣ счастіе и миръ душевный, онъ осушилъ слезы, которыя я здѣсь такъ часто проливала. Съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Господу и дивному Его промыслу, расположились мы въ этомъ скромномъ домикѣ, гдѣ все стояло, какъ при ней, гдѣ все было освящено для меня дорогими воспоминаніями! Невозмутимо наслаждались мы чудными прогулками по лѣсу и парку дяди, то одни, рано по утру, то въ обществѣ, всегда оживленной и веселой тетушки и ея молодежи. Впечатлѣніе, произведенное всей семьей на мужа моего, было самое пріятное. Онъ нашелъ въ этомъ домѣ не только родственное, радушное гостепріимство, но и много умственной жизни. Среди лѣта съѣздилъ онъ съ дядей и младшимъ братомъ въ небольшое тамбовское имѣніе мое и тамъ познакомился съ многочисленнымъ родствомъ нашимъ: Замятиными, Бланками, Павловыми и проч. Въ концѣ августа вернулись мы въ Гельсингфорсъ и проѣздомъ черезъ Петербургъ познакомилась я наконецъ и сблизилась съ семьей почтеннаго Петра Александровича Плетнева, съ Корфами, Шторхами, Ишимовой и другими друзьями Якова Карловича.

Уже весною съ пароходами прибыла изъ Петербурга наша мебель и фортепьяно, и вернувшись изъ деревни, мы переселились въ отдѣльный домъ-особнякъ, противъ старой лютеранской церкви, въ прекрасную

просторную квартиру (домъ Вассеніуса). Противъ дома, стоявшаго въ углубленіи отъ улицы, былъ хорошенькій городской скверъ, почти не посѣщаемый, которымъ мы пользовались, какъ собственнымъ садикомъ: лѣтомъ по вечерамъ сидѣли и читали и даже иногда пили чай тамъ съ маменькой. Кромѣ того, при домѣ на обширномъ дворѣ были всѣ необходимыя службы: сарай, конюшни, прачешная. И за все это мы платили 250 рублей въ годъ, и если прибавить, что домъ былъ заново для насъ отдѣланъ, то можно по этому судить о тогдашней дешевизнѣ въ Гельсингфорсѣ. Этотъ домъ существуетъ до сихъ поръ и былъ послѣ насъ купленъ у наслѣдниковъ Вассеніуса профессоромъ, позже сенаторомъ, Пальменомъ. Мы услышали, что онъ впослѣдствіи отдавался за 600, 800 и наконецъ за 1000 руб., а теперь, вѣроятно, цѣна еще возвысилась. Эта дешевизна позволяла намъ даже держать экипажъ и пару лошадей, и не только мы, но даже и маменька съ сестрой постоянно имъ пользовались.

Вернувшись въ Гельсингфорсъ, мы опять зажили своей тихой и счастливой жизнью. Переписка съ дядей и теткой продолжалась еще оживленнѣе прежняго. Недавно перечитала я эти интересныя письма, и здѣсь не лишнее будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. По нимъ могла я слѣдить не только за всѣмъ происходившимъ въ ихъ семьѣ, но и узнавала о всѣхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, о событіяхъ и сплетняхъ московскихъ, объ университетѣ и профессорахъ. Письма дяди сообщали болѣе о предпринимаемыхъ спекуляціяхъ для поправленія денежныхъ дѣлъ, о подрядахъ хлѣбныхъ, суконныхъ, винныхъ въ казну, для чего онъ входилъ въ компанію съ купцами. Кромѣ того, онъ намѣревался купить подмосковную, чтобы получать оттуда сѣно и дрова, и небольшой домъ

въ Москвѣ, чтобы не платить за квартиру. Для всего этого онъ безпрестанно разъѣзжалъ, хлопоталъ и все болѣе запутывалъ дѣла. Покупка подмосковной оказалась неудачна, и онъ, вывезя оттуда лѣсъ, началъ впослѣдствіи самъ постройку дома въ Москвѣ на Малой Бронной. А бѣдная жена его, постоянно нуждаясь, жаловалась на свое тяжелое положеніе, но сама то увлекалась вмѣстѣ съ нимъ надеждами на успѣхъ, то разочаровывалась и падала духомъ, предчувствуя конечное разореніе. Одно ее утѣшало: это книги, которыя она обильно получала изъ библіотеки Мухановыхъ. Она писала, что эти добрые друзья даютъ ей все, что она пожелаетъ, даже свои роскошныя изданія, такъ же, какъ и княгиня Долгорукая (рожд. Малиновская), вернувшаяся изъ-за границы и жившая въ то время въ Москвѣ. Чтобы дать понятіе объ этой страсти къ чтенію, я перечислю то, что въ теченіе зимы конца 1850 и начала 1851 гг. она перечитала. По возвращеніи въ Москву, она начала съ вѣка Людовика XIV и Вольтера (Капефига и друг. историковъ она читала ранѣе): языкъ Вольтера ей кажется страннымъ послѣ новѣйшихъ писателей. По-англійски она читаетъ одинъ изъ романовъ Вальтеръ-Скота и Давида Копперфильда Диккенса, тогда только-что появившагося, затѣмъ восхищается мемуарами d'outre-tombe, читаетъ вѣкъ Людовика XIV и регентство Людовика XV, Александра Дюма, этюды нравовъ и литературы въ Англіи Филарета Шаля XVIII и XIX вѣка, рекомендуя и намъ прочесть ихъ такъ же, какъ Жубера (Essais, pensées, maximes), говоря, что это совершенно въ духѣ Якова Карловича: мечтательно и идеально. Купивъ случайно за полцѣны „Отъ Парижа до Кадикса“ Дюма, она прибавляетъ, что хотя бы нечѣмъ жить, но нельзя обойтись безъ книгъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ

благородный вкусъ былъ для нея истинно утѣшеніемъ въ ея тяжелой долѣ. Кромѣ переписки съ нами, она находила большую отраду въ перепискѣ съ жившимъ въ то время въ изгнаніи въ Вологдѣ, освобожденнымъ изъ крѣпости, умнымъ и богатымъ свѣдѣніями Н. Я. Данилевскимъ. Изъ послѣднихъ грошей покупала она и посылала ему легкое чтеніе, такъ какъ онъ писалъ, что не въ состояніи читать ничего серіознаго—такія у него были головныя боли. Она сообщала намъ, что онъ очень скучаетъ, рвется изъ Вологды, боится потерять разсудокъ отъ радости, когда опять увидитъ Петербургъ, Москву, Осинники, Русскій Бродъ, имѣніе его будущей невѣсты и первой жены, вдовы Бекленишевой. Пишетъ тетушка и о московскихъ увеселеніяхъ, о Сальви, Фанни Эльслеръ, Маріо и Геркѣ Матіасъ, знаменитой танцовщицѣ, приводившей въ восторгъ всю Москву. Теперь, послѣ моего отъѣзда, сдѣлала она множество новыхъ знакомствъ и гораздо болѣе стала искать общества, чѣмъ прежде. Между прочимъ она сообщаетъ мнѣ, что въ Москвѣ гоститъ князь П. А. Вяземскій, бываетъ часто у Мухановыхъ и пишетъ впечатлѣнія своего путешествія на востокъ, а Грановскій читаетъ лекціи, на которыхъ присутствуетъ и множество дамъ. Изъ дѣтей ея старшій сынъ, Николай, кончалъ курсъ въ университетѣ, второй, Александръ, учился тогда въ Ярославскомъ лицеѣ, а дочка была очень болѣзненна, страдала глазами и мало могла заниматься. Но самыя нѣжныя строки посвящала она малюткѣ-сыну Павлу, съ восторгомъ описывая мнѣ всѣ фазисы его развитія. Въ эту зиму наслѣдникъ Александръ Николаевичъ пріѣзжалъ въ Москву, и дядя ѣздилъ благодарить его за то, что младшій сынъ его былъ записанъ въ пажи. Теперь и мужъ мой, узнавшій всю семью, съ большимъ интересомъ читалъ со мною всѣ эти письма.

Уже въ концѣ 1850 года вице-канцлеръ университета Норденстамъ поручилъ мужу перевести проектъ новаго устава университета съ шведскаго на русскій, а около того же времени Давыдовъ обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ просмотрѣ словаря Академіи Наукъ. Всѣ эти работы вмѣстѣ съ печатаніемъ Русской Исторіи на шведскомъ языкѣ поглощали у него много времени. Но мы продолжали въ свободныя минуты читать вмѣстѣ русскихъ писателей, а также Тепфера, Араго (Souvenirs d'un aveugle) и пр. Маменька и сестра переселились на новую квартиру неподалеко отъ насъ. Мы еще чаще стали съ ними видѣться и дѣлиться экипажемъ. Сестра Роза Карловна, по смерти коменданта Вульферта особенно сдружившаяся съ его дочерью Александрой Ивановной, часто приводила ее къ намъ, и она, полюбивъ меня, сдѣлалась какъ-бы другомъ нашего дома. Еще принадлежала къ нашему семейному кружку вдова Линка, двоюроднаго брата моего мужа, женившагося на финляндкѣ. Она была прекраснѣйшая, добрѣйшая женщина и имѣла маленькую дочку, также Розу Карловну: средства ея были очень ограничены, и все семейство Гротовъ ей помогало и ласкало ихъ.

30 декабря праздновали 25-ти лѣтіе канцлерства наслѣдника. Въ университетѣ было большое торжество. Рѣчь профессора Ильмони произвела прекрасное впечатлѣніе. Якову Карловичу поручено было перевести программу ректора, рѣчь Ильмони и стихи Цигнеуса на русскій языкъ и кромѣ того составить на французскомъ языкѣ адресъ канцлеру. Но это торжество ознаменовалось и прискорбнымъ эпизодомъ. Новый вице-канцлеръ Норденстамъ дѣлалъ въ университетѣ много нововведеній, чѣмъ возстановилъ противъ себя студентовъ, и они не пошли

вечеромъ на офиціальный балъ, данный Норденстамомъ въ той же университетской залѣ. Этой исторіи нельзя было скрыть, и 40 студентовъ были назначены къ исключенію изъ университета. Но въ мартѣ прибылъ въ Гельсингфорсъ самъ канцлеръ-наслѣдникъ и привезъ имъ прощеніе, произнеся трогательно-добрую рѣчь къ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручилъ Кастрену бумагу съ назначеніемъ его профессоромъ по новой каѳедрѣ финскаго языка.

Эту зиму 1850—51 года провелъ въ Гельсингфорсѣ музыкантъ В. А. Кологривовъ. Жена его, дочь генерала Пенскаго, была очень слабая и болѣзненная женщина, но отличная музыкантша. Онъ былъ человѣкъ общительный и веселый, часто у насъ обѣдалъ и проводилъ вечера, тогда какъ она по слабому здоровью посѣщала насъ рѣже. Пріобрѣтя расположеніе тамошняго общества участіемъ въ университетскихъ концертахъ и безплатнымъ обученіемъ нѣкоторыхъ студентовъ игрѣ на віолончели, онъ передъ отъѣздомъ далъ концертъ въ пользу учрежденія въ Гельсингфорсѣ музыкальной школы. Любители музыки дали ему вечеръ, на которомъ поднесли богатую серебряную кружку.

Свѣтлый праздникъ мы опять встрѣтили вмѣстѣ въ русской церкви. Лѣтомъ мы рѣшились остаться въ Гельсингфорсѣ, чтобы пользоваться морскими купаньями. Прекрасное заведеніе водъ съ большимъ зданіемъ для теплыхъ ваннъ и паркомъ представляло большія удобства къ тому. Правда, мы жили почти на противоположномъ краю города, но, имѣя экипажъ, мы могли туда ѣздить спокойно, такъ же какъ и наслаждаться другими прогулками за городомъ, а домъ нашъ стоялъ на такомъ просторномъ мѣстѣ со скверомъ впереди, что мы жили точно въ деревнѣ и могли цѣлые часы сидѣть на воздухѣ. Но до на-

чала купальнаго сезона въ маѣ мы собрались вмѣстѣ на обычное путешествіе Якова Карловича по Финляндіи для осмотра училищъ. Мы воспользовались для этого купленной нами передъ поѣздкой въ деревню двухмѣстной каретой. Правда, что мы, уже возвращаясь въ Гельсингфорсъ, испытали опасность ѣзды въ большомъ экипажѣ по узкимъ финляндскимъ дорогамъ и безпрестаннымъ горамъ. Невыѣзжанныя лошади и неумѣлые ямщики разъ чуть не спустили насъ въ пропасть, черезъ которую шелъ закругляющійся мостъ, но мы ударились о перила его съ такой силой, что дышло сломалось пополамъ, а мостъ выдержалъ—такъ прочны всѣ финляндскія постройки и такъ тщательно содержатся всѣ дороги. Поэтому я была склоннѣе ѣхать въ старой маленькой триллѣ (родъ крытой пролетки). Но мой мужъ и слышать не хотѣлъ, чтобы я подвергалась весенней непогодѣ въ суровомъ финскомъ климатѣ. Мы взяли съ собой своего вѣрнаго русскаго слугу Василія, бывшаго моего крѣпостного, котораго въ годъ свадьбы мы отпустили на волю и оставили въ Петербургѣ; онъ однакожъ былъ такъ преданъ семьѣ нашей, что пожелалъ ѣхать съ нами въ Гельсингфорсъ въ послѣдній нашъ проѣздъ черезъ Петербургъ изъ деревни. Это былъ тотъ самый мальчикъ, сынъ повара, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ домѣ Сазонова, ставилъ намъ, мнѣ и брату Петру Петровичу, самоваръ, когда отецъ его, напившись, оставлялъ насъ безъ обѣда. Онъ былъ рослый и крѣпкій парень и, умудренный прежнимъ путешествіемъ, тотчасъ бралъ въ руки возжи, какъ скоро попадался неумѣлый чухна, и правилъ самъ почти всю дорогу, особливо по горамъ.

Это путешествіе оставило мнѣ на всю жизнь одно изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній. Новизна для меня этихъ картинокъ меланхолической природы

Финляндіи, счастье путешествовать и раздѣлять свои впечатлѣнія съ безпредѣльно любимымъ человѣкомъ, радушіе, съ которымъ насъ вездѣ встрѣчали, и всеобщее сочувствіе и уваженіе къ мужу моему,— все тутъ соединялось, чтобъ сдѣлать для меня эти счастливые дни навсегда памятными. Дикая красота финляндской природы поражала меня. Ея угрюмыя скалы, нескончаемые лѣса, свѣтлыя озера, часто походящія на безбрежныя моря, грандіозные пѣнящіеся водопады и кругомъ какая-то царственная тишина,—все это произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе. Мы выѣхали 9-го мая и направились черезъ Борго и Выборгъ мимо имѣнія князя Меншикова Аньялу—къ Иматрѣ, а потомъ, проѣхавъ черезъ Пунгахарью (Свиной хребетъ) на Саймѣ, объѣхали восточную Финляндію до Нейшлота, Куопіо, Сердоболя, Кегсгольма и обратно черезъ Выборгъ и Борго вернулись въ Гельсингфорсъ. Въ Борго познакомилась я съ Рунебергомъ, который пришелъ къ намъ, и мы провели нѣсколько пріятныхъ минутъ съ нимъ, при чемъ онъ мило, просто и сердечно обошелся со мною, какъ съ женою его друга, и очень смѣялся моимъ опытамъ говорить съ нимъ по-шведски. Къ сожалѣнію, онъ спѣшилъ на урокъ въ гимназію, а мы—въ путь, и мы обѣщали другъ другу болѣе продолжительное свиданіе на обратномъ пути. Тогда мы провели съ нимъ цѣлый вечеръ, и онъ поднесъ мнѣ полное собраніе своихъ сочиненій съ надписью. Его простота, сердечность и веселость пришлись мнѣ по душѣ, а дружба его къ Якову Карловичу еще болѣе меня расположила къ этому патріархальному мудрецу-поэту; а онъ звалъ насъ пріѣхать когда-нибудь подолѣе погостить у него въ Борго. Въ Выборгѣ пробыли мы два дня и много гуляли въ саду барона Николаи Monrepos, который уже въ

пріѣздъ мой осенью изъ деревни восхищалъ меня величавостью своихъ размѣровъ и природы. Уже Кюменьскій водопадъ, близъ Аньялы, былъ для меня, обитательницы степныхъ и безлѣсныхъ равнинъ Россіи, невиданнымъ чудомъ, но какъ описать силу впечатлѣнія, произведеннаго на меня грандіозной, ревущей яростью Иматры, которую мы осматривали со всѣхъ пунктовъ и во всѣ часы дня и вечера, такъ какъ мы остались ночевать тамъ. Долго не могла я уснуть отъ шума водопада, который стоялъ тогда во всей своей дикой первобытности, не возмущаемый многолюдствомъ посѣтителей и жадностью эксплоататоровъ. Переѣздъ черезъ Свиной хребетъ (Punga-harjo), длинный, узкій кряжъ, переброшенный самой природой въ видѣ моста черезъ озеро Сайму съ крутыми отвѣсными краями, упирающимися въ озеро, и весьма узкой дорогой, былъ не безопасенъ для большого экипажа, которымъ все время правилъ, лавируя искусно на безпрестанныхъ поворотахъ, нашъ ловкій слуга. Но мы все-таки часто должны были изъ осторожности выходить изъ экипажа и итти пѣшкомъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Нейшлотѣ, увѣряли насъ, что карету видѣли тамъ впервые отъ сотворенія міра—такъ велика была тогда глушь и бѣдность внутри Финляндіи. Школьники изъ класса тотчасъ устремлялись къ экипажу, влѣзали въ него по очереди, чтобы все разсмотрѣть до мельчайшихъ подробностей. Чѣмъ болѣе мы углублялись внутрь страны, тѣмъ забавнѣе было видѣть, какія толпы любопытныхъ притекали къ тѣмъ избамъ, гдѣ намъ приходилось остановиться, чтобъ пообѣдать или напиться кофе или молока, такъ какъ самоваръ по большей части былъ тамъ рѣдкостью. Всѣ окна и двери были окружены зрителями, и какъ мы ни

затворяли дверь, она потихоньку начинала отворяться, и любопытные взоры слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Но патріархальность и добродушіе финновъ примиряли насъ съ этимъ, и мужъ мой, со свойственною ему шаловливостью и юморомъ, потѣшалъ ихъ разными шуточками на финскомъ языкѣ. Честность, опрятность крестьянъ и дешевизна припасовъ, при всей ихъ бѣдности, поражали меня даже по сравненію съ Гельсингфорсомъ. Они ставили намъ на столъ все, что у нихъ было лучшаго: молоко, сливки, превосходное масло и творогъ, яйца, вареный картофель, и на вопросъ, что мы имъ должны, требовали гривенника, рѣдко пятиалтыннаго, а когда мы давали болѣе, они трогательно выражали свою благодарность. Въ Сердоболѣ принималъ насъ съ особеннымъ радушіемъ старичекъ пасторъ Фабриціусъ. Намъ отвели великолѣпную большую спальню съ нарядными постелями. Одѣяла и чехлы на подушкахъ были на розовой подкладкѣ, передъ каждой постелью на столикѣ стоялъ графинъ съ водой и рядомъ графинъ съ молокомъ по обычаю финляндскому. Угощали насъ чудной рыбой и прекраснымъ обѣдомъ и пили наше здоровье шампанскимъ. Здѣсь впервые познакомилась я съ внутренней жизнью финляндцевъ. Пріятно было видѣть ихъ скромную, неприхотливую патріархальность, соединенную съ безукоризненной опрятностью во всей обстановкѣ. У пастора Фабриціуса увидѣла я впервые широкое финляндское качальное кресло для двухъ лицъ. На немъ послѣ обѣда обычно сидѣли, бесѣдуя и покачиваясь, добрые старички, мужъ съ женой, и приглашали насъ послѣдовать ихъ примѣру.

Когда мы воротились въ Гельсингфорсъ, на рейдѣ стоялъ еще великій князь Константинъ Николаевичъ. Яковъ Карловичъ, зная бывшихъ съ нимъ Голов-

нина и Гольдгоэра, поѣхалъ на пароходъ и былъ представленъ великому князю запросто, когда онъ вошелъ въ каюту, гдѣ всѣ они сидѣли въ дружеской бесѣдѣ.

На лѣто (1851 г.) наѣхало въ Гельсингфорсъ много русскихъ, но мы избѣгали новыхъ знакомствъ и кромѣ старичковъ Бутковыхъ, которые насъ посѣщали, мы сошлись всего ближе съ знакомымъ мнѣ по дѣтству и молодости черезъ дядю Замятина и княгиню Волконскую—семействомъ Александра Ивановича Сабурова. Съ ними было семь человѣкъ дѣтей—четыре сына, изъ которыхъ старшій Петръ (позже дипломатъ) былъ лицеистъ, и три дочери, очень милыя дѣвушки. Мать семейства, Александра Петровна, была образованная, милая, привѣтливая и сердечная женщина, и мы съ ней такъ сошлись, что потомъ довольно долго переписывались и позже поддерживали знакомство и въ Петербургѣ. Она была очень заботлива и внимательна къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей, и старшіе сынъ и дочь уже замѣчательно выдавались способностями и познаніями. Они наняли на минеральныхъ водахъ прекрасную виллу съ башней, стоявшую на горѣ, надъ моремъ, противъ Свеаборга, и мы часто съ ними видѣлись, предпринимая вмѣстѣ прогулки по окрестностямъ и поѣздки по морю и въ Свеаборгъ. Всей компаніей приходили они часто къ намъ вечеромъ къ чаю, насъ звали къ себѣ обѣдать, и тамъ встрѣчались мы съ Карамзинымъ, мужемъ Авроры, постояннымъ партнеромъ Александра Ивановича, любившаго поиграть въ карты. Разъ, когда мы были приглашены къ обѣду, чтобы потомъ съ башни ихъ виллы смотрѣть на солнечное затменіе и отослали домой экипажъ, въ наши открытыя окна забрался воръ. Поспѣшно похвативъ со столовъ все, что ему пригля-

нулось, онъ завязалъ добычу въ узелъ, потомъ пробрался въ послѣднюю туалетную комнату Якова Карловича и, вытащивъ кое-что изъ бѣлья и платья, собирался уже уйти тѣмъ же путемъ, но соблазнился еще одними серебряными подсвѣчниками, и вынимая свѣчу, какъ-то неосторожно звякнулъ стеклышкомъ. Обѣдавшіе въ кухнѣ люди, услышавъ звукъ этотъ, бросились въ комнаты, а лакей догадался обѣжать кругомъ на улицу. Кучеръ, увидѣвъ, что воръ выпрыгнулъ въ окно, послѣдовалъ за нимъ, но онъ былъ уже въ рукахъ слуги, задержавшаго его. Люди безъ насъ дали знать полиціи, которая отобрала у него вещи и арестовала его. Когда мы вернулись домой и узнали о происшествіи, Яковъ Карловичъ пошелъ взглянуть на вора,—увы! къ сожалѣнію, это былъ русскій солдатикъ изъ сосѣднихъ намъ Абовскихъ казармъ, и какъ ни жаль намъ было его но ничего нельзя было сдѣлать: онъ долженъ былъ подвергнуться заслуженной карѣ.

Лѣтомъ читали мы по-нѣмецки переписку Гумбольдта съ знакомой, сочиненіе высоко-философскаго характера, въ которомъ трактуются самые важные и существенные вопросы жизни; тогда же появилась 2-я книжка Русской Исторіи Якова Карловича на шведскомъ языкѣ, въ которой изложены событія до единодержавія Петра Великаго.

Братъ Константинъ Карловичъ былъ это лѣто за границей, гдѣ встрѣтился съ Корфами. Въ августѣ явился къ намъ любимецъ П. А. Плетнева, докторъ Нордстрёмъ, другъ дома, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ. Онъ поѣхалъ отъ насъ въ Вильманстрандъ, Таммерфорсъ и на Иматру и вернулся въ восторгѣ отъ всего видѣннаго.

10-го августа прибылъ къ намъ давно ожидаемый нами старшій братъ мой Николай Петровичъ Семе-

новъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Осинниковъ, гдѣ въ это лѣто собрались опять старичекъ Бунинъ съ дочерьми, Гирсы и, наконецъ, дядя Николай Николаевичъ съ семьей. Послѣдніе, за неимѣніемъ мѣста для всѣхъ, жили въ нашемъ миломъ Урусовѣ у брата. Урожай въ этотъ годъ былъ необыкновенный. Старшій братъ давно уже обѣщалъ навѣстить насъ въ Гельсингфорсѣ. Радость наша была тѣмъ живѣе, что мы все сильнѣе сознавали себя на чужбинѣ. Все чаще говорилъ Яковъ Карловичъ о своемъ желаніи вернуться на родину. „Но маменька!“ воскликалъ онъ, вспоминая съ умиленіемъ, какъ она все бросила, чтобъ слѣдовать за нимъ. Онъ такъ радовался, что ей такъ хорошо и покойно жилось въ Финляндіи, а разстаться съ нею для него было немыслимо, и мы умолкали.

Теперь пріѣздъ брата необыкновенно оживилъ нашу старушку, и она очень съ нимъ сдружилась. Она звала его часто къ себѣ обѣдать съ нами и гостепріимно угощала его, а мы почти ежедневно звали ихъ къ себѣ. Веселый характеръ брата, его рѣдкое добродушіе, остроумные смѣшные анекдоты и разсказы его, что и въ Ярославѣ расположило къ нему все общество,—необыкновенно развеселяли добрѣйшую старушку. Братъ прожилъ у насъ почти мѣсяцъ, мужъ мой очень сошелся съ нимъ, найдя въ немъ человѣка разносторонне-образованнаго, и они часто занимались польскимъ языкомъ, который братъ началъ изучать въ Вильнѣ, и вмѣстѣ читали Мицкевича. Какъ любителя ботаники, онъ познакомилъ его съ нѣкоторыми финляндскими естествоиспытателями, особливо съ Нордманомъ.

Братъ поѣхалъ отъ насъ къ мѣсту служенія своего въ Вильну, а вскорѣ послѣ того мы получили извѣстіе о скорой женитьбѣ младшаго брата моего

Петра Петровича на Вѣрѣ Александровнѣ Чулковой. Она была дочь Лебедянскаго предводителя дворянства. Брату было всего 24 года, и эта свадьба была для насъ совершенной неожиданностью. Вѣра Чулкова была сиротою и жила не у овдовѣвшаго отца своего, а у тетки, сестры своей матери, Екатерины Михайловны Карѣевой, которая и воспитала ее. И мы нѣсколько ее знали, видѣвъ ее въ гостяхъ въ Осинникахъ въ послѣднюю нашу поѣздку туда. Жили они верстахъ въ двѣнадцати отъ Осинниковъ и въ пяти отъ Урусова. Тетушка Анна Александровна описывала мнѣ невѣсту, какъ прекрасную дѣвушку, полюбившую брата со всѣмъ пыломъ молодой, горячей души. И я нашла въ ней позже сердечную и нѣжную сестру. Но, увы! недолго наслаждался братъ своимъ счастіемъ. Рано покинула эту жизнь милая жена его, умершая отъ наслѣдственной чахотки въ Петербургѣ, весною 1853 года, именно въ годъ переселенія нашего туда изъ Финляндіи, оставивъ брату, теперь 26-тилѣтнему вдовцу, трехмѣсячнаго сына Дмитрія. Но не будемъ забѣгать впередъ. Послѣ свадьбы брата, состоявшейся только въ ноябрѣ, по причинѣ отсутствія дяди, достраивавшаго свой домъ въ Москвѣ, молодые остались первую зиму на житье въ деревнѣ. Братъ занимался тогда переводомъ и дополненіемъ Риттеровой Азіи по порученію Географическаго общества. Я уже упомянала на основаніи писемъ тетки, какъ Данилевскій, проживая въ Вологдѣ, стремился оттуда въ милыя для него мѣста, между прочимъ, въ Русскій Бродъ, гдѣ жила Вѣра Николаевна Беклемишева, будущая жена его. Теперь она пріѣхала въ Москву, и тетушка часто съ нею видѣлась. Данилевскій передъ тѣмъ просился въ отпускъ по случаю опасной болѣзни матери, но онъ такъ долго не могъ получить его, что, увы! оно пришло, когда матери его уже не было въ живыхъ. Ему дали двухмѣсячный отпускъ съ

тѣмъ, однако, что онъ долженъ былъ опять вернуться въ мѣсто ссылки. Бракъ его съ Вѣрой Николаевной за это время уже былъ рѣшенъ, и она собиралась ѣхать къ нему въ Вологду. Кузина моя, Ольга Корсакова, съ которой мы въ дѣтствѣ и въ молодости жили подъ однимъ кровомъ, въ концѣ этого 1851 года уѣхала изъ дома дяди въ Воронежъ и тамъ вышла замужъ за офицера Воронежскаго кадетскаго корпуса—Жохина, остзейца по происхожденію. 1852 годъ былъ для насъ знаменателенъ по важнымъ событіямъ и перемѣнамъ въ нашей жизни. Это былъ годъ рожденія нашего первенца (18 апрѣля) и годъ кончины дорогой маменьки Якова Карловича (24 августа).

Съ осени (въ ноябрѣ 1851 г.) я почувствовала себя нездоровою, и старый пріятель моего мужа, докторъ Гартманъ-отецъ, нашелъ нужнымъ посовѣтовать мнѣ пролежать недѣли четыре безъ движенія изъ предосторожности. Маменька и сестра неблагосклонно смотрѣли на такой совѣтъ и подсмѣивались, когда увидѣли, что я рѣшилась подчиниться приговору доктора, что при живости и подвижности моей было для меня нелегко. Вотъ тутъ-то я испытала безграничную любовь и нѣжную заботливость моего мужа. Несмотря на свои многочисленныя занятія, онъ всячески старался усладить мнѣ это скучное лежанье. Онъ переселялся ко мнѣ со своею работой, читалъ мнѣ громко интереснѣйшія новинки литературы: между прочимъ, мы прочли въ это время всю Одиссею Жуковскаго и Иліаду Гнѣдича. Это было время особеннаго духовнаго сближенія нашего. Обмѣниваясь со мною мыслями, Яковъ Карловичъ посвящалъ меня такимъ образомъ въ самую глубину своей внутренней жизни и своего міровоззрѣнія. Оно было такъ полно чести и добра, высокихъ и твердыхъ правилъ и убѣжденій нравственныхъ, вѣры въ мудрый

и благостный Промыслъ, всѣмъ управляющій по неизмѣннымъ законамъ—не въ одномъ только мірѣ вещественномъ, но и въ мірѣ духовномъ, что мнѣ радостно было сознавать, какъ мы во многомъ одинаково мыслили и чувствовали. Я находила подтвержденіе всего того, чему меня научили горькія испытанія и сиротство мое. Въ эту эпоху онъ писалъ Плетневу, спрашивавшему, что онъ читаетъ, пишетъ, съ кѣмъ говоритъ *): „Съ кѣмъ говорю? говорить дѣльно здѣсь довольно трудно. Ученые углублены каждый въ свой предметъ и рѣдкій работаетъ по призванію; общество крайне суетно и погрязло въ самыхъ мелкихъ интересахъ. Остается для дѣльнаго разговора только жена, которая и замѣняетъ мнѣ всѣ рессурсы общества". Послѣ шестинедѣльнаго лежанья я встала и чувствовала себя прекрасно, такъ-что мы возобновили съ мужемъ свои обычныя длинныя прогулки.

Уже въ началѣ года возобновились слухи о перемѣнахъ въ статутахъ, особливо по преподаванію русскаго языка въ университетѣ, и Яковъ Карловичъ рѣшился по этому поводу черезъ графа Армфельта подать записку канцлеру и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Плетнева при случаѣ упомянуть ему, что вопросъ этотъ требуетъ скораго рѣшенія, ибо неопредѣленность его отзывается на занятіяхъ студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ необходимымъ освободить инспекцію по преподаванію русскаго языка въ краѣ отъ подчиненія духовнымъ консисторіямъ, тормозящимъ успѣхи его, и передать это дѣло въ вѣдѣніе русскихъ властей. Но записка эта нашла противодѣйствіе въ помощникѣ Армфельта Фишерѣ, поставленномъ туда княземъ Мен-

*) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 587.

шиковымъ, помимо законныхъ на то правъ честнаго и достойнаго Путяты.

Работая по Словарю по порученію Русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Яковъ Карловичъ продолжалъ переводить статуты, трудъ огромный и скучный, но за который, по словамъ Нордстама, онъ долженъ былъ получить особое вознагражденіе. Также послалъ онъ для „Извѣстій Академіи“ переводъ писемъ Кастрена.

Читая по вечерамъ вмѣстѣ „Племянницу“ Евгеніи Туръ, мы интересовались знать, кто пишетъ подъ этимъ псевдонимомъ, и узнали отъ знакомой мнѣ по Рязани М-me Ржевской, урожденной Мартыновой, жившей почему-то зиму въ Гельсингфорсѣ и посѣщавшей насъ, что подъ этимъ именемъ пишетъ графиня Сальясъ. Та же Ржевская, родная сестра Мартынова, убившаго на дуэли Лермонтова, сообщила намъ подробный разсказъ о томъ, какъ это все случилось. Яковъ Карловичъ со словъ ея записалъ этотъ разсказъ и сообщилъ его Плетневу.

Въ это время мужъ мой былъ сильно огорченъ серіозной и неизлѣчимой болѣзнью Кастрена, знаменитаго своими путешествіями для изученія алтайскихъ языковъ. Онъ видимо угасалъ (отъ рака желудка), и не было средствъ спасти его. Часто ходилъ Яковъ Карловичъ навѣщать бѣднаго больного, котораго это утѣшало и ободряло. Кромѣ пріязни и ученыхъ интересовъ, сближавшихъ ихъ, мужъ мой видѣлъ въ немъ единственнаго изслѣдователя алтайскихъ нарѣчій, которому по любви къ дѣлу, упорному трудолюбію и подготовкѣ къ своей задачѣ не было замѣстителя въ цѣломъ мірѣ. По кончинѣ его Яковъ Карловичъ писалъ Плетневу: „Для филологическаго сообщенія былъ у меня Кастренъ,—теперь и его нѣтъ“.

Въ этомъ же году Россія понесла тяжелую утрату: умеръ Гоголь въ Москвѣ, и мнѣ оттуда писали: „Отпѣваніе было въ университетѣ. Гробъ несли прежде профессора, а потомъ ихъ смѣнили студенты, которые несли гробъ на рукахъ до самаго Данилова монастыря, гдѣ онъ положенъ рядомъ съ поэтомъ Языковымъ. Графиня Ростопчина шла пѣшкомъ всю дорогу.“ Въ томъ же письмѣ о послѣдней говорится: „теперь она одна пишетъ и стихи и романы, которые цензура не пропускаетъ, и Ростопчина сильно съ нею воюетъ.“ Въ московскихъ журналахъ печатались о Гоголѣ хорошія статьи и біографіи, а въ петербургскихъ, по словамъ Плетнева, цензура придиралась ко всему, что говорилось въ похвалу ему.

19-го апрѣля Яковъ Карловичъ писалъ Плетневу: „Спѣшу тебѣ сообщить нашу семейную радость: вчера въ 10-мъ часу утра Богъ далъ намъ сына, котораго мы назовемъ Николаемъ [1]) въ честь старшаго моего шурина, принесшаго намъ счастье своимъ посѣщеніемъ прошлую осень... Я пережилъ самые ужасные часы на своемъ вѣку; но за то настала и блаженнѣйшая минута, когда мнѣ возвращена была жена, и возлѣ нея я увидѣлъ прелестнаго младенца. И мать и сынъ слава Богу здоровы“. Крестила нашего первенца маменька и заочно братъ Константинъ Карловичъ и дядя, а за нихъ нашъ добрый домашній докторъ Миквицъ. Постороннихъ никого не было. Трудно описать радость старушки, когда она держала на рукахъ давно желаннаго перваго внука. При этомъ случаѣ она глубоко меня тронула и показала всю благородную возвышенность своего характера и горячность чувства. Когда она, по окон-

[1]) Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ Московскаго университета, † 23 мая 1899 г.

чаніи службы, передала мнѣ новокрещеннаго внука, то, обливаясь слезами, поклонилась мнѣ до земли, благодаря меня, что я сохранила младенца вопреки ея совѣтамъ *не лежать*, и тѣмъ доставила ей отраду видѣть внука отъ нѣжно-любимаго сына и принять его во святомъ крещеніи. И какъ-же нѣжная бабушка наслаждалась имъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни!

Въ апрѣлѣ узнали мы съ прискорбіемъ изъ газетъ о смерти Жуковскаго, и Яковъ Карловичъ тотчасъ подумалъ о Плетневѣ, который такъ любилъ его, и просилъ его сообщить ему подробности о кончинѣ поэта. Около того же времени скончался и страдалецъ Кастренъ.

Статья Плетнева въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ о Жуковскомъ была съ великимъ участіемъ прочтена нами, и Яковъ Карловичъ побуждалъ его напечатать хоть выдержки изъ письма къ нему Рейтерна. Плетневъ поспѣшилъ прислать намъ статью Базарова о послѣднихъ дняхъ Жуковскаго, о которой Яковъ Карловичъ выразился, что „это драгоцѣнность для литературы“. Статью Плетнева въ Современникѣ мы тоже прочли вмѣстѣ, и Я. К. особенно одобрялъ то, что Плетневъ затрогиваетъ общепринятыя ложныя понятія и опровергаетъ ихъ. Онъ очень радовался, что тѣло Жуковскаго будетъ перевезено въ Россію.

Въ это время новая редакція Современника вызывала Якова Карловича на сотрудничество, но когда онъ отвѣчалъ согласіемъ, она молчала на нѣкоторые вопросы его. Между тѣмъ, у него было кое-что конченное, другое—начатое, и онъ, сомнѣваясь въ ихъ искренности, писалъ Плетневу, что, если они будутъ еще медлить отвѣтомъ, то это докажетъ, что они, можетъ быть, не желаютъ его статей.

Некрасовъ писалъ ему, что имъ особенно нужны статьи о старинной литературѣ, и Яковъ Карловичъ могъ бы о ней доставить многое. „Но, конечно, я не слишкомъ хлопочу о такомъ сотрудничествѣ“, писалъ онъ Плетневу, „и не желаю стѣсняться какимъ-либо обязательствомъ“.

Въ эту же эпоху Плетневъ обратился къ Якову Карловичу съ просьбой написать для него свою автобіографію и задалъ ему точные вопросы, о чемъ онъ долженъ преимущественно распространяться. Вообще совѣтовалъ ему заняться своей полной и подробной біографіей въ назиданіе сыну. Яковъ Карловичъ отвѣчалъ ему, что автобіографія—вещь весьма трудная, ибо не всегда человѣкъ бываетъ безпристрастнымъ къ самому себѣ. Однако, уступая настоянію друга, онъ набросалъ для него главныя событія первой половины своей жизни, а я просила Плетнева по прочтеніи прислать мнѣ эти листки, чтобъ переписать ихъ для себя. Изъ этихъ-то листковъ и составились „Автобіографическія замѣтки“, которыя вошли въ напечатанную мною въ 1895 г. книжку: „Яковъ Карловичъ Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ“. О подробной же автобіографіи Яковъ Карловичъ выражалъ такое мнѣніе: „Сколько я ни читалъ автобіографій, всегда находилъ ихъ болѣе или менѣе самовосхваленіями, и надо, чтобъ авторъ былъ въ самомъ дѣлѣ проникнутъ христіанскимъ смиреніемъ и имѣлъ единственной цѣлью назиданіе ближняго, чтобъ исполнить свою задачу успѣшно“. Такъ говорилъ человѣкъ настолько скромный и правдивый, что болѣе чѣмъ кто-либо могъ говорить о себѣ безпристрастно. При этомъ мнѣ невольно пришли на память слова ученика его, хорошо его знавшаго, въ Бозѣ почившаго императора Александра III, пере-

данныя мнѣ однимъ изъ присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ на завтракѣ у императора. Зашелъ какъ-то споръ и разногласіе по какому-то литературному вопросу, и одинъ изъ спорящихъ сказалъ: „я слышалъ, по крайней мѣрѣ, отъ Якова Карловича, что это такъ“. Императоръ замѣтилъ: „Ахъ, это Яковъ Карловичъ сказалъ,—ну въ такомъ случаѣ это такъ же вѣрно, какъ Евангеліе“.

Въ маѣ сестра Роза Карловна поѣхала погостить въ Петербургъ къ Корфамъ, и маменька осталась одна. Мы убѣдительно просили ее приходить ежедневно кушать къ намъ, чтобы не хлопотать съ хозяйствомъ. О переселеніи къ намъ на все это время она, конечно, и слышать не хотѣла, не желая по заботливости характера оставлять прислугу постоянно одну и безъ дѣла. Наконецъ, согласились на томъ, что два раза въ недѣлю мы будемъ у нея обѣдать, а всѣ остальные дни она—у насъ. Это было время самаго нѣжнаго сближенія моего съ матерью моего мужа. Она приходила къ намъ на цѣлые дни, располагалась, какъ дома, и цѣлые часы проводила у кроватки внука, пока онъ спалъ, любуясь имъ. Часто мы читали ей громко, сидѣли съ нею въ садикѣ или катали ее въ нашей триллѣ за городъ. Хорошенькій этотъ экипажецъ, купленный мужемъ въ Стокгольмѣ, и парочка вороныхъ лошадей въ шорахъ и съ кучеромъ, по тамошнему, въ ливреѣ, прекрасно намъ служили. Трилла могла запрягаться и въ одиночку, съ оглоблями и парой—въ дышло. Приспособленіе для того или другого было очень просто: оно снималось и надѣвалось легко и закрѣплялось съ помощью винтовъ и гаекъ. Разъ, когда мы поѣхали парой за городъ по Петербургской дорогѣ, мы должны были, возвращаясь, спуститься внизъ по крутой улицѣ отъ русской церкви къ

площади, между университетомъ и соборомъ. Мужъ мой сидѣлъ на козлахъ. Кучеръ сильно осадилъ лошадей, сдерживая ихъ на горѣ, и вдругъ мы увидѣли, что упряжь съ лошадьми отдѣляется отъ экипажа. Кучеръ забылъ закрѣпить дышло винтами, а просто только надѣлъ его. Видя опасность, еслибъ лошади упали, отъ напиравшаго на нихъ экипажа, онъ рѣшился спрыгнуть съ козелъ и круто повернуть ихъ направо въ улицу, мимо русской библіотеки, и онѣ помчались испуганныя и потащили его за собою, но по счастію онъ упалъ, выпустивъ возжи, и отдѣлался легкими ушибами. Экипажъ же благополучно скатился съ горы и безъ лошадей съ двумя дамами и Яковомъ Карловичемъ на козлахъ торжественно подкатилъ къ большой университетской лѣстницѣ съ площади. Въ одну минуту мы были окружены толпой любопытныхъ, а профессоръ Нордманъ, увидѣвъ изъ окна на козлахъ Якова Карловича, поспѣшно заковылялъ на своемъ костылѣ по лѣстницѣ къ намъ, вообразивъ, что коллега его пробуетъ самокатъ С. И. Барановскаго, надъ изобрѣтеніемъ котораго онъ тогда трудился. Но намъ было не до смѣху. Мы безпокоились, чтобъ испуганныя лошади, мчавшіяся по улицѣ, не натворили большихъ бѣдъ. Но, слава Богу, онѣ, опрокинувъ кучера, вскорѣ послѣ того задѣли упряжью за тумбу, что и остановило ихъ. Конечно, и дышло и все приспособленіе къ его придѣлкѣ было изломано въ куски, но мы были счастливы, что отдѣлались однимъ испугомъ.

Помянувъ объ изобрѣтеніяхъ Барановскаго, нельзя не сказать здѣсь, что онъ до того увлекался ими въ эту эпоху, что ничѣмъ другимъ заниматься не могъ и безпрестанно ѣздилъ по этимъ дѣламъ въ Петербургъ, что ставило мужа въ весьма затрудни-

тельное и непріятное положеніе. Дошло до того, что домашніе его бѣдствовали, а онъ разъ пришелъ къ намъ съ предложеніемъ годовую плату нашу доктору Миквицу отдать ему на устройство его самодвижущагося экипажа, котораго первый экземпляръ онъ хочетъ поднести этому доброму человѣку, дѣлающему столько визитовъ пѣшкомъ и столько добра бѣднымъ. На вопросъ, какимъ же механизмомъ этотъ экипажъ будетъ приводиться въ движеніе, Барановскій отвѣчалъ, что педалью и лѣвой ногой. Мужъ отшутился словами: „Ну знаете, Степанъ Ивановичъ, вѣдь теперь Миквицъ ходитъ на двухъ ногахъ, а если будетъ слишкомъ напрягать одну лѣвую, то, пожалуй, лишится ея".

Это лѣто было у насъ тоже довольно знакомыхъ. Посѣщалъ насъ петерб. профессоръ Неволинъ, старички Бутковы, Броневскій, директоръ Лицея, и сынъ его, женившійся на моей товаркѣ по институту—Сатиной.

Съ конца іюня начала появляться въ Гельсингфорсѣ сильная желудочная эпидемія (dissenterie), уносившая почти болѣе жертвъ, чѣмъ въ послѣдніе годы холера. Старики и дѣти особенно не переносили ее; только люди молодые, съ хорошимъ организмомъ, выздоравливали. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Гельсингфорсъ, умирало отъ нея до 40 человѣкъ въ день. Мужъ мой, простудившись какъ-то, прихворнулъ, но тщательно отъ меня скрылъ, чѣмъ былъ боленъ, и я удивлялась, что докторъ, посѣщавшій его ежедневно и прописывавшій всякія микстуры, не помогаетъ ему и не можетъ возстановить его здоровье. Усердно ухаживала я за моимъ дорогимъ больнымъ, который все почти лежалъ и почти мѣсяцъ держалъ его этотъ злой недугъ. Наконецъ, Господь умилосердился надъ нами, и къ

концу іюля онъ вполнѣ оправился. Между тѣмъ, къ намъ пріѣхалъ погостить братъ Константинъ Карловичъ, и можно представить, какъ больной сѣтовалъ, что не могъ съ нимъ никуда выходить и выѣзжать.

Однако, и во время болѣзни онъ не переставалъ трудиться надъ злополучными статутами, насколько ему позволяли силы, и это-то напряженное писаніе положило начало упорной болѣзни его правой руки, судороги при писаніи—Schreibkrampf. Эта болѣзнь подкрадывалась къ нему незамѣтно, но усилившись уже въ Петербургѣ во время служенія при вел. князьяхъ Николаѣ и Александрѣ Александровичахъ заставило его почти на цѣлыя 12 лѣтъ прибѣгнуть къ употребленію въ письмѣ лѣвой руки. Только его энергія и терпѣніе могли преодолѣть всю трудность научиться писать лѣвой рукой почти такъ-же хорошо, какъ правой. Онъ сдѣлалъ себѣ разлиневанныя тетради, подписавъ на нихъ: „Тетрадь чистописанія 40-лѣтняго Яши", и началъ учиться по всѣмъ правиламъ каллиграфіи, начавъ съ палочекъ, кружечковъ и проч. и скоро писалъ довольно бѣгло и четко.

Хотя трудъ перевода новаго устава былъ принятъ Яковомъ Карловичемъ подъ условіемъ, что онъ будетъ за него особо вознагражденъ, но по пріѣздѣ изъ Петербурга Норденстамъ сообщилъ ему, что, къ прискорбію, его хлопоты о вознагражденіи не имѣли успѣха. Такимъ образомъ, мужъ потерялъ цѣлые полгода за этимъ усидчивымъ и совѣстливымъ трудомъ, такъ какъ переводъ офиціальнаго языка требовалъ не только самаго тонкаго знанія обоихъ языковъ, но и величайшей точности въ выраженіяхъ. Да и кромѣ этого перевода Норденстамъ давалъ ему безпрестанно составлять и

переводить множество дѣловыхъ бумагъ. Яковъ Карловичъ находилъ, что въ условленномъ и обѣщанномъ вознагражденіи не могутъ отказать послѣднему поденщику. Но самъ обѣщавшій, вѣроятно, разсуждалъ иначе и побоялся въ Петербургѣ упомянуть о своемъ обѣщаніи. Надѣясь самъ побывать въ сентябрѣ въ Петербургѣ, Яковъ Карловичъ собирался переговорить съ Плетневымъ, какъ ему при этомъ поступить.

Въ серединѣ августа, достаточно оправившись отъ болѣзни, мужъ мой рѣшился ѣхать на обычную, не состоявшуюся весной и лѣтомъ, инспекцію школъ. Въ день его отъѣзда у насъ завтракали и провожали его маменька и сестра. Первая только тутъ заявила, что ей не совсѣмъ здоровится, что нѣсколько встревожило путешественника и онъ упросилъ ее тотчасъ по возвращеніи домой пригласить доктора, а я обѣщала ему извѣщать его ежедневно о состояніи ея здоровья. Первые два-три дня ей стало гораздо лучше: она была бодра и увѣряла, что у нея все прошло. Докторъ посѣщалъ ее ежедневно. Но простуда все-таки перешла въ господствующую эпидемію, и больная слегла при сильнѣйшемъ лихорадочномъ состояніи. Можно представить себѣ нашъ испугъ. Хотя я писала мужу ежедневно и даже иногда въ два города вдругъ, но мы соображали, что такъ какъ путешественникъ будетъ все удаляться отъ насъ до самаго Куопіо, то письма могутъ опаздывать по медленности финляндскихъ почтъ и рѣшились послать эстафету, въ чемъ помогалъ намъ адмиралъ Нордманъ. Между тѣмъ мы созвали консиліумъ изъ лучшихъ докторовъ, товарищей мужа, и они все еще утѣшали насъ, надѣясь справиться съ болѣзнью при крѣпкомъ организмѣ больной. Я вмѣстѣ съ сестрою и Александрой Ивановной Вульфертъ днемъ и ночью чередова-

лись у постели больной. Я совсѣмъ почти покинула своего крошку на попеченіе кормилицы и прислуги и только часто бѣгала взглянуть на него хоть на нѣсколько минутъ. Помню, какъ теперь, одну страшную ночь послѣ отправки эстафеты, когда я уже послѣ полуночи шла поспѣшно домой взглянуть на своего малютку и узнать, нѣтъ ли извѣстій о Яковѣ Карловичѣ, и вдругъ увидѣла громадное зарево прямо за нашимъ домомъ. Я въ ужасѣ буквально бѣгомъ пустилась къ дому, не помня себя, когда вдругъ кто-то сзади взялъ меня подъ руку съ ласковыми словами по-шведски: „не пугайтесь, ради Бога: это вовсе не близко къ вашему дому, это гораздо дальше". Я оглянулась и увидѣла одного изъ университетскихъ профессоровъ, но мало мнѣ знакомаго, и послѣ никогда не узнала, кто онъ былъ. Видно, испуганный бѣгъ мой поразилъ его, и дѣйствительно, событія моего дѣтства способствовали развитію во мнѣ болѣзненно-пугливаго воображенія, настроеннаго на ожиданіе всего худшаго. Съ этимъ настроеніемъ моимъ, которое и въ счастіи долго не покидало меня, всегда боролся мой несравненный мужъ, и онъ одинъ умѣлъ успокоивать меня своимъ яснымъ спокойствіемъ и непоколебимой вѣрой, что безъ воли Божіей не падетъ и волосъ съ головы нашей, какъ сказано въ Евангеліи. И въ самомъ дѣлѣ, оказалось, что пожаръ былъ за Абовскими казармами, которыя находились прямо въ направленіи нашего дома, гдѣ я нашла все въ своемъ порядкѣ. Между тѣмъ эстафета догнала моего мужа только въ самомъ отдаленномъ отъ насъ пунктѣ—въ Куопіо.

Поутру въ субботу 23 августа больная причастилась Св. Тайнъ въ полной памяти и все повторяла: „Дай Богъ, чтобъ мнѣ лучше стало, когда пріѣдетъ Яша". Ранѣе же въ самомъ разгарѣ болѣзни она

не разъ говорила объ обоихъ сыновьяхъ: „Бѣдные, они не знаютъ, какъ я страдаю". Наконецъ, въ эту ночь я имѣла радость встрѣтить моего мужа, и горячо благодарила Бога, что онъ еще засталъ мать. Мы тотчасъ же пошли туда, но онъ не входилъ къ ней, такъ какъ она спокойно дремала, и мы сидѣли до утра въ сосѣдней комнатѣ. Бѣдный сынъ былъ такъ потрясенъ, что я не могла не страдать вдвойнѣ, видя его неутѣшную горесть. Мы вмѣстѣ вошли къ ней, и она радостно ему улыбнулась, но уже не могла говорить, и вскорѣ, въ это же утро 24 авг. она скончалась. Ко дню погребенія 27 прибылъ изъ Петербурга и братъ Константинъ Карловичъ, котораго мы же ежедневно извѣщали о ходѣ болѣзни, но онъ былъ далекъ отъ мысли объ опасности. Долго не могъ мой мужъ привыкнуть къ своей потерѣ. Неутѣшна была сестра его, внезапно оставшаяся одинокой. Мы предлагали ей переселиться къ намъ, но она не могла рѣшиться покинуть свой домикъ со всѣми его воспоминаніями. Да и печальная необходимость привести въ порядокъ и сохранить вещи матери удерживала ее въ прежней квартирѣ, куда переѣхала къ ней другъ ея, Алекс. Ив. Вульфертъ. Но все-таки она большую часть дня проводила у насъ. Объ этихъ скорбныхъ событіяхъ мужъ мой писалъ Плетневу: „Маменька не боялась смерти и часто говорила о ней съ мудрымъ хладнокровіемъ. Она оставила во всѣхъ насъ самое свѣтлое воспоминаніе. Жизнь ея вся посвящена была заботамъ о дѣтяхъ и неуклонному исполненію самыхъ священныхъ обязанностей. Въ послѣдніе годы Богъ послалъ ей новыя радости: особенно рожденіе внука было для нея великой отрадой, и она въ послѣднее время приходила къ намъ ежедневно любоваться имъ. Но ровно черезъ 3 мѣсяца послѣ крестинъ

его (27 мая) мы имѣли горесть похоронить ее (27 августа). При воспоминаніи всѣхъ обстоятельствъ ея долгой жизни, при мысли о радостяхъ, которыя ей были посланы въ послѣдніе годы, отрадное утѣшеніе сливается со скорбью, и можно сказать, что прожить такимъ образомъ 72½ года и до конца сохранить всю бодрость и дѣятельность есть доля завидная... Въ ясномъ сознаніи маменька не видѣла своей опасности, или по крайней мѣрѣ не говорила о ней и не прощалась съ окружающими... Не знаю, случайно ли сдѣлалось, что я, бывъ такъ долго безотлучно съ нею, уѣхалъ именно на эту роковую недѣлю; но я благодарю Бога, что Онъ избавилъ меня отъ раздирающаго душу мученія видѣть единственный разъ въ жизни страданія матери и угасаніе ея силъ".

Предстояло теперь хлопотать о пенсіи сестры, и Яковъ Карловичъ поѣхалъ въ Петербургъ лично устроить это дѣло, что и удалось ему. Ей была оставлена вся пенсія матери и изъ казначейства, и изъ кабинета.

Гельсингфорсскій университетъ понесъ еще одну важную потерю. 13 октября скончался еще одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ, оріенталистъ, профессоръ Валлинъ 42 лѣтъ отъ роду, въ то время, какъ онъ собирался въ новое путешествіе по Аравіи. Онъ еще незадолго до смерти былъ у насъ и умеръ отъ разрыва сердца.

Въ октябрѣ же Плетневъ писалъ Якову Карловичу о томъ, что онъ былъ имъ предложенъ въ адъюнкты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Но по проискамъ Давыдова, покровительствовавшаго поляку Дубровскому, выборъ его не состоялся. Плетневъ выражалъ при этомъ сильное негодованіе, но Яковъ Карловичъ отвѣчалъ ему: „О предложеніи меня тобою на ваканцію адъ-

юнкта Академіи я зналъ изъ „Извѣстій“, но напередъ былъ почти увѣренъ, что не меня изберетъ большинство... Во всякомъ случаѣ я нахожу, что этотъ случай не долженъ измѣнить моихъ отношеній къ Отдѣленію, потому что я работаю не для лицъ, а для дѣла, которое люблю. На меня эта видимая неудача не произвела никакого впечатлѣнія, и я, получивъ вечеромъ твое письмо, на другое утро продолжалъ заниматься рукописью Ленстрема такъ же усердно, какъ и въ предыдущіе дни“.

VII.

Переселеніе изъ Финляндіи въ Петербургъ.

Продолжая чувствовать со смерти матери большую пустоту, Яковъ Карловичъ чаще сталъ помышлять о переселеніи въ Петербургъ, но положеніе въ Финляндіи соединяло въ себѣ столько преимуществъ независимости, дешевизны и спокойствія, что нелегко было промѣнять его на что-либо другое. Итакъ, благоразумнѣе было выждать, пока сама судьба представитъ перемѣну сколько-нибудь желательную, въ которой послѣ не пришлось бы раскаиваться.

Въ письмѣ отъ 15 октября мы поздравляли Плетнева съ рожденіемъ внука Лакьера, а 20 октября получили извѣстіе о смерти матери малютки, дочери Петра Александровича, Ольги. Какъ громомъ поразило насъ это великое несчастіе нашего друга. Отецъ такъ былъ потрясенъ имъ, что тутъ же прислалъ Якову Карловичу письмо, долженствовавшее быть передано наслѣднику въ случаѣ кончины Плетнева. Но онъ пережилъ свою потерю, и письмо это вручено было мужемъ моимъ государю Александру II уже гораздо позже, въ декабрѣ 1865 г., въ первые же

дни по полученіи извѣстія о кончинѣ Петра Александровича въ Парижѣ.

Около 25 октября Яковъ Карловичъ получилъ письмо отъ директора Лицея Броневскаго, гдѣ онъ, съ согласія принца Ольденбургскаго, предлагаетъ ему занять въ Лицеѣ каѳедру русской словесности на открывшуюся тамъ ваканцію. Мѣсто это вовсе не улыбалось мужу: ему очень не хотѣлось промѣнять университетскую каѳедру на лицейскую; но всетаки онъ счелъ долгомъ сообщить объ этомъ другу своему Плетневу. Послѣдній, только-что потерпѣвшій такую горькую утрату, болѣе чѣмъ когда-либо носился съ мыслію перетянуть Якова Карловича въ Петербургъ. Онъ горячо принялъ къ сердцу предложеніе Броневскаго и настаивалъ на веденіи серіозныхъ переговоровъ, давая мысль, что къ Лицею можно присоединить и Правовѣдѣніе. Однако, онъ узналъ, что тамъ у Языкова свой кандидатъ Вышнеградскій, педагогъ, братъ будущаго министра, и тогда Плетневъ старался убѣдить Якова Карловича, что онъ прекрасно обойдется съ однимъ Лицеемъ, дополняя содержаніе свое литературными трудами. Хотя мужъ мой всегда смотрѣлъ на литературный трудъ, какъ на выполненіе призванія и потребности души, а не какъ на заработокъ, и даже сомнѣвался, будетъ ли у него достаточно досуга для собственныхъ работъ, но онъ высказывалъ Плетневу другую, болѣе важную въ глазахъ его заботу. Умудренный опытомъ житейскимъ и будучи уже человѣкомъ семейнымъ, Яковъ Карловичъ не спѣшилъ легкомысленно принять первое предложеніе перейти въ Петербургъ, и потому отвѣтъ его Броневскому былъ почти-что отказомъ. Его очень заботило, будутъ ли годы службы его въ Финляндіи зачтены ему для пенсіи по русскимъ, а не по финляндскимъ законамъ. При переходѣ въ Финляндію на службу,

онъ по молодости и безпечности не выговорилъ себѣ этого условія, что было такъ легко при особенномъ благоволеніи къ нему Ребиндера и прежняго его начальника М. А. Корфа „Тогда такая безпечность была мнѣ простительна", пишетъ Яковъ Карловичъ Плетневу. „Извѣстно, что ни въ какомъ званіи такъ не чувствуется утомленіе, какъ въ преподавательскомъ, и потому я желаю обезпечить себѣ возможность, въ случаѣ усталости, оставить его для посвященія себя свободно ученымъ занятіямъ... Вотъ какъ я смотрю на это дѣло, и настоящее мое положеніе позволяетъ мнѣ такъ смотрѣть, потому что, если желанія мои не могутъ исполниться, то я охотно останусь и на теперешнемъ мѣстѣ. Правда, что я при этомъ лишаюсь многаго, и одно изъ главныхъ лишеній есть отсутствіе родныхъ и друзей; но есть блага въ жизни, которыми нельзя пожертвовать добровольно безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ". Однако, убѣжденія Плетнева были такъ настоятельны, что Яковъ Карловичъ рѣшился на поѣздку въ Петербургъ для ближайшихъ переговоровъ, какъ скоро наступятъ финляндскіе праздники, т. е. въ началѣ декабря.

Между тѣмъ 24 ноября онъ вдругъ получаетъ отъ Плетнева письмо слѣдующаго содержанія:

„СПбургъ. 22 ноября 1852 г.

„Только два слова: ужъ два года у меня лежало на сердцѣ, чтобы доставить въ лицѣ твоемъ Государю Наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей, такого, какимъ былъ Жуковскій для него самого. Но случая къ тому никакого не открывалось. Вчера Зиновьевъ пріѣхалъ ко мнѣ совѣтоваться о выборѣ учителя русскаго языка. Тутъ я началъ толковать ему о сосредоточеніи ученія въ вѣдѣніи одного лица,

какъ-бы инспектора классовъ, и тотчасъ назвалъ для этого тебя. Онъ былъ затрудненъ тѣмъ, что ты, будучи иновѣрецъ *), поставленъ будешь во главѣ всего ученія. Однако, какъ Зиновьевъ очень благороденъ и честенъ, да и ко мнѣ имѣетъ довѣренность, то сказалъ объ этомъ В. Князю. Этотъ позвалъ меня къ себѣ. Ему моя мысль понравилась, и я не могъ скрыть отъ него, что тебя и безъ того вызываютъ въ Лицей. Тогда Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ оканчивать дѣло съ Зиновьевымъ. Этотъ сейчасъ опять пріѣхалъ ко мнѣ и умолялъ меня согласиться, чтобъ я упросилъ тебя *для перваго раза* не требовать званія инспектора, а только пока взять обязанность учить русскому языку, пока Зиновьевъ лично не ознакомится съ тобой и не приметъ въ сердце убѣжденія собственнаго, что безотвѣтственно можетъ передъ Россіей назвать тебя инспекторомъ ученья будущаго Наслѣдника престола. Я понялъ его, уважилъ его мысль и согласился, прибавивъ: въ такомъ случаѣ ты не долженъ отклонять отъ себя профессорство въ Лицеѣ. На томъ мы и покончили пока. Пріѣзжай же скорѣй сюда. Теперь два побужденія".

Яковъ Карловичъ немедленно отвѣчалъ Плетневу:

Гф-сп. 25 ноября.

„Ты можешь представить себѣ, какое радостное впечатлѣніе произвело на насъ послѣднее письмо твое. Но я не въ состояніи выразить тебѣ всю благодарность, какую мы къ тебѣ почувствовали при этомъ новомъ доказательствѣ твоей истинной ко мнѣ дружбы и добраго мнѣнія обо мнѣ. До глубины души были мы имъ тронуты и долго разсуждали о тебѣ и обо

*) Это соображеніе не помѣшало, однако, гораздо позже и при вполнѣ пассивномъ отношеніи Зиновьева, поставить во главѣ образованія Наслѣдника Гримма, чистѣйшаго нѣмца, не знавшаго ни слова по-русски.

всемъ, чѣмъ я тебѣ обязанъ. Чтобы скорѣе рѣшить дѣло, я тотчасъ по прочтеніи письма твоего отправился къ Норденстаму и, ничего не говоря еще о твоемъ соглашеніи съ Зиновьевымъ, объявилъ только о вызовѣ, сдѣланномъ мнѣ отъ Лицея, и необходимости ѣхать немедля въ Петербургъ. Онъ принялъ радушное участіе въ судьбѣ моей и разрѣшилъ мнѣ отправиться послѣ-завтра.

„Итакъ, въ воскресенье надѣюсь съ тобой увидѣться, а можетъ быть еще и въ субботу.

„Я понимаю всю важность обязанностей, которыя ожидаютъ меня даже въ томъ ограниченномъ видѣ, въ какомъ назначаетъ мнѣ ихъ Зиновьевъ; по твоему же плану онѣ пугаютъ меня. При всемъ томъ, я радостно вступлю на поприще, которое такъ достойно трудовъ и всего напряженія способностей. Желаю, чтобъ Зиновьевъ удѣлилъ мнѣ хоть часть той довѣренности, которую ты всегда ко мнѣ имѣлъ. Причины его затрудненій я уважаю, хоть онѣ въ отношеніи ко мнѣ и не могутъ имѣть примѣненія. Я очень радъ, что ты при этихъ переговорахъ имѣлъ случай довести до свѣдѣнія Его Высочества о моемъ намѣреніи оставить финляндскую службу. До свиданія“!

Итакъ, 28 ноября Яковъ Карловичъ пустился въ Петербургъ, по дорогѣ заѣзжалъ къ другу своему Рунебергу, а 30-го былъ ужъ у брата своего, у котораго остановился. Оттуда писалъ онъ мнѣ ежедневно, и я съ величайшей точностью сообщу здѣсь содержаніе этихъ писемъ. Плетневъ встрѣтилъ его съ великой радостью и трогательно описалъ ему подробности всего хода болѣзни дочери. Въ тотъ же день написалъ онъ Зиновьеву о пріѣздѣ мужа, спрашивая его, когда онъ можетъ свидѣться съ нимъ. На другой же день Яковъ Карловичъ поѣхалъ къ

Броневскому, и тотъ принялъ его съ особенной сердечностью, познакомилъ его съ инспекторомъ Миллеромъ, водилъ его по классамъ и между прочимъ сообщилъ ему, что его особенно рекомендовалъ ему Давыдовъ (желая вѣрно загладить свое отношеніе въ Академіи). Броневскій сказалъ также моему мужу, что дѣло о пенсіи по русскимъ законамъ устроится легко, и что онъ уже сдѣлалъ для этого первые шаги черезъ Гофмана, который послалъ запросъ въ министерство просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ Якову Карловичу выхлопотать ему на подъемъ рублей 700. На лекціяхъ подошелъ къ нимъ будущій товарищъ мужа по преподаванію (англійскаго языка) и въ Лицеѣ и у великихъ князей Шау (Shaw), и спросилъ его, не будетъ ли онъ давать частные уроки, и что онъ позволилъ себѣ уже рекомендовать его княгинѣ Чернышевой. Конечно, на это мужъ не могъ дать рѣшительнаго отвѣта ранѣе совершеннаго выясненія всѣхъ сдѣланныхъ ему предложеній. Броневскій очень напиралъ на то, что желательно было бы, чтобы Яковъ Карловичъ перешелъ въ Петербургъ какъ можно скорѣе. Оттуда онъ заѣхалъ къ Плетневу узнать о свиданіи своемъ съ Зиновьевымъ и прочелъ слѣдующій его отвѣтъ: „Дабы скорѣе мнѣ ознакомиться съ г. Гротомъ, всего удобнѣе, чтобы онъ пожаловалъ сегодня или завтра между 10 и 12 часами во дворецъ съ комендантскаго подъѣзда на половину маленькихъ Великихъ Князей".

Было уже болѣе часа, и ѣхать въ этотъ день во дворецъ было поздно; пришлось отложить это до слѣдующаго утра.

Послѣ первыхъ привѣтствій Зиновьевъ спросилъ мужа, согласится ли онъ давать уроки дѣтямъ и заниматься съ ними грамматикой, и на утвердительный отвѣтъ мужа прибавилъ, что онъ желалъ бы

поручить ему русскій языкъ, исторію и географію, что такимъ образомъ у него будетъ въ началѣ шесть часовъ занятій въ недѣлю съ каждымъ вел. княземъ, стало быть, всего 12. Слышавъ отъ Плетнева, что онъ женатъ на Семеновой, онъ распространился объ отцѣ и дядяхъ моихъ, сослуживцахъ своихъ по измайловскому полку, и вспомнилъ, что я съ дядей послѣ выпуска у нихъ обѣдала и они пили мое здоровье, какъ первой шиферницы. Затѣмъ онъ сталъ спрашивать, когда могутъ начаться уроки. Отвѣтомъ мужа, что ему трудно будетъ окончить свои дѣла въ Гельсингфорсѣ раньше февраля, такъ какъ уже по возвращеніи его будетъ половина декабря, онъ, казалось, былъ не совсѣмъ доволенъ, но обѣщалъ доложить объ этомъ великой княгинѣ.

Уѣзжая, Яковъ Карловичъ предупредилъ его, что онъ на дняхъ долженъ представиться вел. князю, какъ своему начальнику, на что Зиновьевъ замѣтилъ, что, вѣроятно, Его Высочество будетъ говорить съ нимъ о новой его службѣ.

Посѣтивъ послѣ этого Армфельта, мужъ узналъ отъ него, что ему назначено за труды его по переводу статутовъ 700 р. награжденія и прибавилъ, что наслѣдникъ на дняхъ очень хвалилъ его и замѣтилъ, что, если онъ когда-нибудь покинетъ Гельсингфорсскій университетъ, то очень трудно будетъ замѣнить его. Яковъ Карловичъ сообщилъ ему о вызовѣ его въ Лицей и къ вел. князьямъ, и онъ выразилъ большое сожалѣніе, что Финляндія его лишится. Когда же Яковъ Карловичъ пошелъ поблагодарить и Фишера и сообщилъ ему о своемъ переходѣ въ Лицей, то Фишеръ живо возразилъ, что, если рѣчь идетъ о пенсіи, то, конечно, и они это готовы устроить, лишь бы Яковъ Карловичъ остался въ Финляндіи, и что новый параграфъ статутовъ вовсе до него не каса-

ется. Такъ-то оправдалась пословица: „что имѣемъ— не хранимъ, потерявши плачемъ“. Но, когда Яковъ Карловичъ сообщилъ ему о второмъ своемъ назначеніи, то Фишеръ воскликнулъ: „ну, тутъ ужъ нельзя отказываться, такъ какъ это можетъ имѣть важныя послѣдствія для всего будущаго“.

На слѣдующее утро (3 декабря) состоялось представленіе принцу Ольденбургскому и вел. князю наслѣднику. Принцъ долго разговаривалъ съ мужемъ, много разспрашивалъ о Финляндіи, объ университетѣ и заключилъ разговоръ желаніемъ, чтобы Лицей подъ вліяніемъ мужа продолжалъ давать Россіи такихъ же хорошихъ литераторовъ, какъ онъ. Принцъ зналъ уже о приглашеніи Якова Карловича въ преподаватели къ вел. князьямъ. Отправившись оттуда въ Зимній дворецъ, Яковъ Карловичъ сначала встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія со стороны прислуги, такъ какъ день былъ не пріемный. Но когда онъ объяснилъ, что по докладу графа Армфельта ему назначено представиться въ этотъ день, то онъ тотчасъ же былъ допущенъ. Послѣ мужъ узналъ, что заботливый Плетневъ былъ въ это утро рано у наслѣдника напомнить ему о пріемѣ. Вотъ слово въ слово, какъ описалъ мнѣ Яковъ Карловичъ это представленіе: „Его Высочество прежде всего разспросилъ меня объ университетѣ, а я благодарилъ его за назначенную мнѣ денежную награду. Потомъ онъ сказалъ: „Я слышалъ, что вы переходите сюда на службу. Для университета я очень сожалѣю объ этомъ, но увѣренъ, что вы будете равно полезны тому заведенію, въ которомъ вы воспитывались. И мы имѣемъ на васъ виды. Я желалъ бы, чтобы вы давали моимъ дѣтямъ уроки русскаго языка, исторіи и географіи, конечно, сначала въ главныхъ основаніяхъ“. На отвѣтъ Якова Карловича, что онъ будетъ счаст-

ливъ, если принесетъ пользу Ихъ Высочествамъ, онъ прибавилъ: „Итакъ, поручаю вамъ моихъ ребятишекъ". На вопросъ мужа, когда наслѣднику угодно будетъ назначить срокъ его переѣзда, онъ просилъ его, если возможно, постараться быть въ Петербургѣ уже въ концѣ января.

Конечно, съ самимъ вел. княземъ не могло быть никакого разговора объ условіяхъ, на которыхъ Яковъ Карловичъ поступалъ къ дѣтямъ его, да и съ Зиновьевымъ онъ не входилъ въ подробныя разъясненія объ этомъ, положившись на слова Плетнева, что за преподаваніе трехъ предметовъ двумъ старшимъ вел. князьямъ ему, конечно, назначатъ не менѣе 3—4 тысячъ, а когда онъ, по согласію на то государя и обѣщанію Зиновьева, будетъ поставленъ во главѣ ихъ умственнаго образованія, то, вѣроятно, получитъ то же, что получалъ Жуковскій, т. е. тысячъ пять-шесть. Вообще Яковъ Карловичъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы ставить свои условія, да и никогда не гоняясь за личной выгодой, былъ единственно озабоченъ, какъ-бы наилучшимъ образомъ исполнить свое высокое назначеніе.

Вел. княгиня сама выразила желаніе, чтобъ, по крайней мѣрѣ, главные предметы были отданы Якову Карловичу, находя, что чѣмъ болѣе первоначальное преподаваніе сосредоточено въ рукахъ одного лица тѣмъ больше онъ будетъ имѣть нравственное вліяніе на своихъ учениковъ. И это желаніе цесаревны было, конечно, основано на добромъ мнѣніи о Яковѣ Карловичѣ наслѣдника канцлера.

Во второмъ свиданіи съ Зиновьевымъ, мужъ мой услышалъ отъ него предложеніе взять на себя и преподаваніе нѣмецкаго языка, прибавивъ, что тогда и содержаніе его увеличится. Послѣ того Зиновьевъ предложилъ представить его вел. князьямъ.

Они пошли въ ихъ комнаты, и Яковъ Карловичъ нашелъ ихъ весьма милыми, привѣтливыми дѣтьми. Изъ нихъ старшій—Николай, по словамъ его, очень похожъ на отца, и говорятъ очень способенъ. Ему было всего еще 9 лѣтъ, а младшему Александру не минуло еще и 8-ми. На вопросъ Зиновьева, какіе онъ можетъ дать часы вел. князьямъ, Яковъ Карловичъ просилъ позволенія узнать. въ Лицеѣ, не назначены ли тамъ уже его часы, на что Зиновьевъ согласился. Броневскій назначилъ уже вторникъ и четвергъ отъ 9-ти до часу съ промежуткомъ для прогулки и отдыха, чѣмъ Яковъ Карловичъ былъ очень доволенъ. Въ этотъ же день онъ съ братомъ обѣдалъ у Гирса, который пригласилъ для нихъ Ѳ. П. Литке и Н. А. Милютина. Вечеромъ онъ былъ у Сабуровыхъ, которые много разспрашивали обо мнѣ и сынѣ Колѣ и радовались, что мы опять часто будемъ видѣться.

Послѣ одного обѣда у М. А. Корфа братъ Ольги Ѳедоровны, Леопольдъ Ѳедоровичъ Корфъ предложилъ мужу познакомить его съ Вѣрой Николаевной Скрыпицыной—первой наставницей вел. князей, и они къ ней поѣхали вмѣстѣ. Она очень хвалила своихъ маленькихъ учениковъ, сообщила много интереснаго о ихъ способностяхъ и занятіяхъ и просила Якова Карловича ее навѣщать.

Опасаясь, что мы не справимся съ дѣлами своими къ назначенному сроку, мы сначала полагали, не лучше ли будетъ Якову Карловичу переѣхать одному, а мнѣ остаться, пока онъ найдетъ квартиру и устроится, да и станетъ нѣсколько теплѣе. Но идея разлуки такъ ему не улыбалась, да и положеніе мое (я ожидала прибавленія семьи) дѣлали мое путешествіе одной съ малюткой нѣсколько рискованнымъ. И вотъ Яковъ Карловичъ рѣшился тотчасъ энерги-

чески искать квартиры, хотя время для этого было самое неблагопріятное. Онъ объѣзжалъ Васильевскій островъ, чтобъ быть поближе къ Плетневу, также окрестности Милліонной, гдѣ былъ бы ближе ко дворцу и къ брату Константину Карловичу, который жилъ тогда у Конюшеннаго моста. Долго ему не попадалось ничего подходящаго. Онъ искалъ квартиру отъ 400 до 500 рублей и успокоивалъ меня, что полученіе имъ 700 р. за переводъ статутовъ и 700 изъ Лицея на подъемъ достаточно обезпечитъ наше путешествіе и первое устройство. Совершенно случайно попалось мужу въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о квартирѣ на Васильевскомъ острову въ 4-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, изъ 5-ти комнатъ въ 1-мъ этажѣ. Квартира передавалась отъ жильца, по причинѣ отъѣзда изъ Петербурга. Она оказалась для насъ тѣмъ пригоднѣе, что была теплая, а не промерзлая и нетопленая зимой.

Къ 15-му декабря, дню своего рожденья, Яковъ Карловичъ вернулся домой. Не легки были для меня въ моемъ положеніи эти торопливые сборы, хлопоты по распродажѣ мебели, укладкѣ и отправкѣ вещей въ Петербургъ. Но я рѣшилась освободить мужа отъ этихъ мелкихъ заботъ, такъ какъ ему при сдачѣ всѣхъ дѣлъ по университету, русской библіотекѣ и у книгопродавцевъ, предстояли еще проводы товарищей и друзей, угощавшихъ его на прощанье обѣдами и ужинами съ произнесеніемъ рѣчей. Въ нихъ высказано было много искреннихъ, задушевныхъ выраженій сожалѣнія, что онъ покидаетъ край, въ которомъ его высокая образованность, благородный характеръ и вмѣстѣ съ этимъ скромность и благонамѣренный, возвышенный образъ мыслей во все время его службы пріобрѣли ему всеобщія симпа-

тіи и уваженіе. „Конечно, ты для насъ незамѣнимъ“, говорили они, „но мы радуемся, что наслѣдникъ, который такъ искренно любимъ у насъ, будетъ имѣть при дѣтяхъ своихъ такого наставника, какъ ты“.

Мы и сами не могли не пожалѣть о нашей тихой безмятежной жизни, которая осуществила для насъ самое полное семейное счастье.

Уѣзжая, Яковъ Карловичъ предоставилъ въ пользованіе финляндскихъ училищъ все имъ напечатанное для школъ края безвозмездно, а уже изданное и находящееся въ продажѣ предоставилъ племянницѣ своей, сиротѣ—Розѣ Карловнѣ Линкъ. Въ Петербургѣ успѣлъ онъ пріобрѣсти изъ мебели только весьма немногое, и тутъ добрый братъ его принесъ намъ на помощь, взявъ на себя снабдить кухню самымъ необходимымъ на первый случай. Распродали мы вещи, экипажи, лошадей очень скоро, конечно съ уступкой. Изъ своей мебели я сохранила очень мало, но я дорожила особенно вещами Якова Карловича, тѣми, къ которымъ онъ привыкъ и которыя сопровождали всю его финляндскую жизнь, и сохранила кабинетъ его почти сполна, хотя онъ сначала писалъ мнѣ изъ Петербурга, чтобъ я все продала. Съ помощью вѣрнаго университетскаго нашего сторожа, вахмистра Дегергольма, трогательно преданнаго Якову Карловичу, какъ всѣ когда-либо ему служившіе, уложена была подъ моимъ руководствомъ вся его библіотека въ нѣсколько ящиковъ и по ходатайству статсъ-секретаріата вещи наши, какъ всѣ подержанныя, перевезены были безпошлинно.

Наконецъ, Господь помогъ намъ преодолѣть всѣ трудности, и 20-го января мы пустились въ путь, зимою, съ девяти-мѣсячнымъ нашимъ первенцемъ. Яковъ Карловичъ ѣхалъ въ отдѣльномъ открытомъ

экипажѣ, я же съ малюткой въ закрытомъ возкѣ, пересаживаясь иногда и къ мужу. Путешествіе это было не легкое, такъ какъ морозы все усиливались и доходили до двадцати пяти слишкомъ градусовъ. На станціяхъ было такъ холодно, что надо было согрѣвать бѣлье малютки грѣлкою, и часто предолго ждать, пока закипитъ самоваръ. Но, однако, крошка нашъ перенесъ самый переѣздъ очень хорошо; только не такъ благополучно прошло для него устройство наше на довольно тѣсной квартирѣ при внесеніи въ нее холодныхъ вещей и холодной мебели, и какъ мы ни старались уберечь его отъ простуды, онъ всетаки довольно сильно прихворнулъ.

Очень счастливымъ обстоятельствомъ для насъ было то, что почти напротивъ насъ жилъ въ собственномъ домѣ докторъ, почтенный старичекъ, Изенбекъ, сердечный и участливый, и мы могли тотчасъ обратиться къ его помощи. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ такимъ же другомъ нашего дома, какимъ былъ Миквицъ въ Гельсингфорсѣ *).

*) Съ осени того же 1853 года Гроты поселились уже на новой квартирѣ, въ 1-й линіи, въ домѣ Сазонова, гдѣ Н. П. жила въ дѣтствѣ съ матерью и гдѣ они теперь прожили непрерывно 37 лѣтъ, лишь за три года до кончины Я. К. оставивъ этотъ домъ для казенной академической квартиры. См. выше, стр. 38. *Ред.*